

МИР-АЛИ-ШИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1928

МИР-АЛИ-ШИР

СБОРНИК К ПЯТИСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1928

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Март 1928 г.

Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. В. Бартольд*

Начато набором в феврале 1927 г. — Окончено печатанием в марте 1928 г.

Тит. л. + II + 174 стр. + 2 неч.

Ленинградский Областной № 44974. — 10¹⁴/₁₆ печ. л. — Тираж 850

Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>В. В. Бартольд.</i> Предисловие	I
<i>А. Н. Самойлович.</i> К истории литературного средне- азиатско-турецкого языка	1
<i>Е. Э. Бертельс.</i> Невāи и 'Аттār	24
<i>А. А. Ромаскевич.</i> Новый чагатайско-персидский словарь	83
<i>В. В. Бартольд.</i> Мир-Али-Шир и политическая жизнь	100

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

1. <i>А. А. Семенов.</i> Персидская новелла о Мир-Али-Шире „Неваи“ (<i>Е. Э. Бертельс</i>)	165
2. نوای — Сборник Азербайджанского Литературного Общества (<i>А. Н. Самойлович</i>)	167
3. علی شیر نوایی — وقفیه (آذر نشر — 1926 — باکو). Его же — منشآت (<i>А. Н. Самойлович</i>)	170
4. حسین بایقرا دیوانی — آذر نشر — باکو Диван Хусейна Байкара (<i>А. Н. Самойлович</i>)	171
5. Эмир Али-Шир Наваи. Сравнительное изучение двух языков: Фарсидского и Тюркского. Собрал и переложил на Туркменский язык <i>А. Куль-Мухамедов</i> . (<i>А. Н. Самойлович</i>)	172

SOMMAIRE

	Page
<i>W. Barthold.</i> Préface	I
<i>A. Samojlovič.</i> Contribution à l'histoire de la langue littéraire de l'Asie Centrale.	1
<i>E. Berthels.</i> Nevāyi et 'Attār	24
<i>A. Romaskevič.</i> Un nouveau dictionnaire čagataï-persan	83
<i>W. Barthold.</i> Mīr 'Alī Shīr et la vie politique.	100

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

1. <i>A. Semenov.</i> Une nouvelle persane concernant Mīr 'Alī Shīr (<i>E. Berthels</i>).	165
2. نوایی — Recueil publié par la Société Littéraire de l'Adharbaidjan (<i>A. Samojlovič</i>).	167
3. منشآت — وقفیه — علی شیر نوایی (<i>A. Samojlovič</i>).	170
4. حسین بایقرا دیوانی — (<i>A. Samojlovič</i>).	171
5. Mīr Alī Shīr Navāyi. Étude comparée des langues persane et turque. Traduite par A. Kul-Muhammedov (<i>A. Samojlovič</i>).	172

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академией Наук еще в начале 1926 г. было пред-
решено издание сборника, который был бы посвящен
турецкому поэту Мир-Али-Ширу Неваи, по случаю
исполнившегося пятисотлетия со дня его рождения по
мусульманской лунной эре. Об этом было заявлено
Непременным Секретарем 6 марта 1926 г. на Первом
Всесоюзном Туркологическом Съезде в Баку. Указан-
ный в этом заявлении, напечатанном в стенографи-
ческом отчете Съезда, срок издания сборника (осень
1926 г.) пришлось несколько изменить; иначе, чем
предполагалось, определилось и содержание сборника,
в виду неполноты и устарелости имевшихся ранее
сведений о Мир-Али-Шире, как деятеле в области
литературы, турецкой и персидской, и в области
политической жизни. На пополнение этого пробела
в научной литературе было признано необходимым
обратить главное внимание.

В. Бартольд.

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

А. Н. САМОЙЛОВИЧА

Имя второго из сыновей Чингиз-хана, Чагатай,¹ получившего в удел земли к востоку от улуса Джучи, к которому относился и Хорезм, т.е. большую часть Западного Туркестана с прилегающими землями Туркестана Восточного (главная ставка находилась около нынешней Кульджи), употреблялось в западной части Чагатаева улуса, в Мавераннахре при чагатайцах и тимуридах² „для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции населения“ смешанного: монгольско-турецкого, монгольская часть коего вскоре отуречилась. Такое же население восточной части Чагатаева улуса именовалось „могулами“. В мемуарах на чагатайском языке тимурида Бабура³ люди одного хана делятся на „сипахи“, „райат“, „могул“ и „чагатай“. Кочевники-чагатайцы вошли в XVI веке после падения власти тимуридов и возникновения узбекских владений на бывших тимуридских землях в состав узбекской кочевой массы, и поныне среди узбеков Самаркандского и Хивинского районов имеются⁴ родовые деления с именем „чагатай“. Как один из

¹ Так как искусственная, книжная транскрипция этого имени „Джагатай“ не является в русской научной литературе общепризнанной и так как при постоянном живом общении со среднеазиатскими турками я привык к живому произношению „Чагатай“ (по-казацки „Шагатай“), усвоенному и западно-европейской литературой, то я вслед за Коршем пишу не „Джагатай“, а „Чагатай“.

² В. В. Бартольд, Улугбек и его время. Зап. Акад. Наук, VIII серия, по историко-филол. отд., т. XIII, № 5, 1918 г., стр. 11.

³ Изд. Ильминского, стр. 255; изд. Беверидж, стр. 202.

⁴ Аристов, Заметки об этнич. составе тюркских племен. Жив. Старина 1896 г., вып. III—IV, стр. 423, 425.

следов завоевания Индии тимуридом Бабуром племя „чагатай“ отмечено переписью 1881 г. в составе населения Индии.¹

В связи с этими фактами первоначальное значение названия „чагатай“ применительно к языку должно было бы сводиться к обозначению живых говоров кочевников — „чагатайцев“, т. е. чагатайских говоров, позднее — говоров тех узбекских родов, которые именуются „чагатай“. Отзвуком иного значения названия „чагатай“ применительно к языку являются известные слова хивинского автора XVII века Абульгази-хана, который именовал язык своего произведения „Родословное древо турецкое“ просто „турецким“ (ترکی) и при этом пояснял:² „и я так выражался по-турецки, что и пятилетнее дитя поймет; чтобы было ясно, я не примешивал ни одного слова из чагатайско-турецкого, персидского и арабского (языков)“. Не может быть никакого сомнения в том, что под „чагатайско-турецким“ (چغتای ترکی سی) Абульгази разумел не живые говоры узбекских в его время родов „чагатай“, а трудный для понимания современных ему широких читательских кругов Хорезма классический литературный язык Средней Азии, сформировавшийся, судя по названию, в пределах бывшего Чагатаева улуса. Такое применение названия „чагатай“ к языку на среднеазиатской почве свидетельствует о том, что на этой же почве в известное время то же название „чагатай“ имело аналогичное применение и к населению бывшего Чагатаева улуса без ограничения его кочевой частью. И действительно, именно, подобное расширенное значение имеет, например, выражение „чагатайский народ“ (چغتای ایلی) в поэме современника и панегириста узбекского Шейбани-хана, перешедшего на его сторону от тимуридов, Мухаммеда Салиха „Шейбани-наме“.

В этой поэме „чагатайский народ“ дважды противопоставляется, как население тимуридских владений, новым пришельцам в Мавераннахр, узбекам.³ В уста Шейбани-хана влагаются

¹ Аристов, стр. 317.

² Издание Демезона, стр. 37; перевод, стр. 36. Перевод Саблукова (Казань, 1914 г.), стр. 33. Текст приведен в моей статье „Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе“, ЗВО, XIX, стр. 02.

³ Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Посмертное издание П. М. Мелоян-ского, 1908 г., стр. 75 и 211. См. еще Аристов, стр. 420.

такие слова при его беседе с дервишом-депутатом от осажденного тимуридского Самарканда:

Знай, что я заботлив в отношении ко всем,
Что я расположен ко всем народам.
Пусть чагатайский народ не зовет меня узбеком,
Пусть он не томится бесполезными размышлениями...

В другом месте описывается, как представители тимуридских войск под Чарджуем, который принадлежал уже Шейбанихану и защищался его слугой, автором поэмы, Мухаммедом Салихом, упрекали Мухаммеда Салиха, изменившего тимуридам:

Говорили: ты из чагатайского народа,
В этом месте ты среди чагатайских людей.
Почему подружился ты с узбеками,
Почему ты стал хану таким слугой?

В настоящее время среди коренного населения Туркестана название „чагатай“ сохраняется с одной стороны как имя одного из узбекских родов, с другой — как обозначение старого, не современного литературного языка исламской эпохи без дальнейших уточнений.

Значительно более расширенное применение названия „чагатай“ наблюдается за пределами Средней Азии. Некоторые европейские туркологи, и в том числе Вамбери, употребляли название „чагатайский“ для обозначения как литературного среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи, начиная с XII века и до XIX, так и современных живых среднеазиатско-турецких диалектов, в том числе — узбекских.¹ Расширенный в своем применении к турецким языкам и диалектам до неопределенных размеров, термин „чагатайский“ употреблялся, как синоним столь же неопределенного, поныне существующего термина „восточно-турецкий“ (turk-oriental, ost-türkisch).

В трудах наиболее авторитетных туркологов второй половины XIX и начала XX веков термин „восточно-турецкий“ получает отличное от термина „чагатайский“ применение, закрепляясь в классификациях турецких языков Радлова и Корша за определенной группой языков и диалектов, состав

¹ Čagataische Sprachstudien (1867 г.), стр. 1—2, 4—5. Современных живых среднеазиатско-турецких диалектов и преимущественно восточно-туркестанских касается книга М. Хартмана „Čaghataisches“ (1902 г.).

костей, правда, в трудах названных двух ученых не вполне совпадает. В моей классификации¹ этому термину соответствует термин „северо-восточный“. Радлов, Корш и Мелиоранский² съюзили применение термина „чагатайский“ (или „джагатайский“), сохранив его лишь за сменившим уйгурский язык литературным среднеазиатско-турецким языком исламской эпохи, но оставили при этом открытым вопрос о более точном определении литературного чагатайского языка с установлением хронологических и географических его пределов.

Проф. Кӧпрюлюзадэ Мехеммед Фуад выявил свое отношение к вопросу о содержании понятия „чагатайский язык“ тем, что в своем обширном труде³ „Первые мистики в турецкой литературе“ предложил, „как самое простое и самое правильное определение“ чагатайского языка следующее: „восточно-турецкий литературный язык, возникший и утвердившийся вслед за завоеваниями Чингиза под влиянием исламской культуры“. Не считая возможным относить к памятникам чагатайского языка первоначальный, не дошедший до нас оригинал „хикметов“ Ахмеда Есеви (XII в.), с чем я согласен, проф. Кӧпрюлюзадэ одним из первых по времени памятников чагатайского языка объявляет „Кысасу-ль-энбия“ Рабгузи (XIV в.) с оговоркой, что он содержит в себе ряд языковых особенностей, „напоминающих язык Кутадгу-билиг“ (я продолжаю исключать труд Рабгузи из круга произведений чагатайской литературы, имея в виду первоначальный текст Кысасу-ль-энбия), и, наконец, утверждает, будто бы появившееся в XIV в. в Джучиевом улусе „Мухаббет-намэ“ Хорезми относится к числу золотоордынских произведений, „написанных не на местном языке, а на литературном языке, именуемом нами чагатайским“ (стр. 196).¹ Далее Кӧпрюлюзадэ говорит: „На-

¹ Некоторые дополнения к классификации турецких языков (1922 г.), стр. 7—9.

² В. В. Радлов, Ярлыкы Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВО, III, стр. 1—3. Корш, Древнейший народный стих турецких племен. ЗВО, XIX, стр. 140. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, изд. I, т. 34, стр. 161.

³ تورك ادبياتنده اينك متصوفلر (Стамбул, 1918 г.), стр. 165, сноска. На стр. 163, сноска 1 Кӧпрюлюзадэ основательно упрекает Вамбери и Ж. Тури в неправильном пользовании термином „чагатайский“.

писанное в том веке, в котором всюду в турецком мире в изобилии встречаются турецкие произведения, „Мухаббет-намэ“ особенно важно в том отношении, что оно указывает на появление подобных произведений во владениях Золотой Орды в VIII в. хиджры под покровительством турецких ханов и царевичей и на то, что эти произведения писались на чагатайском языке, принятом в качестве общего единого литературного языка в Мавераннагге, Хорасане, Персидском Ираке и Фарсе, короче говоря в турецких дворцах Азии“ (за исключением Анатолии и Азербайджана).

Изучение „Мухаббет-намэ“ Хорезми привело меня к иному мнению о языке этого произведения, чем только что цитованное мнение проф. Кёпрюлюзадэ. Не признавая памятниками чагатайского языка и чагатайской литературы основные тексты „хикметов“ Ахмеда Есеви и „Кысасу-ль-энбия“ Рабгузи, я не считаю возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и „Мухаббет-намэ“ Хорезми. „Мухаббет-намэ“ особенно важно потому, что оно не только свидетельствует о существовании местных турецких литературных деятелей в Золотой Орде в XIV веке, но и доказывает наличие в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями *местных* золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного по своему от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития. Мы не знаем ни одного крупного памятника чагатайского языка, языка группы „j“, а не „д“ (как труд Рабгузи), в Чагатайском улусе за XIV век.

Изучение „Мухаббет-намэ“ несколько затрудняется тем, что этот памятник дошел до нас только в одном списке, хотя и каллиграфическом, но позднем, XVI века.² Однако сохранности его языка в известных пределах должно было содействовать то, что он написан стихами квантитативного метра (هزج) в форме рифмующих внутри себя двустипий со вставными однорифмными

¹ См. еще Али Рахим и А. Авиз: *تاتار ادبیاتی تاریخی* (1925 г., т. I), стр. 40.

² „Мухаббет-намэ“ имеется еще в другой рукописи Брит. Муз. (Or. 8193), написанной уйгурским шрифтом (XV в.); ср. ДАН-В 1924, 58. Ред.

газелями того же метра. Только те языковые элементы „Мухаббет-намэ“, которые не нарушают метра и рифмы, привлекаются нами к исследованию с возможной осторожностью. Наименьшие сомнения, по-моему, может вызывать сохранность в копии „Мухаббет-намэ“ его *словарного* материала, с рассмотрения коего мы начнем языковой анализ этого памятника. Считаю интересным и важным дать прежде всего список некоторых слов, общих для „Мухаббет-намэ“ и для памятника XIII в. „Кысса-и Юсуф“ Али, второй из коих еще в большей степени, чем первый, не может относиться к чагатайской литературе Чагатайского улуса и который с излишней решительностью относится последним его исследователем проф. Броккельманом¹ к анатолийско-турецкой литературе. Кроме работы Броккельмана я пользуюсь своей ненапечатанной статьей „К какой из турецких литератур относится роман XIII в. Иосиф и Зулейха?“.

Я привлекаю также словарные данные из весьма ценного и до сих не изданного и точно не определенного литературного памятника на смешанном уйгурско-кыпчацком языке, роман „Хосрев и Ширин“ некоего Кутба. Давно приступив к подготовке издания копии этого памятника, хранящейся в Национальной Библиотеке в Париже (Ancien fonds turc, № 312), я неоднократно цитовал его в своих работах, как памятник XIII — XIV века, написанный среди египетских кыпчаков. Ныне я склоняюсь к тому, что оригинал был написан в Золотой Орде в XIV в., а в Египте сделана довольно дефектная копия выходцем из кыпчацкого народа Берке-факихом. В вводных главах поэмы, посвященных правителю и его жене, называется „шахзаде Тени-бек хан“ и его жена „Хан-Мелек“, при чем упоминается „государство Белая Орда“ (آق اوردو دولتى); гл. VII, стихи 4—5 (هج):

اولوس ايل ارکلیکی سلطانی خانى * جهان خلقی تن اول تن ابجرا جانی
خانیمیز تینی بك شاه جوان بخت * کیم اوش اندین قوثانور تاج هم تحت

¹ Prof. Dr. Carl Brockelmann, 'Ali's Qissa'i Jüsuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur. Einzelausgabe. Aus den Abhandlungen der K. Preuss. Ak. der Wissensch. Jahrgang 1926. Phil.-Hist. Klasse, № 5.

Глава VIII, стихи 1—2:

ملیکہ عصر خاتون زمانہ * کیم اژوند ابرور حالی یکانہ
جمیلہ خان ملک اول بخت اورثی * آق اوردو دولتی اول تخت کورثی

Стих 28:

ملیکہ تینیк شاه بار بولسون * همیشه سقچی سی جبار بولسون

Когда я цитую „Кысса-и Юсуф“ по своей статье, я имею в виду казанское (сокращ. Каз.) издание 1311 года хиджры (типогр. Чирковой).

ارمغان — подарок (292 а, дважды; Каз. 41). В словарях чагатайского языка Паве-де-Куртейля и „Абушка“ этого слова нет. Махмуд Кашгарский дает это слово (I, 125), как *огузское*. Шейх Сулейман Бухарский приводит его (стр. 10) с цитатой из неизвестного автора. Из современных языков, кроме османского, оно известно еще в крымско-татарском в форме „армағал“ (Радлов I, 339). Переписчик „Мухаббет-намэ“ XVI в., повидимому, этого слова не понимал, ибо дважды изобразил его, как ازمعانی.

آری — чистый (304 а; Каз. 36, 44). „Ары“ Радловым (I, 266) отмечено для куманского, кумандинского и османского, „ару“ (I, 282) для диалектов северо-западной группы, в том числе для куманского, крымского, казанско-татарского. По-чагатайски: آریق 'Арыг' (Сул. Бух. 10; П.-де-К. 16). Махм. Кашг. (I, 61) — арыг. Таким образом второе слово для эпохи обоих памятников можно признать *кыпчацко-огузским*. „Хосрев и Ширин“ дает это слово в том же выражении, что и „Мух.-намэ“ *Ары* *кухердин*.

آش — пища (291 б; Каз. 12, 54). Махм. Кашг. (I, 76), Радлов (I, 583).

آشуну — прежде (304 б; Br. 46); судя по метру, читалось „ашну“. Махм. Кашг. (I, 117). Радлов (I, 601) по Кут.-Бил. и Рабг. Араб-Филолог. Чагатайские словари этого слова не отмечают. Встречается в „Хосрев и Ширин“.

رای — *аюмгач* (294 а, 307 б; Br. 50). Махм. Кашг. (I, 107). Радлов (I, 1732). В „Хосрев и Ширин“ встречается и начальный, согдийский вид этого слова: *аюмгач* (XV, 62). Диван Секкаки (Rieu, T., p. 284) *аюмгач* (5 а, 6 сн.).

اوش — *вот* (292 а; Каз. 12, 21). Махм. Кашг. (I, 40). Радлов (I, 1148). Араб-Филолог. Из чагатайских памятников встречается только в ранних XV в., например, у Атаи, Секкаки. В словаре „Абушка“ нет. Имеется в „Хосрев и Ширин“.

اوغان — *бог, собственно могучий* (309, а; Вг. 46). Махм. Кашг. (I, 73). Радлов (I, 1007). „Хосрев и Ширин“.

او كوش — *много* (295 а; Вг. 51). Махм. Кашг. (I, 199). Радлов (I, 1812). „Хосрев и Ширин“. Секкаки (12 а, 1 сн.).

اولغ — *великий* (290 б; Вг. 12, § 14). В отличие от „ары“ слово формы северо-восточной или юго-восточной, в частности уйгурской и позднее — чагатайской.

ايكو — *хороший, добрый* (292 а, 295 б; Вг. 10—11, § 10). Радлов (I, 659) äig в куманском, äig (I, 698) у луцких караймов. Араб-Филолог. В этой форме слово должно быть признано *огузско-кыпчацким*.

В „Мухаббет-намэ“ слово *ايكو* встречается исключительно в соединении со словом آت „имя“, и я склонен считать это соединение старым традиционным среднеазиатско-турецким литературным выражением, ибо мы встречаем его и в „Кутадгу-билig“ (18₁₇—18₂₅—19₆—20₁₀), и в „Хосрев и Ширин“, гл. VIII, стих 10:

* انين بو اكو آت عالمدا مشهور *

* بولوب تولدى بو اوجماح اشجرة اول حور *

гл. XII, стих 25:

* بولوب خشنود شاه اول خدمتيندين *

* ازون تولدى انينك اكو آتيندين *

آيماق — *говорить* (292 а, 293 б; Каз. 3, 40). М. К. (I, 152). Радлов (I, 9). Хосрев и Ширин.

ایمانماک — *стыдиться* (303 а; Каз. 56). Словарь „Абушка“ этого слова для чагатайского языка не дает. Словари Паведе-Куртейля (135) и Сулеймана Бухарского (61) приводят слово с цитатой без указания автора. Радлов (I, 1573—4), кроме чагатайского, ссылается на диалекты барабинский и луцких караймов, в говоре коих имеются еще образования: imāndir (v) и imānč. Распространенность этой основы в говорах караймов говорит за *кыпчацкую* принадлежность этих образований.

اینجو — *наследство* (307, b; اینجو قول; Br. 47: اینچی). Словарь Радлова дает это слово как из чагатайского языка (I, 1455), так из ряда живых диалектов северо-западной, или кыпчацкой (по моей классификации) группы: телеутск. ǎnčī, алтайск. inji, тобольск. inči.

بايق — *поистине, наверняка* (301, b; Br. 51). Броккельман, относит байык к числу слов, общих языкам уйгурскому и старо-османскому. Для чагатайского языка это слово не засвидетельствовано. Махмуд Кашгарский (III, 124) объявляет его *огузским*. Оно имеется в „Хосрев и Ширин“.

بولماق — *находить* (292 b, 299 a, 303 a, 313 b; Br. 47). Это слово является одним из наиболее крупных словарных отличий произведений Хорезми и Али от памятников чагатайской литературы, в которых ему обычно соответствует глагол „тап“, встречающийся в „Мухаббет-намэ“ только два раза. Глагол „бул“, известный языку орхонских надписей, уйгурскому и языку „Кутадгу-биліг“, встречается также в „Хосрев и Ширин“ и у „Араба-Филолога“, а из современных живых диалектов — в анатолийско-турецком и крымском. В „Кысса-и Юсуф“, как и в „Мухаббет-намэ“, глагол „бул“ встречается чаще, чем „тап“.

بيکين — *как* (307 b; Br. 47). В чагатайском языке этот послелог встречается только у авторов до Неваи (Атаи, Секкаки, Лутфи, Мир-Хайдар Маджзуб). В старо-османских текстах тот-же послелог встречается в форме بکی.

تابلماق — *находить* (297 b; Каз. 42). См. بولماق.

تليم، قاليم — *много* (307 b, 311 b; Br. 52). Махм. Кашг. (I, 200, 211). Кут.-Бил. (Радлов III, 1085). Словари „Абушка“ и С. Бухарского этого слова не отмечают; Паве-де-Куртейль дает его без цитаты (217); см. Секкаки (12 a, 1 сн.). Встречается в старо-османском.

تون — *вчера* (291 b: تون اقشм; Каз. 5: دونه). Без наращения „ä“, слово это имеет значение „вчера“ еще в сойотском (Радлов III, 1548), в анат.-тур. и крымском (Радлов III, 1803—4); в двух последних известно и выражение „дүн ахшам“ — „вчера вечером“. Секкаки (18 a, 2 сн.). Это же слово в „Мухаббет-намэ“ значит и „ночь“ (297 b).

تيکمه — *всякий* (302 b; Br. 52):

نی بیلور قدرینکیزی تیکمه نادان * کهر قدرینی اعمی بیلماس ای جان

В данном случае слово имеет, может быть, значение „простой, простяк“ (ср. Радлов III, 1656: „обыкновенный, неважный“). Хоутсма¹ перевел это слово в одном стихе „Кысса-и Юсуф“ словом „der Thor“. Встречается в „Хосрев и Ширин“.

تيكين — до (292 b; Каз. 3: دكين). Это слово встречается и у чагатайских поэтов, например, Секкаки (8 b, 4 св.), Неваи (Паве-де-Куртейль 264; Абушка, 191), имея разновидность ديكين (Абушка, 262).

تيكورماк — доставлять (297 а, Br. 48). „Хосрев и Ширин“.

دول — не (307 b; Br. 31, § 49: دكيل). В чагатайском языке это слово встречается у ранних писателей: Мир-Хайдар Маджазуба (изд. Паве-де-Куртейль, стр. 11, строка 1 см.: تاكل), Атаи (ديكول), Лютфи (توكول: Абушка, 217; Паве-де-Куртейль 242). Разновидность с начальным „д“ должна быть признана *огузской*. Хосрев и Ширин دول (XXV, 66).

دوداق — *убы* (304 а; Каз. 34). Начинаясь звонким „д“, слово это, как и предыдущее, должно относиться к *огузским*. Оно встречается у Рабгузи (Изд. Ильминского, 246: يوقارو دوداق) и у чагатайских писателей-поэтов.

قات — *сторона* (292 а; Br. 22, § 38). Махм. Кашг. (I, 269) отмечает это слово в значении предлога „при“, как *огузское*. Оно встречается в этом значении и у чагатайских авторов (معراجنامه стр. 11), в Codex Cumanicus, а из современных диалектов — в крымск., караимск., каз.-татар. и османском (Радлов II, 275).

قوموق — *все* (292 b; Br. 19, § 14: قومو). В отличие от слова اولغ в данном слове, как и в ряде других (قاتيق — 290 b, قوروق — 290 b, قابوق — 304 а) конечному „б“ языков орхонских надписей, Кут.-Бил., Рабгузи, словаря Махм. Кашг. (I, 314) соответствует „к“, что наблюдается еще, с нарушением местной фонетики, в сибирско-турецких говорах: алт., тел., леб., шорск., сагайск. (камык — Радлов II, 483) и в чагат. (Абушка, 324; Паве-де-Куртейль 409, Радлов I, 488). Эта фонетическая особенность не свойственна ни кыпчакскому, ни огузскому языкам, в которых конечному „б“ соответствует „ноль“, и должна быть приписана какому-нибудь другому из старых диалектов (может быть, карлуцкому?), влиявшему, например, на образование и некоторых живых говоров Китайского Туркестана

¹ Ein alttürkisches Gedicht. ZDMG, XLIII, 1889, p. 96.

и Узбекистана (ср. атлык, сарык, вм. атлы, сары в этих говорах). Случаи конечного „k“ вм. „ɣ“ отмечены и в списках „Кысса-и Юсуф“.

قوياش — *солнце* (291 а; Br. 49). Слово это отмечено Махмудом Кашгарским со значением „солнце“ (I, 295) и „жара“ (II, 271, III, 129). Кроме чагатайского языка известно куманскому, каримскому, шорскому и лебединскому.

نيلوك — *почему* (303 а; Br. 17, § 22). Броккельман считал, что это слово удержалось, кроме „Кысса-и Юсуф“, только в уйгурском, но вот мы видим его и в книге „Мухаббет-намэ“, обнаруживающей в отношении словаря ряд многозначительных совпадений с поэмой Али. Необходимо при этом учесть приведенное Броккельманом показание Абу-Хаяна, что слово „nelük“ *кыпчацкое*, и дополнить слова Броккельмана ссылкой на современный казахский диалект, принадлежащий к кыпчацкой группе, в котором есть (Радлов III, 681) слово „nelik“ „что?“. Слово نالوك встречается и в старо-турецком тefsире, речь о коем в конце статьи.

ياقظو — *светлый* (290 b, 292 b, 311 а; Br. 53: ياختو). Из современных живых диалектов слово отмечено (Радлов III, 33; IV, 13) в каз.-татарском: „якты, ɟакты“ — „свет“. Хорезми особенно часто употребляет это слово сравнительно с другими авторами.

ياووز — *злой* (296 b: ياووز كوز; Каз. 10, 11). Махм. Кашг. (III, 8). Радлов (III, 281, 285, 292, 295). Слово вошло и в памятник кыпчацкого языка, Codex Cumanicus (Радлов III, 20; его же, Cod. Csm. 37): „jaуз“ — „низкий, злой“.

يومانق — *монета* (303 b; Br. 53). Махм. Кашг. (III, 32). Радлов (III, 150). Хосрев и Ширин.

يويماق — *уничтожать* (290 b; Br. 49: يويومتق). Глагол „joi“, отмеченный для чагат. языка словарем Паве-де-Куртейль без цитаты (551) и не упоминаемый в „Абушка“ и у Сул. Бухарского, встречается в „Кутадгу — bilig (13₁₂) в форме „jod“; он известен из современных диалектов кыпчацкой группы в форме „ɟoi“ казахскому (Радлов IV, 92) и степному крымскому (по моим записям). Последняя „джекающая“ разновидность проникла и в чагатайский язык (Паве-де-Куртейль 300, без цитаты; у Сул. Бухарского 142, без цитаты, Радлов IV, 92), например, в „Шейбани-намэ“ Мухаммеда Салиха (изд. Мелиоранского, 120₂₂).

Рассмотренные общие двум памятникам: „Мухаббет-наме“ и „Кысса-и Юсуф“ слова относятся, по моему, к трем главнейшим источникам: 1) литературный язык восточно-туркестанский (кашгарский) мусульманской эпохи, именуемый мною караханидским; 2—3) диалекты *кыпчацкий* и *огузский*, существовавшие в XIII—XIV вв. в пределах Джучиева улуса, или Золотой Орды, в частности в восточной части этого улуса, — в Хорезме. Намечается еще и четвертый источник: неизвестный, может быть, карлуцкий диалект, который, надо думать, участвовал в формировании литературного языка Западного Туркестана еще до развития чагатайской литературы в улусе Чагатая.

К тем же выводам о трех главнейших источниках приводит рассмотрение второго списка слов, встреченных нами только в „Мухаббет-наме“ и отсутствующих в „Кысса-и Юсуф“. И здесь я привлекаю для сравнения поэму Кутба.

اجون — мир, вселенная (292 а). Встречается в Кут.-Бил., Кысасу-ль-энбия, у ранних чагатайских поэтов, в „Хосрев и Ширин“ (اژون).

اورام — улица (301 b, 297 b). Это слово встречается в „Мухаббет-наме“ в тех выражениях, в которых чагатайская литература пользуется персидским словом *کوی*, давшим слово „кōй“ для живого анатолийско-турецкого диалекта.

Примеры:

يوزونكدين بيلكورو دولت نشانی * ارامونك توبراغی نخت آشیانی

Лицом твоим выявляется знамение счастья,

Прах улицы твоей — убежище благополучия.

اورامونك ايتلارى نينك اتجانی * كونكولار مقصودى جانلار مرادى

Единение собак твоей улицы —

Стремление сердец и желание душ.

В чагатайской литературе это слово мне не встречалось; в „Абушка“ его нет, а словари Сул. Бухарского и Паве-де-Куртейля приводят его без цитат. Слова „орам, ором, урам“ (Радлов I, 1052, 1054, 1656) известны только ряду живых диалектов кыпчацкой группы: казак., караимск., каз.-татар., тобольско-татар., алт., телеутскому и др. Мы должны признать это слово в „Мухаббет-наме“ одним из наиболее характерных выявлений местного золотоордынского, именно *кыпчацкого* диа-

лекта. Неисследованные еще в языковом отношении четверостишия Эдиб Ахмеда *هبة الحقايق*, язык коих несколько отличается от языка „Кутадбу-bilig“, хотя и называется „кашгарским“, дают один пример на слово „орам“ (факсимиле, стр. 44, строка 6 сверху).¹

ایتلاناك — *потеряться* (295 а):

اوقى ناكه اكر سندان فیه تيكسه * بشاغى ايتلانور سندان ايجيندا

Если вдруг стрела его попадет в наковальню,
То наковечник ее исчезнет в наковальне.

Слово это известно еще только в куманском языке (Радлов I, 1505). „Хосрев и Ширин“ *ييتلاناك* (XXIV, 15).

تابقو — *служба* (297 б).

توراتماك — *творить* (290 б). Обычно в Кут.-Бил. В чагатайском неупотребительно. „Хосрев и Ширин“.

جاو — *молва, слава* (292 б, 296 а). Радлов (III, 1915, 1934): уйг., старо-осм., алт., телеут., лебед. „џав, џап“. Надпись в честь Тоньюкука. В „Абушка“ его нет, словари Сул. Бухарского и Паве-де-Куртейль дают его без цитат; Секкаки (14а, 4 св.). Встречается у туркменских поэтов, например, Махтум-кули.

چوروماك — *кружиться* (293 а, 294 б).

چاوروماك — *отворачивать* (307 а). Второе слово приводится чагатайскими словарями без примеров (Паве-де-Куртейль *چاورمق* — 281; Радлов III, 1925 со ссылкой на Калькутский словарь) или с примерами без указания автора (Сул. Бухарского 149); „Абушка“ этого слова не упоминает. Первое слово чагатайскими словарями не приводится. Оно, судя по метру, должно читаться „ч'ăвр'ŭlmăk“ или „ч'ŭвр'ŭlmăk“. Принадлежность этого слова к *кыпчацкой* языковой среде подтверждается существованием в говоре троцких караимов слова „ч'ŭвр'ŭr'ŭl(v)“ (Радлов III, 2203). „Хосрев и Ширин“ *چاورومك , چثورومك*.

چيمكان — *лужайка* (294 б, 298 б). Это слово я встретил еще только в диване Секкаки (14б, 4 св.) и в „Хосрев и Ширин“, например, в стихе (XI, 2—3):

¹ Вместе с проф. Неджиб Асымом и проф. Кӧпрюлюзаде считаю этот памятник более поздним, чем „Кутадбу-bilig“. Иначе полагает проф. Дени. Revue du monde musulman, LX, 214—15.

* تماشا بیرلا آف آفلاردا اول شاه
 * سلا کوردی ییراقدین بقتی ناکاه
 * آنیینک تورت یانی جیمکان بولدی خرم
 * توشوب عشرت قیلалینک قیدی یدرم

Когда тот шах забавлялся охотой,
 Вдруг он заметил издали селение,
 Окруженное дугами. Обрадовался (царь)
 И сказал: остановимся и повеселимся!

Эта цитата важна еще тем, что в ней находится характерное для кыпчацкого языка и ныне имеющееся в каз.-тат., крымск.-тат. и караимск. диалектах в значении „селение“ слово „сала“ (Радлов IV, 349).

داوسماق — *кончить* (292 b). Судя по начальному „д“, это глагол в огузской форме. С начальным „т“ он отмечен Радловым (III, 775) в куманском и казацком, мною (записи) в туркменском. В телеут. и шорск. „тос“ (Радлов III, 1208).

داور — *власть?* (304 b, 308 b):

داور سينز نينك تورور دوران بارينجه * قولونكيز مين تنيمدا جان بارينجه

Из персидского, داور?

سان — *почет* (295 a, 302 a). В этом значении слово приводится Радловым (IV, 296) только из „Кутадгу-билір“ (164₁₅) и диалектов каз.-тат. и османск. То же значение приводится и Сул. Бухарским (182), но без цитаты. „Хосрев и Ширин“ (VIII, 20). Встречается у туркменских поэтов.

قايو — *который* (291 a) Радлов II, 99.

کورکا بای — *богатый красотой* (295 b, 297 a). Слова эти следует читать: „көрккә бай“ (ср. „ул акылға бай“ — Радлов IV, 1421). Данное выражение я встречал еще только в „Хосрев и Ширин“: „کورکا کا بایلار“ (XV, 30), (XVIII, 6). Повидимому, это — распространенное в кыпчацкой среде словосочетание. Современным пережитком его, может быть, следует считать казакское личное имя کورکا بای.¹

کونج — *радость* (293 b). Слово уйг. и чагат. (Радлов II, 1523; П.-де-К. 461), встречающееся и в „Хосрев и Ширин“ (XXIV, 24).

¹ См. мою заметку: Хивинская сатира на казак-киргизов. ЗВО, XX, стр. 052—3.

منكو — вечный (296 b). По Радлову (IV, 2082) слово орх., уйг., тобольско-татарск. и крымско-татарское. „Хосрев и Ширин“ (XXIV, 56).

يوپانماق — *изнемогать* (294 a):

* كهي حاتم اويالور بزم ايجيندا *
* كهي رستم يوپانور رزم ايجيندا *

То Хатем пристыжается среди пиршества,
То Рустем изнемогает среди битвы.

В той же возвратной форме глагол этот мне встретился только в „Хосрев и Ширин“ (XXVII, 3):

* كيم اول قورقوب اتاسيندين يوپانميش *
* آف اقلارمن تيب آرمن كا يوپانميش *

Что он (Хосрев) испугался отца своего; изнемог,
И отправился на охоту в Армению.

Радлов дает этот глагол только в коренной форме „jоба, jобо“, в страдательной „jобал“ и понудительной „jобат“ (III, 444—5) исключительно из живых диалектов. Чагатайские словари этого слова не имеют. На наличие этого глагола в кыпчацкой группе указывает, между прочим, каз.-татарск. слово „jubалты“ (Радлов III, 568) — „нерадивый, нерачительный“.

يولا — *факел* (303 a). Радлов (III, 553) отмечает слово, как уйг. и сойотск. Махм. Кашг. (I, 174).

Из фонетических особенностей языка „Мухаббет-намэ“, закрепленных метром и потому не внушающих больших сомнений (помимо упомянутых выше при словаре), прежде всего должно быть отмечено отсутствие конечных „ѣ, г“ в приставке „лы, li, лу, lū“, чередующееся с присутствием этих конечных звуков. Это чередование в чагатайском языке не наблюдается, и в нем мы не можем не видеть подтверждения факта, установленного нами ранее по словарным данным; он свидетельствует о наличии в языке памятника на ряду с элементами северо-восточной группы турецких языков (уйгурской) элементов северо-западных (кыпчацких) и юго-западных (огузских). Это же чередование наблюдается и в „Кысса-и Юсуф“ (Br. 12, § 14) и „Хосрев и Ширин“.

Примеры из „Мухаббет-намэ“: دولتلى (292 а, 2 св.), كوركلو (296 б, 4 св.), كوركلوراك (301 а, 1 св.), ناتلى سوزلى (298 б, 4 св.), ياقوت ايرينلى (308), تورلى (303 а, 1 св.), آى يوزلو (302 а, 4 св.), شکر دوداغلى شيرين سوزلى (308 б, 3 св.), نرکس کوزلى (311 б, 1 св.). Кроме приведенного в словарной части „ары“ без конечного „б“ можно сослаться еще на числительное „älli“ в м. „ällig“ (312 а, 6 св.), на ряду с „ällig“.

Специально на юго-западные (огузские) элементы указывает отсутствие начальных „б, г“ в приставке дательного падежа „а, ä“, хотя преобладают случаи с начальными „б, г“. Это явление наблюдается и в чагатайском языке, например, у Атаи. Примеры из „Мухаббет-намэ“: کوتماک — судя по метру: күтмәгә (291 а, 5 св.), سيزا (292 б, 3 св.), صورته (293 а, 4 св.), انجامه 'شامه' (293 б, 2 св.), سلطانہ (301 б, 4 св.), باقماعا (298 б, 2 св.), خضره (296 б, 2 св.), کوزلاره (302 а, 5 св.), مسکينه 'غمکينه' (303 а) и т. д.

Распространенное в морфологии чагатайского языка соединение приставки дат. падежа и других приставок склонения с местом. притяжат. приставкой 3-го лица „ы, сы“ без вставочного „н“ встречается в „Мухаббет-намэ“, как исключение: مصر ايلينک в м. مصر ايلينک (291 а, 5 св.) — случай, не закрепленный метром, а потому сомнительный. Приставка дат. падежа при упомянутых соединениях часто сохраняет начальный согласный, как это имеет место в старых литературных языках орхонской и уйгурской письменностей, в „Кутадбу-биліг“, в „Хосрев и Ширин“.

Примеры из „Мухаббет-намэ“: ايكينک (291 а, 3 св.), كوهرينک (293 а, 1 св.), حيرت مقامينغه (299 а, 5 св.).

Как в старых литературных языках и в „Кысса-и Юсуф“ (Br. 32, § 50), в языке „Мухаббет-намэ“ причастие на „ур“ при присоединении к основам, оканчивающимся на гласный, принимает форму „jur“: كوكرايور (294 а, 4 св.).

Наиболее решительно отличается язык „Мухаббет-намэ“ от чагатайского в области морфологии глагольной формой на „-ысар“, которая, впрочем, встречается только два раза (309 а, 4 св.):

ایسجالیکنک بادہنی کلار سولیسار * تنیمیز عاقبت توبراق بولیسار

Выпьем вина, ведь розы увянут,

И тело наше, наконец, станет прахом!

Броккельман (33), упоминая эту форму, как более редкую в морфологии языка „Кысса-и Юсуф“, называет ее „характерной для старо-османского формой будущего времени“. Мне в другом месте¹ пришлось приводить эту форму не из старо-османского языка, а из среднеазиатского, огузского (туркменского) памятника середины XV века, написанного, по преданию, в Хорезме: „Ревнаку-ль Ислам“. Заслуживает далее внимание скрещенная форма 1 л. ед. ч. первого и второго желательного наклонения от основ, оканчивающихся на гласный:² باشلاغايين (293 b, 5 св.,) рифмуется с ايايين; باغلاغايين (308 b) в стихе:

سلایین اوزومی اوزکا دیاره * کونکلنی باغلاغایین اوزکا دیاره

Кинусь-ка я в другую страну,
Привяжу-ка сердце к другому другу!.

Нам известно не только время сочинения „Мухаббет-намэ“: 754 г. Хиджры (1353 г. н. э.) и имя его автора (Хорезми), но и место написания труда (312 а, 3 св.):

* محبت نامه سوزین مونداتیتیم (?) *

* قاموغین سریقاسیندا بتیدیم *

Слова Мухаббет-намэ я здесь.....
Все их на берегах Сыр-дарьи написал.

„Мухаббет-намэ“ Хорезми не единственный памятник турецкой литературы в Джучиевом улусе. Как выше отмечалось, предшественник Джанибек-хана, упоминаемого в „Мухаббет-намэ“ (293 b), Тенибек называется в романе „Хосрев и Ширин“ некоего Кутба. Далее, мы знаем из старо-османского перевода³ о существовании поэмы про Юсуфа на языке „дешт“ и из такого же перевода⁴ — о произведении XIV века Хуссам-катиба حکایت جمعه سلطان, повидимому, тоже на кыпчацком

¹ По поводу издания Н. П. Остроумова: Светоч Ислама (ЗВО, XVIII, стр. 0165).

² Ср. Книга рассказов о битвах текинцев, стр. 028.

³ Фалев, Старо-османский перевод „крымской“ поэмы (ЗКВ, I, 1925 г.), стр. 143.

⁴ Кёприюзаде, Первые мистики в турецкой литературе, стр. 197, сноска 1.

языке. Мерджани¹ имел в своих руках произведение XIV века Али-оглы Махмуда Булгарского نصح الغرادي، написанное в городе Сарай на языке, который Мерджани считает (стр. 16) болгарским, но который должен быть признан среднеазиатско-турецким.

В круг не использованных еще исследователями ранних произведений среднеазиатско-турецкой литературы исламской эпохи входит дошедшее до нас в разновременных обработках анонимное сочинение о календарных и иных приметах. Одна из этих обработок, находящаяся в рукописи Даля,² основная часть коей занята „Родословным древом турецким“ Абульгази-хана, по языку может относиться к XIV веку, при чем местом ее возникновения можно предполагать бассейн Сыр-дарьи, которая упоминается в рукописи в выражении: سيرقراغنده, аналогичном выражению Хорезми: سريقتاسيندا. В этой обработке³ упоминается еще „Туркестанский вилает“, а „заяц“ в животном 12-летнем цикле именуется, как и в романе „Хосрев и Ширин“ — „кожан“ (قويان). К числу многочисленных двойных слов этого памятника принадлежит выражение: سامان لجن „саман-пичан“ („солома-сено“), ценное для нас потому, что входящее в него слово „пичан“, судя по словарю Радлова (IV, 1348, 1354, 1358) известно живым говорам кыпчацкой преимущественно группы: каз.-тат., казацк., алт., телеутск. и др. Где-бы ни было написано произведение XIII века некоего Али „Кысса-и Юсуф“, хотя бы, как утверждает проф. Броккельман, в Анатолии,⁴ нельзя не считаться с гораздо большим, чем полагает проф. Броккельман, количеством кыпчацких элементов в этом произведении и с значительным количеством общего словарного материала для „Кысса-и Юсуф“ и для романа „Хосрев и Ширин“, который по словарю еще ближе к произведению Али, чем „Мухаббет-намэ“.

¹ القسم اول من كتاب مستفاد الاخبار في احوال قزان ودينغار (1885 г.), стр. 15. Али Рахим и А. Азиз, آثار ادبياتي تاريخي (1925 г., т. I), стр. 67.

² О ней в моей статье о двенадцатилетнем животном цикле в т. I Восточных Записок Лен. Инст. Жив. Вост. Языков, стр. 156.

³ Отрывок уйгурской версии сборника примет имеется в посмертном труде Радлова — в собрании уйгурских документов, стр. 59, № 42.

⁴ Мерджани (цит. выше сочинение, стр. 15) считает يوسف كتابي болгарским произведением.

В Хорезме, входившем в состав Золотой Орды, имелось, как известно, и огузское (туркменское), и кыпчацкое население. В зависимости от племенной принадлежности авторов, при не установившейся еще прочной литературной традиции, в одних произведениях мог среди составных элементов языка выдвигаться кыпчацкий элемент (как в „Мухаббет-намэ“), в других — огузский. Кроме того одни авторы могли обнаруживать большую зависимость от пользовавшегося тогда известностью¹ литературного языка турецких мусульман Восточного Туркестана, Кашгара (это мы видим, например, в романе „Хосрев и Ширин“), другие — меньшую (как автор „Мухаббет-намэ“).

Литературная деятельность на турецком языке в Хорезме в эпоху Золотой Орды должна была иметь ближайшую связь, особенно в области стихотворных произведений, со школой, основанной в XII в. мистиком-стихотворцем Ахмедом Есеви в бассейне нижнего течения Сыр-дарьи. Мнение проф. Кёпрюлюзаде о том, что литературный язык Ахмеда Есеви был построен на карлуцкой диалектической базе (157—166), может рассматриваться только как одна из гипотез, рядом с коей возможны и другая гипотеза о кыпчацко-огузской основе языка Есеви и третья, примиряющая обе предыдущих: о карлуцко-кыпчацко-огузском составе языка этого мистика-стихотворца.

С Хорезмом связана деятельность последователя Ахмед Есеви, Хаким Сулеймана, стихотворные произведения которого получили особое распространение в Поволжье, как одно из наследий Золотой Орды, вместе с легендой² о нем века XIV, по языку близкой к вышеупомянутому анонимному сборнику примет, также со следами кыпчацкого языка („салам“ — „солома“).

Ныне выясняется, что между так называемым литературным уйгурским языком начала исламской эпохи в Средней Азии, языком „Кутадгу-биліг“, который правильнее было бы именовать караханидским, и литературным чагатайским языком времен тимуридов имеется промежуточное звено в виде не полу-

¹ См. мою статью о цитате из „Кутадгу-биліг“ на золотоордынском кувшине. ЗВО. XXI, 038.

² К. Залеман, Легенда про Хаким-ата (Изв. Ак. Наук, т. IX, № 2, 1898 г.); языковой анализ легенды на стр. 127—132; перечень произведений Хаким-ата на стр. 106.

чившего окончательного оформления на своей территории языка XII—XIV веков в бассейне нижнего течения Сыр-дарьи, в Хорезме, с XIII в. — в Золотой Орде.

Подробное исследование литературных памятников этого периода в отношении языка, как явствует из всего вышеизложенного, важно не только для истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, но и для истории литературного языка османского и, добавлю, литературного азербайджанского. Если сельджукидские огузы не принесли с собой в Анатолию сами семена среднеазиатско-турецкого литературного языка, то эти семена не могли не проникнуть в Малую Азию в XIII в., когда, как известно, в этой стране искали убежища культурные работники разных стран Средней Азии, и в том числе Хорезма, в результате нашествия кочевых орд, руководимых монголо-татарами.¹ На грани XIII и XIV вв. как раз и появляются дошедшие до нас турецкие литературные произведения Анатолии. Приблизительно к этому же времени, можно предполагать, относится зарождение турецкой литературы и в Персии, как зачатка литературы азербайджанской.²

Каванско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчацкие, имеет не в XV в., как теперь принято утверждать,³ а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчацкие языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка.

Наконец, литературный язык среднеазиатских туркмен имеет своим литературным источником не чагатайский язык, влиявший на него позднее, а памятники с низовьев Сыр-дарьи и из Хорезма, особенно те, в которых из двух местных диалектов: кыпчацкого и огузского преобладал второй. В песнях Махтум-кули и других позднейших туркменских поэтов встречаются, в частности, слова, характерные для „Мухаббет-наме“,

¹ Кёпрюлюзаде, Первые мистики, стр. 215, 259—270.

² Кёпрюлюзаде, آذربایجان ادبیاتینا عائد تدقیقلەر Баку, 1926 г., стр. 10—11. Эта брошюра является в начальной своей части перепечаткой брошюры того же автора: فضولی حیاتی و اثری, Стамбул, 1924 г. В последней о начале азербайджанской литературы см. стр. 8.

³ Доц. Саади, учебник تاتار ادبیاتی تاریخی (Казань, 1926 г.), стр. 12.

в коем, как выяснено выше, имеются и кыпчацкие и огузские элементы (چاو، ياقتى، ياوز).¹

Возвращаясь в заключение к вопросу о чагатайском литературном языке, я позволю себе высказать, на основании современного состояния разработки этой темы, мнение, что по существу дела было бы правильнее признавать единый «*среднеазиатско-турецкий* (а не «*чагатайский*» или «*восточно-турецкий*») литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов.

В настоящее время намечаются находящиеся один на другой и связанные между собою периоды: первый — с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй — с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий — с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. Третий период развития литературного «*среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи*» был наиболее благоприятным по определявшей его исторической обстановке. В этот третий период действовали наиболее выдающиеся литературные работники во главе с Мир Али-Широм Неваи, этот период оказался золотым веком в истории «*среднеазиатско-турецкой*» литературы и в этот период среднеазиатско-турецкий литературный язык достиг наибольшего оформления и единообразия, как язык классический, за которым именно в этот только период (XV—XVI вв.) закрепилось название «*чагатайского*» языка.

Следы влияния первого периода развития среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи, периода *караханидского* проявляются с особой силой в некоторых памятниках второго периода, *огузско-кыпчацкого*, например, в романе «Хосрев и Ширин» и с меньшей, все ослабевающей силой в памятниках

¹ Настоящее замечание является дополнением к сказанному мною на стр. XV—XVI «Книги рассказов о битвах текинцев». См. теперь мою статью в ашхабадской газете «Туркменская Искра», 1927 г. № 40 (673) от 18 февраля «Из истории туркменской литературы» (появилась и в туркменском переводе в газете «Туркменистан»).

третьего периода, *чагатайского*.¹ До критического издания „Сказаний о пророках“ казы Насира Бурхан-оглы из Рибат-Огуза начала XIV в. решительного мнения об его языке высказывать не приходится, предварительное же мое мнение сводится к тому, что язык его, с преобладанием в фонетике черт северо-восточной группы турецких языков (конечные „б“, „д“ вместо „j“) и с особой его близостью в отношении словаря к языку первого периода (بودون „народ“ на ряду с قوم, يلافج „пророк“ на ряду с پيغمبر и т. д.), все же обнаруживает некоторую связь с языком второго периода (دوداق — губа и некоторые другие огузские черты).

Еще большей близостью к языку первого периода, чем „Сказания о пророках“, отличается один, повидимому, современный языку Рабгузи, из слов языка старо-турецкого анонимного толкования на коран, доставленного в Азиатский Музей А. З. Валидовым.² Исследование этого памятника важно не только для истории среднеазиатско-турецкого языка, но и для выяснения отношений между этим языком и малоазиатско-турецким. Можно, в частности, пожалеть, что этого памятника не было в распоряжении проф. Броккельмана при его работе над поэмой „Кысса-и Юсуф“, с языком коей язык „тефсира“ соприкасается.

Следы влияния второго периода развития среднеазиатско-турецкого языка проявляются в свою очередь особенно в ранних произведениях периода третьего — *чагатайского* (диван Секкаки и др.). Чагатайский поэт Сиди-Ахмед,³ например, прямо подражал в своем произведении محبت نامه произведению عشق نامه Хорезми, обнаруживая близость к последнему и в языке (275 b, 7 св. كوركا باي; 280 a, 2 св. جاو; 280 a, 4 св. سان — „почет“ и др.).

Если третий период развития среднеазиатско-турецкого литературного языка, период *чагатайский*, украшенный творениями Мир-Али-Шира Неваи, является в истории этого языка наи-

¹ См. мою статью об Атан (ЗКВ. II, вып. 2, 1927 г.), стр. 262—3. Мысли о периодах среднеазиатско-турецкого языка и об отношении его к переднеазиатско-турецкому литературному языку в этой статье отчасти устарели.

² W. Barthold, Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasiien. Asia Major II, Fasc. 1, S. 125.

³ См. мои статьи в ДАН-В, 1927 г., стр. 36 и в узбекском журнале مەعارف وە ئوقۇتقۇچى 1927 г., № 3—4, Самарканд, стр. 42.

более длительным (XV в. — начало XX в.) и блестящим, то второй период, *кыпчацко-огузский* имеет особое значение для истории вообще турецких литературных языков исламской эпохи, так как в этот именно период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная, если бы она была длительной, для выработки единого литературного языка всех мусульманско-турецких племен монгольско-татарского государства и так как к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-турецких литературных языков.

Поскольку этот второй период связан с Хорезмом, и поскольку эпоха возрождения чагатайской литературы в XIX веке, в конце третьего периода, особенно богато расцвела в Хивинском ханстве, т.е. тоже в Хорезме,¹ выявляется выдающееся значение этой страны в истории культуры турецких народов вообще и в истории среднеазиатско-турецкого литературного языка в частности.

Четвертый период развития литературного „среднеазиатско-турецкого“ языка начинается на наших глазах, в XX в., и этот новый период, как сознают и его руководители, идет на смену периода „чагатайского“ и потому уже не носит этого имени. Язык четвертого периода называется литературным *узбекским* языком.

¹ Vambery, Zwei moderne centralasiatische Dichter (W. Z. K. M. VI); мои заметки „О собрании 30 хивинских повтов“, ЗВО XIX, 0198 и „Хивинские туюги XIX века“. ДАН-В, 1927, 43.

НЕВАН и 'АТТАР

Е. Э. БЕРТЕЛЬСА

I

1. Зависимость турецкой литературы от литературы персидской — общеизвестный факт, неоднократно отмечавшийся как восточными так и западным филологами.

Исходя из этого факта, некоторые из западных туркологов пришли к выводу, что литература входящих в круг культуры ислама турецких народов представляет собой нечто неполноценное. Ее характеризовали как подражание классическим творениям персидских авторов, стремились отнять у нее всякое право на оригинальность и тем самым значительно задержали нормальный ход ее изучения. Такая точка зрения едва ли может быть признана вполне правильной. Она явилась плодом недоразумения, притом весьма понятного, поскольку востоковеды, подходя к восточной литературе, прилагали к ней мерку, принятую при оценке литературных произведений Запада.

Историки литературы в течение долгого времени отделяли в художественном слове содержание от внешней его формы. Спор о том, что выше в литературном произведении — содержание, или форма, возник весьма давно и, несмотря на большие достижения методологии последних лет, все еще и доныне не может считаться окончательно разрешенным. Если же мы станем на точку зрения широких масс читающей публики, мы без особых колебаний сможем признать, что для большинства западных читателей содержание имеет решающее значение. Форма *сознательной* оценки почти не получает, она ценится лишь в той мере, поскольку она облегчает восприятие фабулы. Центральный момент — содержание, оно должно быть *интересным*,

вот чего требует от книги рядовой читатель. Отсюда становится понятным, что в широких кругах проза пользуется значительно большей популярностью, нежели поэзия. Нередко можно встретить высоко образованных людей, которые серьезно удивляются тому, как вообще можно читать стихи, не засыпая от скуки на второй странице. Тем самым объясняется и широкое распространение так называемого „бульварного“ романа — излагающего заманчивую фабулу в форме зачастую не только не художественной, а резко анти-художественной.

Взгляд этот на литературу крайне глубоко укоренился в психике западного читателя и зачастую руководит его воззрениями, совершенно не доходя до его сознания. Отсюда понятна ошибка ориенталистов, подходивших к изучению турецкой литературы, совершенно бессознательно сохраняя этот взгляд и тем самым совершая крупную методологическую ошибку. До настоящего времени детальному изучению отдельных турецких авторов почти не подвергали, большая часть работ — общие очерки, в которых отдельным личностям могло быть уделено сравнительно весьма небольшое место. При такой суммарной оценке историк в лучшем случае мог дать только краткий пересказ фабулы более крупных произведений, не входя в более детальное рассмотрение их. Изложение фабулы приводило к установлению того факта, что такой же сюжет уже ранее был обработан тем или иным персидским автором. Вывод напрашивался сам собой — данное произведение не оригинально и тем самым неполноценно.

2. Однако, прилагая к тем же самым произведениям художественный канон Востока, мы приходим к существенно иным результатам. Здесь прежде всего мы должны разрешить вопрос, в какой мере оригинальна персидская литература, послужившая образцом для литературы турецкой. Всякий, кто хоть немного знаком с бесконечно богатой сокровищницей персидской поэзии, не может не знать, что количество тем, разрабатывавшихся персидскими поэтами, сравнительно очень невелико. Достаточно указать на созданное Низāми сочетание пяти тем различного характера — „Пятерицу“ (Ҳамсə), которая в дальнейшем вызвала в жизнь целый ряд подражаний. Никто не может отрицать, что толчком к созданию „Пяти сокровищ“ (Пандж Гандж) Эмира Хусрау явилась „Ҳамсə“ Низāми. Но следует ли отсюда, что

Эмир Хусрау только подражатель, не имеющий права на серьезное внимание? Если ограничиться рассмотрением одних сюжетов, вес Эмира Хусрау будет безусловно не слишком большим, если же обратиться к самой форме его поэм, проследить *разработку* тем, подвергнуть изучению художественное оформление материала, станет ясно, что, в сущности говоря, между этими двумя поэтами весьма мало общего. При таком подходе оригинальность Эмира Хусрау становится несомненной и уже не приходится удивляться тому, что ценители поэзии на Востоке вели долгие споры о том, кто из них выше, и нередко отдавали предпочтение подражателю. Низāми и Эмир Хусрау только один пример из бесконечного ряда аналогичных случаев, вся история персидской литературы наполнена такого рода явлениями. Здесь мы становимся лицом к лицу с тем фактом, что оценка художественного слова на Востоке абсолютно не совпадает с нашими требованиями. У восточного автора на переднем плане стоит культура слова, ради одного удачного сравнения, одной блестящей метафоры он вводит в тему новые эпизоды, поворачивает сюжет в ту или иную сторону. Требование художественного слова оказывает энергичное влияние на конструкцию самого сюжета. Сюжет — лишь основа, канва, по которой поэт вышивает свои пестрые узоры. Если мы желаем надлежащим образом оценить его творчество, мы должны исходить из этого узора, должны считаться с этим основным фактом всей литературной жизни народов ислама. В противном случае, наша оценка всегда будет носить произвольный характер, никакой объективной ценности она иметь не будет.

3. Эти соображения надо иметь в виду при сравнении турецкой литературы с персидской. Но такой подход неизбежно повлечет за собой необходимость изменения самого принципа работы. Придется отказаться от широкого охвата и перейти к изучению деталей, сосредоточить все внимание на отдельном произведении, учитывая мельчайшие его особенности. Только таким путем мы можем прийти к уяснению роли турецкой литературы в культуре ислама и установлению значения отдельных ее представителей.

В настоящей статье я пытаюсь применить такой метод к творчеству одного из крупнейших деятелей восточно-турецкой литературы Мйр 'Али Шйра Невāи и решить вопрос об отно-

шении его поэмы „Лис'ан ат-тайр“ к послужившей для него образцом „Мант'иқ ат-тайр“ Фарйададдина 'Атт'ара. О Нев'аи ориенталисты писали не раз, но можно сказать, что работы эти пока существенных результатов не дали. Мы имеем восторженные отзывы B  lin¹ и Никитского,² которые видели в Нев'аи классического поэта и восторгались его творениями, и наряду с этим суровый отзыв Blochet,³ который считает Нев'аи лишенным какой бы то ни было оригинальности, более того даже не поэтом, а только переводчиком. Такое разногласие проистекает от того, что исследователям была известна зависимость Нев'аи от персидских поэтов, но, в какой форме она выражалась, ими установлено не было. Самый термин „перевод“ к произведениям восточных авторов надо применять весьма осторожно, ибо наше понимание этого термина далеко не всегда совпадает с существующими на Востоке литературными формами. Переводом мы можем считать только то литературное произведение, где проявление индивидуальности переводчика сведено до минимума. Переводчик ставит себе задачей как можно более точно воссоздать на своем языке произведение иноязычного автора, не допуская никаких изменений не только в материальном, но и в формальном отношении, поскольку это позволяет язык, которым он пользуется. Всякое отклонение от этого принципа уже ведет в сторону обработки, причем постепенное удаление обработки от оригинала может в конце концов создать произведение, которое кроме основной канвы уже ничего общего с оригиналом иметь не будет. Исследователи Нев'аи по большей части довольствовались рассмотрением его фабул и, конечно, не могли добиться никаких правильных выводов, ибо при такой постановке вопроса наиболее важная с точки зрения восточной эстетики сторона совершенно упускалась из виду.

¹ Notice biographique et litt  raire sur Mir Ali-Chir N  v  i, suivie d'extraits tir  s des oeuvres du m  me auteur, par M. B  lin, Journal Asiatique, 1861, t. XVII, p. 175—256 и 281—357.

² М. Никитский, Эмир-Низам-Эд-дин Али Шир, в государственном и литературном его значении. Рассуждение. Санктпетербург, 1856.

³ Les enluminures des manuscrits orientaux turcs, arabes, persans de la Biblioth  que Nationale par Ed. Blochet, Paris 1926, p. 95: „Ses compositions ne brillent pas par l'imagination, et elles ne lui ont pas   t   inspir  es par le feu sacr   de l'art divin; il se borna toujours    imiter passivement les grands po  tes dont les noms illustrent les fastes de la litt  rature persane....“

Задача, которую я себе ставлю — от прежних расплывчатых отзывов перейти к точной и объективной формулировке отношения Невāи к его персидским образцам. При этом я, конечно, должен был по возможности сжать рамки темы и из всего многообразного творчества Невāи выбрать только какое-нибудь одно произведение. По разным соображениям я остановил свой выбор на „Лисāн ат-тайр“. Во-первых, персидская суфийская поэзия составляет специальную тему моих занятий и в этой области я являюсь значительно более компетентным, нежели в других. Во-вторых, с творчеством ‘Аттāра я знаком особенно близко, ибо уже давно собираю материал для более обширной характеристики этого автора. В-третьих, исследование данного произведения обещало пролить некоторый свет на отношение Невāи к суфизму, вопрос, который доныне еще никем освещен не был.

Прежде чем перейти к самому исследованию, я должен указать, что работа моя в этом направлении представляет собой до известной степени дерзостную попытку. Турецкие штудии никогда не составляли *главного* предмета моей работы и, вторгаясь в эту несколько удаленную от меня область, я рискую совершить не малое количество промахов. Да простят мне наши уважаемые туркологи эту смелость — она проистекла от желания двинуть вперед наше общее дело и сознания того, что некоторую пользу эта работа принести может. Мне в данном случае не остается ничего другого, как прибегнуть к известной восточной формуле — просить найденные недостатки исправить, отнестись к ним снисходительно и расценивать самое намерение, а не выполнение его, которое едва ли сможет подойти особенно близко к идеалу.

II

4. К чему стремился Невāи, когда приступал к созданию своей поэмы о „Языке птиц“, и каково было его отношение к его предшественнику? Дать ответ на этот вопрос нетрудно, ибо сам поэт дал нам в этом отношении обстоятельные указания. В конце „Лисāн ат-тайр“ мы находим рассказ о причинах написания этой поэмы, рассказ крайне ценный, ибо помимо чисто-филологических данных Невāи открывает здесь перед нами

одну из страниц своей жизни и дает яркую картину своего детства, полную непосредственной свежести и очарования. Вот что рассказывает он нам о своем увлечении поэмой 'Аттара:¹

کیم طفولیت چانی مکتب ارا²
هر طرفدین بیر سبق ضبطی غه اون
یا کلام الله نینک تکراریدین
نظم اوقوتور کیم روان اولسون سواد
بوکلستان یانکلیغ و اول بوستان
منطق الطیر ایلاب ایردی ملتسم
ساده کونکلم بیره بو گفتاردین
قیلمادی میل اوزکا سوزلارکا یانا
قوش مقالیدین کنایتلاریدا
تاپسام ایردیم کیم نیدور آندین مراد
شرحی آنینک لال ایتار ایردی مینی
بولدی اول دفترغه غالب اعتقاد³
اول کتاب ایردی انیس خلوتیم
اولسه⁴ طبعیم غه یتار ایردی ملال
ایلا مشعوف ایتی بو سودا مینی
دهر بی معنی ایلیدین قاجقامین
استماع ایتی بو سوزنی والدین
کیم ایرور سوز آتشین و طبع خام
حیککولک بولغای صلاحیدین ایلینک
شغلیدین⁵ کونکلمنی محروم ایتی لار
منطق الطیر اوزرا قییل و قالدین
اولدیлар اول حالتیمدین نا امید

یادیم مونداغ کیلور بو ماجرا
کیم چیکار اطفال مرحوم زیون
ایمکانورلار چون سبق آزاریدین
ایستابان تشخیص خاطر اوستاد
نشدین بعضی اوقور هم داستان
منکا اول حالتدا طبع بو الهوم
تاپتی ساکن ساکن اول تکراردین
طبع اول سوزلارکا بولغاچ آشنا
عادت ایتدیم اول حکایتلاریدا
چون بیرار سوزدین تاپیب طبعیم کشاد
ذوقی کوب خوشحال ایتار ایردی مینی
چون بو احوالیمغه بولدی امتداد
ایلا کیم ایلدین اوزولدی الغتیم
خلق رسمی سوزلاریدین قیل و قال
عاقبت عشق ایلا دی شیدا مینی
کیم دیدیم عزلت⁶ ایشیکین آچقامین
آنکلاغاچ اطفال ایلاب شور و شین
وهم غالب بولدی⁷ آنداق کیم عوام
بولماغای کیم طبع بیرکای تلبه لیک
تا پشوروب⁸ دفترنی معدوم ایتی لار
منع کلی قیلدیлар اول حالدین
چون آرادین اوقی بیر عهد بعید

¹ Текст „Лисан ат-тайр“ доныне не издан. Я пользовался им по трем рукописям Азиатского Музея n° a 290 [a], n° 291 h [b] и Учебн. Отд. n° 85 [c], причем в основу клал редакцию а, как наиболее полную и точную. Подробного описания этих рукописей я не даю, ибо предполагаю, что одновременно с этим будет опубликовано описание Ленинградских рукописей Нев'аи, составленное К. К. Юдахиным. Описание с у W. D. Smirnow, Manuscripts turcs de l' Institut des langues orientales, décrits par... St.-Petersbourg, 1897, p. 168.

² a — f. 289; b — f. 86 v; c — f. 34.

³ ас اوستاد ⁴ بعتسه

⁵ а вставляет ким против метра

⁶ غربت

⁷ تاپیبان

⁸ بعهلیدین

ياشورن تکرار ايتار ايرديم مدام
قوش تيلي بيرلا کونکول همراز ایدی
ايلادیم اول مملکتنی ییقلسم
دست پیردی چیکماین اندوه و رنج¹
يازسا یوزمینک بیت ایتار ایردی قیاس
خاطریمدین چیقماس ایردی بوخیال
ترجمه رسمی بیلا یازسام سبق
بارماس ایردی خامه غا ایلکیم روان
اولسام و قالسه و بیلماي بوکتاب
بوپلا اوتدین داغ حسران ایلتنکوروم
کوییا کیم وقتیغه موقوف ایدی
قوش تیلین شرح ایتکالی یوندوم قلم
کورکاج استعداد اول امداد ایتیب
طبع بو معنیغه مشغول اولماي
قیرق ایلک بیت هر یاریم کیچه
بورقمدا اختیاریم یوق ایدی
قیلدیم آز فرصتدا ارقامین تمام
کر چه قیلدیم اوز اوزومکا اشتلم
کیم مرادین قاپتی اوشبو نامراد
اوزنی بو دریاهه ایلاب آشنا
ییغسه دریا موجیدین خاشاک و خس
یاروغای ویرانه سی بولماي قوتون
یاپمایین ییغدیدم ایسه خاشاک نی
فانی اولدی طبع مملکوروم منینک
عالم اهلی اوزرا نقد نعر و کان
جودینی وصف ایلاسام بس تورمتکا
کیم حرارت سالسه کونکلیغه بو سوز
فیض قاپغای کامیغه یعنی بیتیب
قیلماي کونکلی ایکی لیک ساری میل

لیک چون یادیمدا ایردی اول کلام
آندین اوزکا سوزکا میلیم آز ایدی
تسک نظمیدا چو تارتیب من علم
تسوت دیوان بیرلا نظم پنج کنج
نظم و نثریم کاتب تحسین شناس
مونچه کیم نظم ایچرا قیلدیم اشتغال
کیم بو دفترغه بیریب توفیق حق
لیک سوز دشوار ایدی مین نا توان
عاقبت کوردیم که عمر ایلار شتاب
اول جهان ساری بوارمان ایلتنکوروم
نیچه بو ایشکا کونکول مشعوف ایدی
آلتمیشغه عمر قویغاندا قدم
شیخ نینک روحیدین استمداد ایتیب
ایردی یاریم کیچه اشغالیم چاغی
خامه رفتارین نیچه سوردم² نیچه
صفحه غا یازمای قراریم یوق ایدی
شیخ روحیدین ییتیب کوب اهتمام
سوز دقیق ایردی و معنی آندا کم
شیخ روحیدین ولی یتی کشاد
کر چه غواصی چیکیب رنج و عنا
درغه کر تاپماس ایسه هم دست رس
هم قوروتسه و آنی قیلسه اوتون
مین بو دریا ایچرا در پاک نی
نیلایین بو ایردی مقدوروم منینک
ساجتی ایرسا ناظم عالمکان
موندین ارتوقراق حد ایرماستور منکا
بو دور امیدیم که هر کیم سالسه کوز
شیخ انفاسیغه آنی حمل ایتیب
بیزنی داغی آندا کورکای بیر طفیل

„Так приходит мне в память это дело, что во времена детства, в школе слабые, достойные сожаления (?) дети со всех

¹ Здесь кончается б.

² Исправлено из استعداد

с سورسام

4 be کر

сторон возвышали голос для заучивания урока. Когда они становились измученными от терзания урока или от повторения слова Аллаха, учитель, желая выявления помыслов, заставлял читать стихи, чтобы чтение было беглым.

Читали также некоторые рассказы из прозы, этот, например, „Гулистāн“, а тот „Бўстāн“.¹ При этом обстоятельстве моя страстная природа просила „Мантқиқ ат-тайр“. Понемногу, понемногу от того повторения мое простое сердце нашло удел от этой речи. Когда природа ознакомилась с этими словами, она уже не склонялась более к другим словам. Я привык к этим рассказам, к метафорам из речей птиц.

Так как от каждого слова моя природа находила усладу, я стремился найти — в чем же смысл... Восторг от них весьма веселил меня, но изъяснение их заставляло меня онеметь. Когда эти состояния мои продлились, мое пристрастие к этой тетради усилилось, так что моя дружба с людьми оборвалась и эта книга стала другом моего уединения. Если раздавались речи из обычных слов людей, это вызывало в моей природе скуку. В конце концов опозорила меня любовь; так возвеселила меня эта страсть, что я сказал: „открою врата уединения и бегу от людей мира, лишённого духовного смысла!“ Узнав это, дети подняли крик и стон и эти слова услышали родители. Возобладал страх, что как у простого люда — слова пламенны, а природа сыра. Не случилось бы, что природа даст безумие, так что будет отнята рука от благого исхода... Найдя тетрадь, ее уничтожили, лишили мое сердце занятия его, совершенно удержали от того состояния и разговоров о „Мантқиқ ат-тайр“. Когда после этого прошло долгое время, они впали в безнадежность от этого состояния моего. Так как эти речи были в моей памяти, я тайно постоянно повторял (их). К другим словам склонности у меня было мало, сердце обладало общей тайной с „Языком птиц“.

Когда, подняв знамя в турецких стихах, я все это царство подчинил моему приказу, мне удалось сложить четыре дивана и „Пять сокровищ“, не неся скорби и труда. Если знающий украшения писец переписет мои стихи и прозу, он насчитает около ста тысяч бейтов. Когда я так занялся поэзией, из моих помыслов не выходила эта мечта — если Истина даст помощь,

¹ Известные произведения Са'ди.

написать подражание этой тетради в виде *перевода*. Но слова были трудны, я бессилён, рука моя не могла одухотворить перо. Наконец, я увидел, что жизнь поспешает, я умру и останется эта книга неизвестной. Я снесу в тот мир это разочарование, от такого пламени понесу тавро отчаяния. Некоторое время сердце волновалось этим делом и, словно оно было предназначено на определенное время, когда жизнь вступила в шестидесятый год, я очинил перо, чтобы изложить „Язык птиц“. Я попросил поддержки у духа шейха, увидев способность, он оказал поддержку. Полночь была временем моих занятий, когда природа предавалась этому смыслу. Сколько я подгонял ход пера, сколько! Сорок-пятьдесят бейтов не написав на листе в полночь, я не находил покоя и в этом начертании своей воли у меня не было. От духа шейха я удостоился многих забот; в короткий срок закончил свое писание.

Слова были тонки, но смысла в них мало, хотя я и попрекал самого себя. Но было откровение от духа шейха, так что этот не знавший успеха добился осуществления. Если пловец, перенося страдания и труды, поплывет в этом море и не удастся ему добыть жемчуга, а соберет он из волн моря (только) щепки и стружки, то, когда он высушит их и сделает дровами, засияет его руина и не будет дыма. Я, не добыв в этом море чистой жемчужины, собрал (только) щепок, но что делать! Это было мне предопределено: моя разлученная природа уничтожилась. Хотя величавый поэт и рассыпал для людей мира сокровища морей и рудников, но мой предел не шел дальше этого, мне довольно и того, что я опишу его щедрость! Надежда моя такова, что всякий, кто бросит взор, если в сердце его эти слова вызовут жар, припишет их благодати шейха и найдет обилие, т.-е., достигнув желаемого, нас тоже увидит в этом прихлебателем и не заставит свое сердце склониться к двойственности“.

Из этого отрывка мы видим, что Нев'аи с самого детства питал пристрастие к поэме 'Атт'ара, но решился приступить к обработке ее, только достигнув шестидесяти лет и приобретя большой опыт в поэтическом искусстве. За его спиной уже была целая длинная карьера и он был признан величайшим из восточно-турецких поэтов. Но, несмотря на это, он не решился на свободное подражание, а задумал дать перевод „Мантйқ ат-

тайр". Тем не менее, оказалось, что сил его для выполнения этой задачи не достаточно, работа подвигалась с большим трудом и только благосклонностью духа покойного поэта Нев'аи объясняет свой конечный успех. Это заявление носит чистомистический характер, но некоторую реальную почву оно под собой имеет. Нев'аи несомненно не довольствовался изучением одного „Мантиқ ат-тайр“ и распространил свою работу и на другие произведения 'Атт'ара, что, конечно, в значительной степени облегчило ему понимание более сложных мест. Из других произведений 'Атт'ара он перечисляет следующие: „Муסיбат-намэ“, „Илахи-намэ“, „Уштур-намэ“, „Халладж-намэ“, касыды, газели, руб'а'и и „Тазкират ал-аули'а“.¹ Список этот далеко не полон, здесь отсутствуют многие крупные вещи как „Аср'ар-намэ“, „Джаухар аз-з'ат“ и др. Характерно полное отсутствие указания на крайне-ши'итские поэмы 'Атт'ара, как „Ма'зхар ал-'аджаиб“ и „Лис'ан ал-гайб“. Выбраны только все более умеренные его произведения, в которых расхождения с основными положениями правоверного ислама не наблюдается.²

Насколько серьезно Нев'аи относился к своей задаче, видно из его неудовлетворенности конечным ее результатом. Правда, очень трудно сказать, искренни ли эти жалобы. Почти каждый персидский поэт считает своим долгом указать на недостатки своего произведения и просить у читателя снисхождения — это литературная традиция, соблюдения которой требовал хороший тон. Однако заявления Нев'аи, повидимому, не только пустая формальность — уже одно то обстоятельство, что давно задуманный перевод так долго откладывался, доказывает, что Нев'аи в полной мере сознавал трудности, которые должны были встать на его пути при выполнении этого задания.

Итак, мы установили, что Нев'аи стремился дать перевод поэмы 'Атт'ара и никаких авторских заслуг себе не приписывал, называя себя только прихлебателем великого персидского суфия. Посмотрим теперь, как он справился с этой задачей.

¹ См. далее стр. 42.

² Быть может, отсутствие упоминания ши'итских поэм можно объяснить не принадлежностью Нев'аи к суннитскому толку, а также и тем обстоятельством, что после возбуждения в Нишапуре преследования против 'Атт'ара поэмы эти были уничтожены и, следовательно, представляли собой редкость и могли остаться Нев'аи неизвестными.

5. Прежде чем перейти к анализу построения „Лисāн ат-тайр“, который составит главную часть нашей работы, необходимо еще вкратце коснуться вопроса о *тахаллусе*, применяемом поэтом в этом произведении. Считается установленным, что Мйр-‘Али-Шйр в турецких стихах своих пользовался псевдонимом Невāи, в персидских называл себя Фāни. Отсюда следовало бы, что „Лисāн ат-тайр“ он, конечно, должен был бы подписать своим первым *тахаллусом*, но на деле мы видим иное. Вот что говорит он сам по вопросу о своем поэтическом прозвании:¹

تُرک الفاضی بیلا قیلدیم ادا
بعضی ایشدا بار آئینک بیر بیلکوسی
مهر یا توقیع یا تمغا دور اول
کیم تخلص ناظمی تمغاسی دور
نی ورق کیم نظم قیلدی اهل راز
یا بو خسرو یا بوجامی نینک دورور
نظم نینک هر صناعی نی قیلدیم رقم
نظم تاپتی طبع کلکیم دین فروغ
نظمیا ایردی نواشی دین نشان
کامرانلار تاپتی نظمیم دین نوا
تاپتی بیلکو نظم فانیدین منکا
طرفه قوشلار بیرلا پرواز ایلا دیم
بولسه نظمیم غه نواشی دین ادا
دلکش افغانی حزین دستانی نور
تاپغودیک ایردی نواشیدین نشان
مستمع بولغانغه آیتورمین سبب
چونکه مرجع میلی ایردی و معاده
فانی آندین تاپتی نظمیم اختتام
کیم دیمیش قوشلار دیلیدین مثنوی
یتی وادی چون معین ایلامیش

شعر صنعتین که قیلدیم ابتدا
ایلا کیم هر کیمسه نیکیم قیلغوسی
کیم اوزی تخصیصغا املا دور اول
صفحه زیباسی نظم انشاسی دور
بو نشانانی بیرلا تاپتی امتیاز
کیم بوسعدی یا نظامی نینک دورور
فارسی نظم ایچرا چون سوردم قلم
منکه ترک الفاظیغه ایلاب شروع⁴
چون سحاب طبعیم اولدی در فشان
دهر باغیدا اولوب کامیم روا
فیض یتکاج اول معانیدین منکا
چون لسان الطیر آغاز ایلا دیم
مونداناسب ایردی کیم تورکاج نوا
کیم نوا قوشلار تیلی الحانیدور
ترک اسلوب ایردی هم بو داستان
بو رقمدا فانی ایلارکا لقب
کیم بو دفتر نظمیدین کل مراد
موندان فانی بولمای ایش بولماس مراد⁵
کیم بو دفتر ایچرا شیخ معنوی
سیر اول قوشلارغه کیم فن ایلامیش

¹ a — f. 289 v; b — om; c — f. 36 r.

² a опущ.

³ یوز

⁴ وقوع

⁵ Все рук. مراد, что несомненно описка.

⁶ Все рук. مراد, но в таком случае выпадает рифма.

چکتوروب قوشلارغه كوب رنج و عنا سونغكى منزل بولدى وادى فنا
 كرچه بو ايكى تناسب بار ايدى نظمىما هم بو تخلص بار ايدى
 كر تخلص موندان فانى ايلاديم بو تناسب لاردين آنى ايلاديم
 كرسبب ايستاب بير او قيلسه خطاب شرح قيلغان سوز آنكا بستور جواب

„Когда я приступил к искусству стиха, я выполнял (их) турецкими словами. И вот, каждый, кто собирается что-нибудь сделать, в некоторых работах имеет особый знак (bilgü),¹ который есть подпись для присвоения именно ему (этой работы) — будь то печать или скрепа или тамга. Сочинение стихов — разукрашенная страница его, где *тахаллус* — тамга сочинителя их. При помощи этого знака нашли отличие все те листы, которые сочинили люди тайны — что это (принадлежит) Са'ди или Нив'ами или это Хусрау или Дж'ами. Когда я повел калам в персидских стихах, я начертил все тонкости искусства стиха, когда приступил к турецким словам, стихи нашли от природы моего пера разветвление.² Когда облако моей природы стало рассыпать жемчуга, стихи мои получили *нишан* (знак) от Нев'айи. Мои желания в саду века осуществились и вельможи нашли от моих стихов богатство.³ Когда же меня достигла благодать от тех духовных истин, стихи у меня получили печать Ф'ани. Приступив к „Языку птиц“, я совершил полет с диковинными птицами. Здесь было уместнее, раз поднялось пение, чтобы стихи мои были выполнены Нев'айи. Ибо пение (*нав'а*) — напевы птичьего языка, влекущие сердце стоны, грустные повести. Но этот рассказ был исключением из правила, хотя и должен был бы получить *нишан* — Нев'айи. Я скажу внимающему причину, по которой я прозвал себя в этом начертании Ф'ани. Общая цель сочинения этой тетради была склонность к „возвращению и повороту назад“,⁴ но здесь пока не исчезнет дело, не будет (достигнута) конечная цель, поэтому стихи мои и получили печать (имени) Ф'ани. Ибо, когда в этой тетради духовный шейх сказал месневи с языка птиц, когда изобрел путешествие этих птиц и уста-

¹ К этому термину ср. А. Н. Самойлович, О „пайза“ — „байса“ в Джучиевом улусе. К вопросу о басме хана Ахмата. ИАН, т. XX, 1926, стр. 1111 сл.

² Т.-е. были расчленены на разные формы.

³ Или „музыку“. Вся соль здесь в игре слов *нав'а* — *Navāi*.

⁴ Т.-е. возвращение в духовный мир, к небытию *fanā*, известные суфийские термины.

новил семь „долин“, то после того как он заставил птиц перенести много трудов и бедствий, последней стоянкой была „долина небытия“ (fanā). Так как имелись эти два отношения, то и в стихах моих был этот тахаллуф. Если я применил здесь тахаллуф Фāни, я употребил его вследствие этих отношений. Если кто-нибудь поведет речь, желая (узнать) причину, изъясненные слова для него достаточный ответ“.

Другими словами, тахаллуфы Невāи зависят не от языка стихов, а исключительно от содержания их, причем прозвище Фāни в данном случае должно подчеркнуть суфийский характер поэмы.¹

III

6. „Мантиқ ат-тайр“ ‘Аттāра в издании Garcin de Tassy² распадается на вступление, 24 maqāla и заключение. Эти более крупные деления в свою очередь расчленяются на ряд мелких подразделов, озаглавленных hikāyat. Однако деление это едва ли может считаться первоначальным, ибо значительная часть старых рукописей и литографированные на Востоке издания такого деления не знают и обыкновенно расчленяют поэму только на ряд мелких глав, не объединенных в более крупные единицы.

Эту же форму мы находим и у Невāи, поэма которого состоит из 176 небольших отделов и заключения (khātima). Главы эти не нумерованы, заголовки их в различных рукописях не совпадают и, вероятно, как это бывает в большей части персидских поэм, являются позднейшим добавлением. Однако порядок глав во всех трех рукописях, которыми я пользовался, остается неизменным, да и едва ли мог бы быть изменен, ибо логический ход развития действия не допускает никаких перестановок.

Первый отрывок ни у ‘Аттāра ни у Невāи особого заголовка не имеет и представляет собой обычное славословие Аллаху: излагается в общих чертах суфийская концепция сотворения

¹ Можно было а priori предполагать, что тахаллуф Фāни будет применяться только автором, придерживающимся суфийского мирозерцания. Приведенные строки Невāи устраняют всякое сомнение — ясно, что тахаллуф этот впервые им был применен только по ознакомлении с суфийским учением.

² Mantic uttāir ou le Langage des oiseaux, poème de philosophie religieuse, par Farid-uddin Attar, publié en persan par M. Garcin de Tassy. Paris, 1857.

мира,¹ история Адама, падение Иблйса и изгнание Адама из рая. Невāi в общих чертах следует своему оригиналу, но отнюдь не стремится дать точный перевод и позволяет себе весьма значительные отступления. В большинстве случаев сохранен только приблизительный смысл фразы, образы совершенно иные, как это видно уже из первого *бейта*:

Н.

А.

جان قوشی چون منطق راز ایلاکای² آفرین جان آفرین پاک را
تنکری حمدی بیرلا آغاز ایلاکای آنکه جان بخشید مشتی خاک را

„Когда птица души заводит беседу о тайне, она начинает с похвалы богу“ „Похвала чистому творцу души, который подарил душу горсти праха“.

Стиль 'Aṭṭāra значительно более пламенен, стихи полны исступленных выкриков, повествование все время перебивается *munājāt* — горячими мольбами, обращенными к богу. История сотворения мира у 'Aṭṭāra изложена подробнее, зато Невāi дает больше деталей падения Иблйса. Полного совпадения нет почти ни в одной строке, но сплошь и рядом образ 'Aṭṭāra является толчком к дальнейшему развитию мысли у Невāi, причем иногда образ Невāi даже достигает большей художественности, как в следующем *бейте*:

Н.

А.

بحر اوزا جنگ ایلائی توفراغدین³ کوه را میخ زمین کرد از نخست
جنگ اوزا لنکر یاسادی تاغدین پس زمین را روی از دریا بشست (v.47)

„На море он сделал корабли из праха, на кораблях создал якорь из гор“ „Сначала он сделал горы гвоздями земли, потом омыл лицо земли морем“.⁴

¹ Ср. мою статью „Суфийская космогония у Феридеддина Аттара“, ЯС III, 81—98.

² a — f. 262 v; b — f. 1 v; c — f. 1 v.

³ ab — ibd; c — om.

⁴ Я не касался вопроса о метре Невāi; приведенные примеры показывают, что в обеих поэмах метр один и тот же (ремель), что, впрочем, и не могло бы быть иначе, ибо во всех многочисленных случаях подражания, „ответа“ на известное произведение, в персидской литературе размер всегда в точности сохраняется. (В *касыдах* и *газелях* сохраняется обычно даже и *рифма*).

Иногда образ используется в более расширенной форме, причем в некоторых случаях при этом даже удерживается рифма оригинала:

Н.

رازی مخفی کنج اولوب بیر طرفه جسم!
صنعی دین اول کنج حفظیغه طلسم
هم طلسم اول مخزن اوزره هم امین
آفرین صنعینکدا ای جان آفرین

„Его тайна была сокровище сокровище, а некое диковинное тело от его искусства для охраны этого сокровища — талисман. Оно и талисман для этой сокровищницы и верный хранитель, хвала твоему искусству, о творец души!“

А.

کنج در قعرست و کیتی چون طلسم
بشکند آخر طلسم بند جسم (v. 132)

„Он — клад в пучине, а мир словно талисман, в конце концов талисман разобьет оковы тела“.

Другой пример, где проводится различие между падением Адама и Иблйса (одна из излюбленных тем суфизма):

Н.

اول شرفلار بیرلا آنداغ پیش خیل
کیم عیان ایلاب تکبر ساری میل
تا ابد مردود و ملعون ایلابان
عبرتسی آفاق کردون ایلابان....
بولدی سرکش لیکنда آیینک آفتی
عجز تغراقلیغ بو بیرنینک رافتی²

„Такого предводителя с подобными почестями, который проявил склонность к гордыне, на веки веков изгнанным и проклятым сделал, примером для горизонтов небосвода сделал... Бедствие того было в гордыне, милость этому в унижении и бессилии“.

‘А.

و آن یکی کز سجدهء او رو بتافت
مسخ و ملعون کشت این سر در نیافت
(v. 121).

„А тот, который отвернулся от преклонения перед ним (Адамом), стал превращен и проклят, а этой тайны не постиг“.

¹ a — f. 262 v; b — f. 2 v; c-om.

² a — f. 263 v; b — f. 2 v; c — f. 1 v.

Интересно отметить разницу в миросозерцании наших двух авторов, сильнее всего выступающую при сравнении следующих строк:

Н.

'А.

درنگر کین عالم و آن عالم اوست هم اوزی اول بیرنی معلول ایلاкан
نیست فیر او و کرهست او هم اوست هم اوزی اول بیرنی مقبول ایلاкан
اول نی قیلندی بو نی قیلندی او بیلور (v. 54).

„Смотри: этот мир тот мир —
„Он же сам этого сделал грешным (Иблйса), он сам того сделал приятым (Адама). Что сделал тот и что этот, он знает. Тот этого не делает, все что он делает, делает он сам (бог)“.

То есть, с одной стороны выраженный пантеизм, с другой трактовка вопроса о свободе воли в форме очень близкой к ортодоксальному решению этой проблемы *bilā kaif*. Крайние воззрения 'Атт'ара смягчены и вдвинуты в рамки правоверного ислама.² С таким изменением концепций 'Атт'ара мы будем встречаться и далее.

Вступительная глава 'Атт'ара³ на 216 *бейте* переходит в сетования на свою греховность, чему у Нев'аи соответствует отдельная *вторая* глава, идущая под заголовком *مناجات بدرگاه قاضی الحاجات*. Здесь мы опять сталкиваемся с весьма характерным различием. 'Атт'ар трактует вопрос в самых общих терминах, не вдаваясь ни в какие детали. С его точки зрения самый главный грех — факт его индивидуального бытия, то обстоятельство, что его „я“ еще не растворилось в океане мировой любви. Нев'аи перечисляет ряд своих прегрешений, о прощении которых он взывает, и называет следующие проступки:

قیلمادیم عمریم دا بیر رکعت نماز سر بسر محض نیاز ای بی نیاز
هرگز آن داق قوعادیم توفراقغه باش کیم کیراکیک بولماغای باشیمغه تاش

¹ Ibid.

² Строки Нев'аи совершенно свободно могут рассматриваться как парафраза известного стиха Корана 8, 17 *و ما رمیت الا رمیت و لکن الله رمی*

³ Этот вступительный эпизод у 'Атт'ара заканчивается притчей о разбойнике и его жене, которая у Нев'аи опущена.

بیرمادیم هرگز کداهه بیردرم تا اوزومنی کورمادیم اهل کرم
توغمادیم آتینگ قیلیب فرزاندهلیغ سبجه ایلدین آسمایین یوز دانهلیغ
بیر عمل هرگز ریاسینز قیلمادیم زرق سینز بیردرم اوزومنی کورمادیم¹

„Я не совершил за (всю) мою жизнь ни одного *рак'ата* намāза, который бы целиком (вытекал) из нужды, о не знающий нужды! Я никогда не клал голову в прах так, чтобы для головы моей не был необходим камень. Я никогда не подавал нищему одного дирхема, не считая себя при этом человеком великодушным. Я не достигал счастья помянуть твое имя, не свесив с руки четки в сто зерен. Я не совершил ни одного дела без лицемерия, я не видал себя ни единого мига лишенным обмана“.

Слова Невāи звучат искренне и тепло, но масштаб здесь, конечно, совершенно иной нежели у 'Аттāра. Это уже не мистика, это религиозное чувство, остающееся в пределах правоверного восприятия ислама и не взлетающее в беспредельные просторы космоса, как это мы видим у персидского пантеиста.

Далее у обоих поэтов следует глава, посвященная восхвалению пророка. Оба дают приблизительно одни и те же традиционные образы, в более подробное рассмотрение которых входить не имеет смысла. Отмечу только, что Невāи с особенной любовью останавливается на истории Ми'рādжа и дает картину прохождения пророка через все небесные своды и знаки зодиака, обнаруживая превосходное знание астрологических учений своей эпохи. Вся эта глава у Невāи представляет собой необычайно блестящую игру словами и образами и технически является верхом совершенства. Однако нельзя не признать, что соответствующий отрывок 'Аттāра, значительно более простой по конструкции — звучит много горячее и искреннее. Эта глава у Аттāра кончается рассказом о матери, спасающей упавшего в воду ребенка (v. 388 sq.), который у Невāи опущен.

Следующие четыре главы 'Аттāра — восхваление четырех первых халифов. То же самое мы находим и у Невāи с той лишь разницей, что после каждого восхваления идет небольшой вставной рассказ, тема которого заимствована из легендарных биографий халифов и назначение которого — служить для иллю-

¹ a — f. 263; b — f. 3 v; c — f. 2.

страции характерных черт восхваляемого. Таким образом, изложение Невъи более конкретизировано и идет несколько далее сухих и формальных восхвалений 'Аттара. Интересно отметить, что начальные строки каждого из этих отделов являются почти точным переводом персидского оригинала. Абӯ-Бекр (гл. 4):

Н.

'А.

خواجۀ اول كه اول يار اوست اول كه سلطان رسله يار دور
ثانى اثنين اذا هما فى الغار اوست ثانى اثنين اذا هما فى الغار دور
'Омар (гл. 6): (v. 406)

خواجۀ شرع آفتاب جمع دين اول كه پيغمبره هدم ايردى اول
ظل حق فاروق اعظم شمع دين (v. 419) شبهه سيز فاروق اعظم ايردى اول
'Осмāн (гл. 8):

خواجۀ سنت كه نور مطلق است او حيا كانى و نور العين ايدى
بل خداوند نور برحق است (v. 431) ايلا كيم عينين نى النورين ايدى

Похвала 'Али (гл. 10) несколько отличается от 'Аттара, хотя Невъи применяет два выражения, обладающие широким распространением среди ши'итов и использованные у 'Аттара: ¹عجائب مظهرى и взятое из подложного хадиса — على بابها.

Во вставных рассказах использованы следующие темы. Гл. 5. Абӯ-Бекр заявляет мусульманам, требующим отмены зекāта, что не изменит в шари'ате ни единой нити. Гл. 7. После разграбления Мадāйна 'Омар не берет себе ничего из добычи и всю свою долю передает в bait al-māl. Гл. 9. Когда к пророку приходят посетители, он сидит с вытянутыми ногами, но, когда его посещает 'Осмāн, подбирает их под себя, чтобы не оскорбить крайней стыдливости его. Гл. 11. Наконечник стрелы врага застрял в кости у 'Али и его близкие не знают, как вытащить его, боясь причинить раненому непереносимую боль. Пророк советует сделать это в то время, когда он будет погружен в молитву, ибо в это время он настолько забудет о существовании внешнего мира, что боли не ощутит. Так и поступают, а 'Али, узнав потом об этом, делает вывод:

كيم خلاص اوراق اجل پيكانيددين * ممكن ايرماس جز نبى احسانيددين

¹ Ср. заглавие известной поэмы 'Аттара, за написание которой он подвергся изгнанию из родного Нишапура.

„Избавиться от наконецника стрелы смертного часа невозможно иначе, как благодеяниями пророка“.

После восхваления первых халифов Нев'аи переходит (гл. 12) к славословию 'Атт'ара, перечисляет его важнейшие произведения и просит у него поддержки для осуществления своего замысла. Список упоминаемых здесь сочинений 'Атт'ара мною уже приведен выше. У 'Атт'ара в этом месте следует крайне важная глава о вражде между ши'итами и суннитами, опущенная Нев'аи. 'Атт'ар занимает примирительную позицию, обычную среди персидских суфиев IV—V вв.¹ С одной стороны он обращается к ши'итам с просьбой отнестись более справедливо к 'Омару, с другой доказывает суннитам, что 'Али к своим предшественникам вражды не питал и что, следовательно, и община должна прекратить существующий раздор. Положения эти иллюстрируются восемью мелкими рассказами, которые у Нев'аи естественно тоже опущены. На этом у обоих поэтов кончается вступительная часть и начинается самое повествование.

Разбор этой части показал, что, хотя Нев'аи, как мы это и должны были ожидать по его собственному указанию, и стоит в тесной зависимости от 'Атт'ара, но тем не менее уже эта часть является довольно свободным воспроизведением персидского оригинала. Наиболее существенным отличием надо признать смягчение крайних философских взглядов 'Атт'ара, изложение суфизма в более умеренной, близкой к правоте форме и опущение всей богословско-политической части, которая для ши'ита 'Атт'ара представляла весьма значительный интерес, а для Нев'аи особого значения иметь не могла. Другими словами, Нев'аи приблизил концепцию 'Атт'ара к интересам своего круга и своей эпохи и сгладил в оригинале все те черты, которые при гератском дворе могли казаться нежелательными.

7. Закончив вступление, 'Атт'ар сразу же переходит к самому действию и в ряде патетических обращений знакомит нас

¹ Ср., напр., позицию Кел'аб'адй в Kitāb ta'arruf li madhhab at taṣawwuf (Рук. Библ. Агр. Унив. № 396, f. 145^b). واجعوا ان الاقتداء بالصحابه واجبا وسكتوا عن القول فيما كان بينهم من التشاجر... ولا يرون الخروج على الولاة وان كانوا ظلمة... وأروا التشاغل بما لهم وعليهم اولى من الخصومة في الدين الخ

с главными действующими лицами повествования. Перед нами проходит двенадцать характеристик разных птиц, из которых каждой поэт посвящает по пять бейтов: 1) هدهد (v. 603), 2) طوطی (v. 608), 3) کبک (v. 613), 4) شه‌باز (v. 618), 5) درّاج (v. 623), 6) عندلیب (v. 628), 7) طاوس (v. 633), 8) تذرو (v. 638), 9) قمری (v. 643), 10) فاخته (v. 648), 11) مرغ زرین (v. 653) и 12) باز (v. 658). Затем следует программная речь удода к птицам, в которой он перечисляет свои заслуги и указывает на необходимость отправиться на поиски симурга. Место действия совершенно не обрисовано, причины, по которым собрались птицы, неясны. Все это место носит у 'Aṭṭāra выражено лирический характер, эпического спокойствия, обстоятельного последовательного изложения нет и следа.

Совершенно иначе подходит к своей задаче Невāi. Вот как он описывает (гл. 13) собрание птиц и последовавшие в дальнейшем события:

بیشه و بحر و بیابان قوشلاری
هر بیر اوز خیل و صفین کورکوزدیлар
چون توکانسه بزم توتغای لار هوا
هر بیر یزنک اوزنی تعیین یوق ایدی
بلبل و قمریدین اول یانکلیغ کا زاغ
یورتجی طاوس اوزه قیلدی خرام
تازدین قالدی قوی راق تاجور
قیلمادی اول سوزکا ارذل استماع
ماجرا بیرلا مکابا هر طرف
هر دم آشتی ماجرا اول خیل آرا
کیم اگر بولسه شهلای صاحب شکوه
هوش آیین شهریارای عادلی
بولماغای اشرف حسیس الیداپست
ایستادی بارچا شهلای صاحب تمیز
هر بیر اوز حالی غه مغمون بولدیлар
بولدیлар شه‌دین سراسر نا امید
نیم بسمل قوشدیگ ایلاب اضطراب²

جمع اولوب بیرکون کستان قوشلاری
بارچا بیر منزلدا مجمع توزدیлар
کیم محبت بیرلا توزکای لار نوا
اولتوروردا چونکه آیین یوق ایدی
یوقاری اولتوردی طوطی دین کلاغ
قاز شونقاردین بییک توتدی مقام
چون هنرور اوزره چقتی بی هنر
خیل اشراف اتیلار ظاهر نزع
توشتی قوشلار اشچرا غوغا هر طرف
بیر بیردین اوقمادی اول ماجرا
بولدیлар محتاج آخر اول گروه
حاکمی انصاف لیغ دانا ولی
یتماکای اعلی غه ادنادین شکست
هر گروه ایردی اوزیکا چون عزیز
یوقلوغیدین بارچا¹ محزون بولدیлар
یاس آهنکین توزوب تارتیب نوید
بو تعب دین هر بیر یزنک کلیدا تاب

¹ be زار.

² a — f. 265; b — f. 9; c — f. 4.

„Однажды собрались птицы цветника, птицы леса, моря и пустыни. Все они устроили сборище на одной стоянке, каждая показала свою свиту и воинство. (Собрались они), чтобы полюбовно запеть песню, а, когда кончится пир, подняться на воздух. Так как у них не было установленного порядка при усаживании, для каждой в отдельности не было назначенного места, то ворона села выше попугая, ворон сел на более почетное место, чем соловей и горлица. Гусь занял более высокое место, чем сокол, сорока гордо прошла мимо павлина. Когда лишенный доблести поднялся выше доблестного и носитель венца оказался ниже лысого, толпа вельмож подняла спор, но презренные этим словам не внимали. Со всех сторон среди птиц поднялся крик, со всех сторон спор и защита своих интересов. Не щадил один другого этим спором, каждый миг возрастал спор среди этой толпы. В конце концов эта толпа была вынуждена (признать), что, если бы был величавый царь, справедливый судья, мудрый правитель, следующий здравому смыслу правосудный государь, не постигло бы вышших со стороны низших поражение, вельможа не был бы унижен перед чернью. Так как каждая группа себе самой была дорога, то все захотели рассудительного царя. От неимения его они были грустны и опечалены, каждая из них была обманувшейся в своем состоянии. Они затянули песню отчаяния, дали обет, но совершенно потеряли надежду на шаха. От этой муки в сердце каждой из них горение, они волновались (трепетали) как наполовину зарезанная птица“.

Эта картина вводит нас в совершенно иной круг мышления, нежели абстрактные образы 'Аттара. Невâи подходит к символическому повествованию с известными реалистическими требованиями. Действия птиц должны получить обоснование — поэт нашел чрезвычайно удачный мотив местничества и описал сцену спора вельмож из-за мест, какую ему, быть может, не раз приходилось наблюдать лично.

8. Гл. 14—18 посвящены беседе удода с птицами о симурге и различным разъяснениям, связанным с вопросом о нахождении его. Первые три главы (14—17) передают *один* соответствующий отрывок 'Аттара, ибо в отличие от персидского оригинала Невâи заставляет птиц два раза спрашивать своего вождя о таинственном царе и его свойствах. Описание симурга почти лишено мистической окраски и выдержано в самых общих выра-

жениях. Правда, удоб оговаривает то обстоятельство, что симурга описать и характеризовать нельзя. О нем можно высказывать только то, что субстанция (dhāt) его — едина, а атрибуты (šifāt) — множественны. Впрочем, изредка проскальзывает и более выраженная мистика, как в *бейте*:

آنى اعضا نكيزدا قان يانكليغ بيلينك * جسم اجناسيداجان يانكليغ بيلينك

„Знайте, что он словно кровь в ваших членах, знайте, что он в разных телах — словно душа“.

Гл. 17 — парафраза аналогичной главы 'АттЌра. Удоб объясняет птицам, каким образом мир узнал о существовании симурга. Он однажды ночью пролетал над Китаем, одно из перьев его выпало и, долетев до земли, озарило всю страну своим сиянием. Глава эта у 'АттЌра весьма сжата, НевЌи дает несколько больше подробностей и, между прочим, описывает Китай. Однако описание это реальной основы под собой не имеет и всецело покоится на выработанной персидской поэзией литературной традиции. Так, Китай от пера симурга становится подобием *کارگاه مانوی* — „мастерской МЌни“, который в соответствии с обычными воззрениями мусульманских авторов рассматривается как тип совершенного художника.

В 18-ой главе птицы решаются на отправление и просят удода быть их водителем на пути. После краткой общей характеристики пути удоб в 19-ой главе обращается с советами к ряду отдельных птиц, которые перечисляются в следующем порядке: 1) طوطى, 2) طاوس, 3) بلبل, 4) قمرى, 5) كبك, 6) تذرؤ, 7) شونقار, 8) كبوتر, 9) شاه باز, и 10) ذراچ. Этот список совпадает в общих чертах со списком, который открывает повествование у 'АттЌра и, несомненно, возник из желания включить в поэму соответствующий эпизод. Нельзя не признать, что с точки зрения реализма помещение этого обращения здесь значительно более уместно. Здесь оно обусловлено логикой самого повествования и не нарушает эпического хода действия, тогда как у 'АттЌра оно представляет собой лирическое отступление, вводящее в эпос момент индивидуальный и тем самым нарушающее целостность концепции.

9. Гл. 20-ая описывает восторг, которым исполнились птицы под влиянием речи удода. Они нетерпеливо и пламенно рвутся в путь. Следует очень краткое описание первых дней этого

странствия. Постепенно жар птиц остывает, они начинают вспоминать о своей родине, домашнем уюте, в сердцах их появляется сомнение и, вот, одна за другой они приходят к удоу с заявлением о болезни, просят отдыха и всячески стараются уклониться от странствия.

Тогда удоу собирает всех вместе в одной долине и требует от них объяснения причин, препятствующих им продолжать путь. Таким образом вводится главная часть поэмы — отговорки отдельных птиц и возражения со стороны удоу. Здесь опять Невāи расширил основной план 'Аттāра, ибо всей этой главе в персидской поэме соответствуют только три *бейта* v. 722—4.

عزم ره کردند در پیش آمدند عاشق او دشمن خویش آمدند
لیک چون راهی دراز و دور بود هر کسی از رفتنش رنجور بود
کرچه ره را بود هر یک کارساز هر یکی عذری ذکر گفتند باز

„Они решились (пуститься в) путь и двинулись, стали влюбленными в него (симурга) и врагами себе. Но так как дорога была длинной и далекой, всякий от хождения по ней изнемог. Хотя каждый готовился к этому пути, но всякий изложил другую отговорку“.

В дальнейшей части оба поэта придерживаются одного и того же порядка в расположении материала: на каждую отдельную птицу приходится по три отрывка — ее отговорка, ответ удоу и в виде иллюстрации к ответу небольшой рассказик, поясняющий высказанную удоу мысль.

Однако порядок перечисления птиц у Невāи несколько иной и, кроме того, в его списке, как мы увидим далее, есть птицы, о которых 'Аттār не упоминает. В общем при изложении этой части Невāи сохраняет основные положения своего образа. Если соответствующая птица имеется у 'Аттāра, то, как ее доводы, так и возражения удоу у Невāи представляют собой пересказ данных глав персидской поэмы. Отдельные строки даже могут считаться почти буквальным переводом, вроде тех случаев, которые мы уже видели выше.¹

¹ Я не буду приводить этих соответствий. Их довольно значительное количество и сообщение их крайне увеличило бы объем статьи, вместе с тем не давая особенно существенных деталей. Более тщательное исследование их могло бы служить материалом для особой работы — Невāи как переводчик.

Наибольший интерес для исследователя представляют те вставные рассказы, которыми Нев'аи в подражание своему образцу заканчивает каждый отдел. Из этих рассказов лишь очень небольшая часть совпадает с соответствующими притчами у 'Атт'ара. Значительное большинство их — продукт оригинального творчества Нев'аи. Среди них некоторые восходят по сюжету к другим литературным произведениям, в отдельных случаях даже можно установить их источник. Другие представляют собой сценки, взятые из жизни, случаи, которые Нев'аи, как государственному деятелю, вероятно, приходилось наблюдать и т. п. В дальнейшем я буду останавливаться на этих рассказах более подробно и сообщу основные черты каждого из них, ибо только таким путем можно будет установить их происхождение, что пока мне удалось сделать только в отношении сравнительно весьма небольшого числа их.

Первым выступает со своими отговорками попугай — طوطى (гл. 21—23). Так как он ссылается на свою замкнутую жизнь в клетке и непривычку к трудностям пути, то угод излагает ему подходящую к случаю притчу (гл. 23). Жил некий дервиш, носивший зеленые одежды. Он слыл великим праведником, но на самом деле пользовался своей репутацией святости как средством для собирания подаяния. Как-то раз ему довелось встретиться с настоящим *пиром*. Тот заглянул в его торбу, куда дервиш-обманщик собирал подаяния и увидел вместо пищи — одни нечистоты. Наоборот, пир подал ему земли и камней и они превратились в золото и драгоценности.¹

Вторым выступает павлин — طاوس (гл. 24—26). Он создан для украшения садов и не должен быть непослушен воле Аллаха, ибо

هر بیریكا اوز طریقیمدین فراق ظاهرًا تکلیف ایرور ما لا یطاق

„Для всякого покидать свой (естественный) образ жизни есть очевидно принуждение себя к тому, чего он не в состоянии перенести“.² Угод доказывает, что внешняя красота значения

¹ Происхождение легенды мне неизвестно. Основная мысль типична для хорасанской школы суфиев IV — V века. Дервишество как вид ремесла — одно из главных эол, с которым борются теоретики суфизма.

² Парафраза Корана, 2, 286: لا یكلف الله نفسًا الا وسعها

не имеет и подтверждает свои слова таким рассказом (гл. 26). Некий индиец разodelся в пышные одежды и возложил себе на голову венец (تاج), повидимому, выдавая себя за божество. Около него били в барабан и пели гимны. Вокруг него собралась толпа беспутных людей (اوباش), избравших его своим вождем. В конце концов мухтасибы разогнали толпу, с самого виновника сорвали пышные одежды и избили его палками.

Следующим выступает соловей — بلبل (гл. 27—29). Он ссылается на любовь к розе, из-за которой он не решается покинуть родину. Удод указывает на то, что роза недолговечна и что, следовательно, его любовь не может быть названа истинной любовью. Подтверждается это рассказом (гл. 29) о дервише, который был влюблен в молодого шаха. Дервиш в своей любви дошел до того, что предпочитал гореть в огне, но не сгорать от разлуки. Шах приказал привести его к себе и тут же велел бросить его в пылающий костер. Дервиш в отчаянии заметался, пытаясь спастись бегством, и стало ясно, что любовь его неискренна. Этот рассказ имеется у 'Аттāра, но появляется в его поэме значительно позднее в. 1924, когда удод объясняет что такое непостоянство.

Следует объяснение с горлицей — قمری (гл. 30—32), которая ссылается на свою слабость и привычку к жизни в садах. Удод отвечает, что и сады таят в себе много опасностей, и сообщает рассказ (гл. 32) о садовнике, который не умел вести работу в саду. Ему много раз советовали бросить это занятие и перейти к какому-нибудь делу, с которым он умел бы справиться. Он не хотел покинуть это занятие и в конце концов погиб от укуса ядовитой змеи в саду.¹

За горлицей идет голубь — کبوتر (гл. 33—35). Он говорит, что ему досталось в удел жить с людьми, которые о нем пекутся. Против воли Аллаха он итти не может. Удод упрекает его за то что он проданся людям, забыл стыд и не может жить без подачек. Он рассказывает анекдот (гл. 35) об одном бесстыдном человеке, который побирался в людях. Он позволял

¹ Этот рассказик можно было бы считать непосредственным созданием Невāи. Легендарного элемента здесь нет — это случай, о котором Невāи, может быть, пришлось слышать или который он наблюдал в своих собственных парках около Герата.

бить себя и за это получал плату едой. Однажды он получил такую затрещину, что встать ему уже более не пришлось.

На смену голубю идет куропатка — كَبْك (гл. 36—38). Она — отшельник в горах, ей неуместно путешествовать, ибо она стережет сокрытые в горах сокровища. Удод возражает ей и указывает, что ее отшельничество — не уединение, а самоуслаждение, она является поддельным отшельником подобно тому человеку (гл. 38), который выдавал себя за ювелира и цветные стекла продавал как драгоценные рубины. Как то раз он продал такое стекло одному богачу. Тот через несколько дней разобрал в чем дело, вернул стекло продавцу и потребовал возвращения денег. Но обманщик уже успел истратить их. Платить было нечем и он был казнен за свое преступление.¹

Следует фазан — تَذْرُو (гл. 39—41), ему бог дал красоту, но не дал сил переносить тяготы странствия. Удод говорит, что истинный муж похвалиться красотой не должен, заслуги его в делах, а не в физических свойствах. Иллюстрацией служит рассказ (гл. 41) о двух товарищах по имени Муқбиль и Мудбир, которые совместно пустились в странствие. По дороге один вел речи о святых мужах, другой о радостях жизни. Дойдя до города, они расстались, один пошел к дервишам, другой в بيت اللطف.² Одного шах осыпал милостями, другой в кабаке напился, в опьянении убил человека, который посмел назвать его „некрасивым“ и за это был казнен.

Следующим выступает ястреб — قَارِچِغای (гл. 42—44). Он глава всех птиц, они служат ему пищей. Он сидит на царской руке и симург ему не нужен. В ответ на это удод упрекает его в глупости. То, что он считает почетом, на деле только неволя. Он напрасно опьяняет себя представлением о власти, он только исполнитель чужой воли. В доказательство удод сообщает рассказ (гл. 44) о медведе, которого удалось поймать одному горцу. Хозяин каждый день нещадно бил его палкой, в конце концов приручил и заставил таскать тяжелые камни. Медведь возгор-

¹ Опять-таки, несомненно, случай из практики Нев'ан. Весьма интересная бытовая деталь.

² Интересный термин, которого мне у других авторов встречать не приходилось (есть у Абд-ар-Резака Самарканди, ср. В. Бартольд, Истор.-географ. обзор Ирана, Спб. 1903, стр. 106. Ред.).

дился и начал считать себя сильнее всех зверей, а вместе с тем его кормили из одной чашки с собаками.

Появляется сокол — شونقار (гл. 45—47). У него венец на голове, он сам — царь и ему другого царя не нужно. Удод возражает и говорит, что не всякий, кто считает себя царем, действительно является таковым. Он подобен шахматному королю, ибо всякий, кто захочет, может сбросить его с доски. Это напоминает ему такой случай (гл. 47). Некий царь праздновал какое-то радостное событие и по всей стране было веселье. Всюду развлекались, шутили и вот некий гуляка (qaltabān) назвал себя „Шахом цыновки“ (šāh-i būriyā). Вся его одежда была из тростника, у него был колчан, щит и знамя. Он восседал на площади с компанией весельчаков и пародировал обычаи царского двора. Но кончился праздник и пришел конец его веселой жизни. С него сорвали венец, отняли царский зонт и сожгли. Тогда стало видно, царь он, или нет.

На смену соколу идет беркут — بركوت (гл. 48—50). Он совсем особая птица, для его пропитания нужно целого кулана. В пустыне он может погибнуть от голода. Удод указывает ему, что доблесть не в грубой физической силе, а в готовности жертвовать собой, и поясняет это таким рассказом (гл. 50). Был некий борец (pahlavān) — глупый, но искусный в своем деле. Он был крайне силен и на один завтрак съедал 10 батманов пищи. Как то раз в его стране разразилось великое бедствие и всему народу пришлось переселяться. Они ушли с голыми руками, ничего не взяв из дому, шли через пустыню и целых три дня нигде не могли достать пищи. Старухи и дети выдержали это испытание и благополучно достигли цели, а прожорливый пахлаван на третьи сутки умер от голода.¹

Следом за ним выступает филин — کوف (гл. 51—53). Он слабым телом, всю жизнь провел в развалинах, носит траур и ищет посреди руин клада. Покинуть разрушенные дома он не может. Удод говорит ему, что клад — пустая, несбыточная мечта. Если бы даже он и нашел клад, то кроме беды эта находка ничего не принесет. Один безумец (гл. 53) годами рылся в развалинах и, наконец, действительно нашел клад. От крайнего восторга он

¹ Эта же тема трактована в несколько иной плоскости в „Гулистане“ Са’ди, гл. 3. Каир, 1261, стр. 73. В моем переводе, Берлин, 1922, стр. 55.

безумствовал над ним, плясал и кричал. Проходил мимо какой-то негодяй, увидел это и, убив кладоискателя, завладел его добычей. Так за клад он отдал свою жизнь.

Хума — هما (гл. 54—56) заявляет, что ее тень нищего делает царем, она так величава, что другого царя ей искать не надо. Удод сурово называет ее притязания бредом и просит указать, где в истории приведен хотя бы один такой случай. Но если бы даже это было и так, то ей от этого пользы нет, ибо она все равно питается иссохшими костями. Он сообщает (гл. 56), что на берегу Персидского залива пловцам дают по 15 дирхемов и они ныряют за жемчугом, но жемчуг, который они с такой опасностью для жизни добывают, принадлежит не им, а купцу, оплатившему их труд. Пловец вместо несметных богатств, которые выручит купец, получит только медяки, как пес, которому бросают объедки.¹

Далее идет утка — اوردیک (гл. 57—59), которая без воды не может жить. От воды она всегда чиста и безгрешна. Удод спрашивает ее, зачем она все время моется, если считает себя такой чистой. Она умеет плавать, пусть она рискнет нырнуть в море *фанā*. Он рассказывает об одном индийском купце (гл. 59), который всю жизнь плавал по морям в погоне за прибылью. Часто он бывал около Мекки, но туда не заезжал, ибо боялся потратить даром время, ничего не заработав. В конце концов он погиб в море во время шторма вместе со всем своим богатством. Этот рассказ особенно ясно показывает разницу миросозерцания Нев'аи и 'Атт'ара. У Нев'аи здесь нет никакой мистики, он только порицает человека, ради мирских благ пренебрегающего религиозной обязанностью. У 'Атт'ара упоминание воды сразу же вызывает мистические ассоциации, ибо беседа с уткой (v. 823) поясняется таким рассказиком: одного дервиша спросили, что такое мир. Он ответил: лишь капля воды, а все то, что является водой — бrenно и недолговечно. Другими словами стремление к конкретизации материала, уже отмеченное нами выше, продолжает проявляться у Нев'аи и далее.

¹ Этот рассказик заслуживает особого внимания. Он свидетельствует о том, что Нев'аи были известны тяжкие условия труда искателей жемчуга и что он относился к этому весьма отрицательно.

После утки выступает петух — تاق (гл. 60—61). По его мнению у каждого есть свои обязанности. Удод — водитель, но зато петух — обладатель сладкого голоса, обязанный призывать мусульман на молитву. Поэтому от него нельзя требовать отправления в длинные странствия. Удод возражает: в разлуке с симургом жизни нет. Ты ставишь себя в пример другим, а на деле ты только жалкий развратник. Тебя надо называть не петухом, а курицей.

К этой беседе иллюстрации нет. На этом отдельные выступления заканчиваются и начинается следующая часть — беседа птиц с удодами о пути и препятствиях, встающих на нем. Прежде чем перейти к характеристике этого отдела, посмотрим, какие птицы выступают в рассмотренной нами части у 'Аттāра. В его поэме они идут в следующем порядке: 1) بلبل (v. 725), 2) طوطی (v. 778), 3) طاوس (v. 795), 4) بط (v. 823), 5) کبک (v. 846), 6) همای (v. 887), 7) باز (v. 915), 8) بوقیمار (v. 950), 9) کوف (v. 979) и 10) صغوه (v. 1001). Другими словами списки эти совпадают только отчасти. Из десяти птиц 'Аттāра Невāи сохранил лишь *восемь*, а двух — цаплю и воробья опустил. Зато у него добавлены: горлица, голубь, фазан, ястреб, беркут и петух. Из добавленных им горлица, голубь, фазан и петух могут быть признаны отражением литературной традиции, ибо эти птицы вообще часто упоминаются в персидской поэзии. Ястреб и беркут — пополнение, произведенное Невāи за свой собственный счет, ибо эти символы традицией не разработаны и аналогий для них мне не известно.¹ Таким образом мы видим, что и в этой части Невāи придерживается только основной линии фабулы, пользуясь, в значительной степени, материалом, у 'Аттāра не имеющимся.

10. Выступления отдельных птиц кончились. Вся стая в отчаянии и просит удода объяснить им, каково их отношение к симургу (гл. 62). Удод дает им ответ на волнующий их вопрос (гл. 63). 'Аттār в этой главе излагает основное учение суфиев своей эпохи: птицы — тень симурга, упавшая на мир, здесь, в мире, они только тень, там, у симурга, имеют реальное бытие в нем самом. Кто постиг это, тот утонул (mustaghraq) в истине,

¹ Более того, даже собственных слов для обозначения этих птиц в персидском языке нет и, обыкновенно, среди охотников птицы эти называются их турецкими именами.

но, тем не менее, истиной он не стал; воплощения (ḥulūl) тут нет, ибо собственное естество в этот миг угасло.¹

Нев'аи дает приблизительно то же, но излагает свои мысли в несколько иной форме; только одна строка может считаться очень близким воспроизведением персидского оригинала:

Н.

'А.

صورت مرغان عالم سر بسر بارچا عالم قوشلاری نینک صورتی
سایه اوست این بدان ای بیخبر بیلکیل آنینک سایه سی پر حکمتی
(v. 1056)

„Форма всех птиц мира, знай, „Форма птиц мира от края
полная его мудрости тень его!“ до края — его тень, знай это,
неведающий!“

Все остальное изложение у него покоится на известном хадисе كنت كنزا и составляет его естественное развитие:

کنجی ایردی لیک مخفی ذات آنکا یاشورون حسن ایردی کون مرآت آنکا
اوز ظهورین چون تمنا ایلادی چیقتی آندیسن اول نیلی ایلادی
بو تسجلی سی آرا خورشید وار یوز تمن مینک سایه سالدی آشкар

„Он был сокровищем, но субстанция его сокрыта, краса его была тайной — мир для нее зеркало. Когда он пожелал свое проявление, эманация вышла из субстанции и засверкала. Среди этой эманации на подобие солнца он сделал очевидными сотни миллионов теней“.

Интересно отметить, что Нев'аи здесь пользуется теорией эманаций, употребляя соответствующий термин تجلی², который в данном месте у 'Атт'ара не применен. Отсюда можно заключить, что Нев'аи помимо „Мантік ат-тайр“ изучал и теоретические труды по суфизму.

Гл. 64 излагает притчу в пояснение предшествующей главы. Это рассказ о царе, отличавшемся такой красотой, что всякий,

¹ Оговорка, необходимая для предотвращения обвинения в ḥulūl и повторения процесса Ḥallāджа.

² Самый термин, ведет свое происхождение из Корана, 7,139 — فَاَمَّا تَجَلَّى و النهار اذا تجلَّى 2, 92 و رَبِّهِ لِلْجَبَلِ. К истории его см. L. Massignon, Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane, Paris, 1922, p. 12.

кто видел его лицо, умирал. Но вся страна знала о его красоте, томилась по нем и жаждала его видеть. Тогда он велел выстроить замок с огромным зеркалом. С вышины башни он смотрелся в это зеркало, а люди, окружавшие замок, могли безнаказанно наслаждаться лицемерием его красоты в зеркале. Рассказ этот довольно точно передает соответствующую главу 'Аттāра (v. 1070—1102) с той лишь разницей, что у Невāи в конце следует своего рода краткий комментарий к этой символической притче:

قصر تن آندا كونكولنی كوزكو بیل كوزكودا شه حسنی نی نظاره قیل
بیرماین بو كوزكوكا اول جلا عكسین آندا سالماغای اول پادشا

„Зáмок тела, знай, что сердце в нем — зеркало, созерцай красу шаха в зеркале. Если это зеркало не отполировать сначала, тот царь не бросит в него своего отражения!“

Гл. 65 передает анекдот об Александре Македонском в соответствии с аналогичным рассказам 'Аттāра (v. 1103—1109). Третья иллюстрация 'Аттāра — рассказ о Махмūде Газневиде и его паже Аязе (v. 1110 sq.) — у Невāи опущен.

Выяснив свое отношение к симургу, птицы задают вопрос, каким образом его можно достигнуть, какой путь к нему ведет. Эта глава (гл. 66) Невāи соответствует 14 отделу поэмы 'Аттāра: سوال کردن مرغان از هدهد در راه رفتن (v. 1133 sq.). Удод поясняет, что на этом пути нужно прежде всего отречься от всех личных побуждений, отказаться от индивидуальной жизни и покорно выполнять все, что бы от тебя ни потребовали. Как иллюстрация к этому правилу излагается большой рассказ о шейхе Сан'āне и красавице-христианке (гл. 67). Рассказ этот у 'Аттāра занимает центральное место, это несомненно самая блестящая и прекрасная часть всего произведения. Рассказ этот хотя и связан непосредственно со всем ходом действия, но тем не менее представляет собой совершенно независимую отдельную повесть. Повидимому, на Востоке это уже давно ощущали, ибо очень часто حکایت شیخ صنعان переписывалась в сборниках отдельно от всей поэмы. Повесть о Сан'āне имеет огромное значение и помимо своей прекрасной художественной формы. Это сжатое изложение основной идеи суфизма — растворения индивидуального „я“ в „Я“ космическом. Поэтому, конечно, не приходится удивляться, что эта часть у Невāи сохранена полностью, с весьма

незначительными изменениями. Здесь Невāi, пожалуй, подошел ближе всего к своему основному заданию — дать перевод персидской поэмы, ибо временами он интерпретирует 'Aṭṭāra строка за строкой, почти буквально сохраняя его обороты речи. Однако и здесь, все-таки, перевода в тесном смысле этого слова нет. Невāi вводит целый ряд деталей, отсутствующих в подлиннике. Он дает описание монастыря (dair), которого у 'Aṭṭāra нет, и крайне ярко описывает торжественный обряд отречения шейха от ислама:

کوب تکلف بیولا تزیین قیلدیلار
زینت و زیب آندا بی حد و قیاس
شیخ آنی کورکاچ دولوب هر دم هلاک
قیلغانی ایمانی رخسارین قارا
خواه اقامت خیلی خواه سیر ایلی
نقل کوب کوب داعی ظاهر قیلدیلار
شیخ دینی ماتمیغا تارتیپ اون
کیم بو نوع اولمای دور ایردی هرکز ایش
مصحف ایستاب مرشد آگاه دین
قویتی یوز افسون ایلا اول دلفریب
کیلدی شیخ آلدیغه یوز اعزازیلا
کیم کوروب شیخ ایتی ترک عقل وهوش¹

دیر ایچین فردوس آیین قیلدیلار
توردا تختی قوردی لار کردون اساس
شوخ ترسا چیقتی آندا ذوق ناک
شیخ نی کیلتوردیلار مجمع آرا
بیر بیر اوزرا اوکولدی دیر ایلی
باه کوب کوب آندا حاضر قیلدیلار
صوت ناقوس و صدای ارغنون
بولدی ساکن هر طرفدین بیرکشیش
شعله کیلتوردی لار آتشگاه دین
چون مییا اولدی زئار و صلیب
تختی دین توشتی تومان مینک نازیلا
اولتوروب بیر کبرکی جام ایتی نوش

„Внутренность монастыря уподобили раю, с большим старанием разукрасили. В портике поставили трон, покоящийся на небосводе, украшения и убранство на нем без предела и вне сравнения. Кокетливая христианка появилась на нем, полная неги, шейх, увидев ее, погибал каждый миг. Шейха привели на собрание, для того чтобы он очернил лицо веры. Толпились друг возле друга обитатели монастыря, как постоянные жители, так и проезжие. Приготовили там в обилии вина, доставили также множество закусок. Звук била и напев органа возвысили голос для оплакивания веры шейха. Со всех сторон стояло по священнику, ибо такого рода дела никогда не бывало. Принесли огня из ātешīyах и потребовали свиток (Корана) от знающего руководителя, (чтобы сжечь его). Когда были приго-

¹ a — f. 272 v; b — f. 33 v; c — f. 14. Я даю текст по a,

товлены пояс и крест, с сотнями чар бросилась та обманывающая сердце, спустилась с трона с миллионом кокетливых движений, подошла к шейху с сотней выражений почета, остановившись, выпила гебрскую чашу вина, так что, увидев (это), шейх отказался от ума и рассудка⁴.

Однако едва ли можно предполагать, что Невāи был более близко знаком с христианскими обрядами, нежели 'Аттār. Нарисованная им картина, хотя и очень ярка, но вся целиком покоится на традиционном представлении мусульманской литературы о христианском монастыре. Здесь мы находим обычное смешение терминов христианских и зороастрийских, как „āteš-gāh“, „гебрская“ чаша и т. п.¹ К реализму в нашем смысле слова Невāи, конечно, не стремится. Оставаясь в рамках литературной традиции, он конкретизирует свою тему, уплотняет воздушные невесомые образы 'Аттāра путем введения деталей, обогащения обстановочной стороны повести.

11. Рассказ удода придал птицам новую решимость. Они собираются в дальнейший путь. Но для их стаи нужен водитель, без которого трудно пройти эту длинную дорогу в полном порядке. Они бросают жребий и эта почетная должность достается удоду. Невāи в этой части (гл. 68) тоже вводит некоторое довольно логичное дополнение. Птицы уже убедились в знаниях и способностях удода и потому они обращаются к нему с предложением быть в дальнейшем их вождем. Но удод отклоняет это предложение — он хочет „божьего суда“ и боится взять на себя такую трудную обязанность без указания свыше. Тогда бросают жребий, который выпадает на его имя. Начинается самая трудная часть странствия, перед птицами открывается пустыня, в которой абсолютно ничего нет (гл. 69). Это повергает их в такой ужас, что одна из птиц задает удоду вопрос о причине такой пустынности. Удоод отвечает, что пустыня — преддверие к дворцу великого царя, его величие окружило дворец заповедной полосой. В пояснение своих слов он рассказывает красивую легенду о Бāязйде Бистāми (гл. 70) и его ночном блуждании по пустыне. Здесь Невāи в точности воспроизводит персидский оригинал, почти от него не отступая, что, впрочем,

¹ В том же рассказе Невāи дает дальнейшее добавление к версии 'Аттāра и сообщает, что шейх днем пас свиней, а по ночам следил за огнем в „āteš-gāh“.

и не удивительно, ибо трудно было бы найти более подходящую притчу для иллюстрации этого момента развития темы.

Птицы подавлены величием той цели, к которой они стремятся, и предлагают удоу, прежде чем идти дальше, снабдить их необходимыми для пути указаниями (гл. 71). Они решают сделать это в такой форме: удод поднимется на мимбар, возложив на голову венец, и всякий, у кого есть какие-либо вопросы, будет обращаться к нему за разрешением своих сомнений. Таким образом, эта часть составляет параллель к предшествовавшему ряду отговорок. В соответствии с этим Невāi излагает ее в той же форме: опять главы группируются по три — вопрос птицы, ответ удода и рассказ в пояснение высказанного положения. 'Aṭṭār строит эту часть несколько более свободно, не так схематично, у него количество рассказов, сопровождающих ответ, варьирует: почти нигде нет менее двух рассказов, а иногда число их доходит даже до семи. Здесь опять-таки вопрос и ответ у Невāi и 'Aṭṭāra все время совпадают, причем иногда Невāi приближается к 'Aṭṭāru до почти точного перевода. Рассказы большей частью заменены другими и характер их значительно изменился: если в первой части темы их были большей частью взяты из жизни, то здесь мы имеем обыкновенно легенды, взятые из биографий знаменитых шейхов. Это опять показывает, насколько логично Невāi распределял свой материал: в первой части, когда перед нами проходил ряд портретов мирских людей, почему-либо страшившихся вступить на путь суфизма, иллюстрации были почерпнуты из круга повседневной жизни, были даны картинки жизни человека, протекающей в сфере обычных его занятий; здесь речь идет о людях, уже вступивших на путь, и поэтому и доказательства должны быть заимствованы из суфийских хадисов, поясняющих способы, давшие тому или иному „вели“ возможность достигнуть конечной цели.

Первый вопрос, заданный удоу (гл. 72—74) — в чем его преимущество перед другими птицами и почему он удостоился такого почета. Ответ гласит: на него упал взор Сулеймана и тем самым он сразу же достиг высшей степени. В пояснение излагается рассказ о шейхе Наджмаддине Кубрā (гл. 74). Однажды взор его упал на собаку и она сразу же удостоилась степени святости. Рассказа этого у 'Aṭṭāra нет. Невāi в дан-

ном месте по всей вероятности использовал биографию Наджмаддина по „Нафахāt ал-унс“ Джāми, где эта легенда изложена почти в тех же выражениях.¹

Второй вопрос (гл. 75—77) — как быть, когда тело слабо и не может выдержать тяжелых испытаний пути. В ответ Удод говорит о нечистоте этого мира — смерть и удаление из него лучше, чем жизнь в нем. В виде примера он рассказывает легенду (гл. 77) о том, как шейх Абӯ-Са'ид Мейхенский по ночам умерщвлял свою плоть и читал Коран, свешиваясь вниз головой в колодезь. Этот рассказ Невāи, повидимому, почерпнул из „Тазкират ал-аулиā“ 'Аттāра.²

Третий вопрос (гл. 78—80), как быть существу, полному грехов, не являются ли они на пути препятствием. Удод в ответ указывает на искупающую силу *tawba* (покаяния) и приводит в пример Адама (гл. 80), который, несмотря на свой великий грех, все же не лишился сана пророка и удостоился обращения к нему Аллаха только в силу искреннего своего раскаяния.³

Четвертый вопрос (гл. 81—83) — как бороться с непостоянством, которое заставляет спрашивающего постоянно менять свои привязанности. Удод отвечает, что это качество свойственно всем тварям, путь именно в том и состоит, чтобы преодолеть свои дурные качества. В доказательство он сообщает легенду о шейхе Абӯ-Турāбе Нахшаби (гл. 83). У него был мурид, крайне заботившийся о своей наружности. Шейх послал его на бойню и заставил таскать на голове корзину со свежими потрохами. Одежда мурида покрылась грязью и кровью и, в конце концов, он понял, что наружная чистота не самое важное на пути.⁴

Пятый вопрос (гл. 84—86) — что делать, если душа непокорна и не подчиняется велениям разума. Удод указывает на

¹ Cp. *Nafahāt* (ed. Lees) p. 481.

² Cp. *Faridu'd-dīn 'Aṭṭār's Tadhkiratu 'l-awliyā*, edited by R. A. Nicholson, London, 1907. II, 325, 21 sq. (Этот рассказ заимствован 'Аттāром из биографии Абу-Са'ида, ср. В. Жуковский, Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу-Са'ида, Спб. 1899, стр. 32 и сл. *Ред.*).

³ Тема, весьма часто разрабатываемая у мусульманских авторов в связи с Кораном, 2, 35.

⁴ Источник этого рассказа мне установить не удалось. Он вполне гармонирует с тем, что нам сообщают об Абӯ-Турāбе 'Аттār и Джāми, но ни у того ни у другого этого предания не имеется.

необходимость бороться с душевными влечениями и приводит рассказ о царе и дервише (гл. 86), который доказал царю, что тот подобно ослу ходит на поводу у своей души. Рассказ этот взят Нев'аи у 'Атт'ара (v. 1973 sq.) и поэтому я на нем не останавливаюсь.

Шестой вопрос (гл. 87—89) — Ибл'ис преградил вопрошающему путь и он не знает, как справиться с этим врагом. Удод говорит, что Ибл'ис имеет власть только до тех пор, пока она удовлетворяет желания своей души, от каждого удовлетворенного желания в ней рождается сотня Ибл'исов. Это поясняется рассказом о шейхе Аб'у-л-Хасане Харақ'ани (гл. 89). К нему пришел мурид и жаловался на козни Ибл'иса. Харақ'ани ответил, что до него к нему приходил сам Ибл'ис и сетовал на этого мурида, жалуясь, что он в своей жадности к миру не оставил в нем ничего для его законного владельца, т.-е. Ибл'иса. Этот рассказ Нев'аи воспроизводит соответствующее место 'Атт'ара (v. 2007 sq.) с той лишь разницей, что у персидского поэта не названо имя шейха. Такой легенды о Харақ'ани мне у других авторов неизвестно, возможно, что в данном случае Нев'аи просто вставил в рассказ 'Атт'ара имя знаменитого шейха.¹

Седьмой вопрос (гл. 90—92) — как быть с любовью к золоту и богатству. Удод в ответ упрекает задавшую ему вопрос птицу в том, что она ослепилась внешней формой и забыла о внутреннем смысле. Он рассказывает притчу (гл. 92) об одном глупце в Багдаде, который накопил денег и всегда носил их при себе, привязанными в мешке на шее. Как то раз он мылся в реке, нагнулся к воде, тяжелый груз перетянул его и, упав в воду, он утонул. Аналогичного рассказа мы у 'Атт'ара не находим.

Восьмой вопрос (гл. 93—95) — спрашивающая живет в месте похожем на рай и ей не хочется с ним расставаться. Удод на-

¹ Интересно отметить строку: کيلدی خرقانی قاشیغه بیر مرید

Размер позволяет читать только Харақ'ани. То же самое находим и у 'Атт'ара: شیخ خرقانی به نیشاپور شد.

Вместе с тем ас-Сам'ани в Kitāb al-ansāb (Reprod. facs. Margoliouth, Gibb Memorial Series v. XX, f. 194 v.) совершенно определенно говорит: الخرقانی بفتح الخاء والراء والقاف المفتوحات وفي آخرها النون. Повидимому, в данном случае мы имеем дело с невольным искажением этой нисбы в виду невозможности применить ее в правильной форме при данном метре.

зывает всю красоту внешнего мира обманом; при ближайшем рассмотрении пышный замок превращается в грязную топку *хаммама*. В доказательство он приводит такой рассказ (гл. 95), который в виду исключительно художественной формы его я сообщаю здесь целиком:

بیر قلندر بار ایدی مبهوت رنگ
ترک اهلی دیک نموداری آنینک
چون غذا ییب اوزنی ایلا ایردی لال
توشتی کوپراک بیر کون اول نافع غذا
تکيه سالدی بیر بوزوغ دیوارغا
کوردی اوزنی بیر نزه کلشندا شاد
مسکنی قصری بناسی بس قوی
اوزی بیر تخت اوستیدا جشیدوش
عیش ایتیپ اول خسرو عالیمقام
بو خیالات ایچرا اول کاشاندهدا
کیم بوزغ نینک کوشه سیدین بیر چیان
چیقتی اول ویران طوافین میل ایتیپ
نوش لب دین کام آلودا هرزه کیش
قیچقرب قویستی قلندر بیقرار
نی کل و کلشن ایدی نی قصر و تخت
اول خیالاتی تاپیب باری خلل
بیلدی هر نی قیلغانی ایر میش خطا
سنا هم مطلق همان دیک کیلدی حال
چون اجل نیشین یبان سینکانکاسین
هر نیچه قیلسانک فغان و زارلیغ
انکلاغونک کیم کیم دین اول میش سین یراق

صبح و شام آنینک غذا سی ایردی بنک
جرعه داندان لیک اسراری آنینک
عیش آنکا قیلماق محالات خیال
منتفعی چیکتی بیر ویران آرا
سایرا ولدی عالم اسرارغا
تیکراسیدا جمع اسباب مراد
ذیلی آنینک کارگاه مانوی
یانیدا کلچهره خورشید وش
تاپیب اول کلچهره دین هر لحظه کام
یاتمیش ایردی کوشه ویراندهدا
نیشی نوکیدا اجل زهری عیان
سافچار ایردی نیش هر یان کیم بیتیب
اول چیان دین ایرنیکا سانجیلدی نیش
ظاهر ایلاب اضطراب و اضطراب
نی یانیدا مهبوش فیروزه نخت
ییب و لیکین ایرنیکا نیش اجل
قیلمادی سودی پشیمانلیغ آنکا
یول دماغینکغا تاپیب فاسد خیال
غفلتنک اویقوسیدین اویغانغاسین
قیلغوسی یوق بیر سر موئی آسیغ
قالغوسی جانینک آرا داغ فراق¹

„Был один каландар, ложно выдававший себя за дервиша, утром и вечером пищей для него был *бенг*. Его внешний облик был подобен (облику) людей отречения, но тайны его скрывались в ларце с бенгом. Когда он съедал бенг и делал себя таким образом немым, его услугой было строить пустые мечты. Как то раз попало ему побольше той „полезной пищи“ и

¹ a — f. 277; b — f. 48; c — f. 19 v.

среди одной развалины он тянул „душеполезное“.¹ Прислонился к разрушенной стене, пустился странствовать в мир тайн. Увидел он себя в веселом парке, вокруг него собрано все, чего может желать душа. Жилище его — замок с очень прочной основой, фронтон его — мастерская Мани. Сам он на троне подобно Джемшйду, рядом с ним розоволикая солнцеподобная (красавица). Веселился этот величавый царь и каждый миг удовлетворяла его желанья розоволикая. В этих фантазиях он лежал в том убежище, в углу развалины, как вдруг из угла развалины вышел скорпион, в острии жала которого был воочию яд смертного часа. Намереваясь совершить обход развалины, он вышел и вонзал свое жало во все, что ему попадалось на пути. В то время как этот легкомысленный удовлетворял свои желанья со сладкоустой красавицей, в губу его вонзилось жало того скорпиона. Вскрикнув, вскочил беспокойно каландар, проявил волнение и смятение. Ни роз не было, ни цветника, ни замка, ни трона, ни счастливой луноподобной рядом с ним. Все эти мечты сразу разлетелись в прах, он добился.... но только укола жала смерти в свою губу. Понял он, что все его дела были ошибкой, но раскаяние пользы ему не принесло. Твое положение совершенно подобно этому, пустые мечты нашли дорогу в твой мозг. Когда, наколовшись на жало смертного часа, ты застенаешь,² ты проснешься от сна небрежения. Сколько ты ни будешь стонать и рыдать, это не принесет тебе пользы ни на волос. Ты поймешь, от кого ты удалился, и это положит на твою душу клеймо разлуки“.

Основная мысль этого рассказика не нова, она не раз была использована персидскими поэтами.³ Характерное отличие раз-

¹ Интересно отметить применение термина منتفع к бенгу. И доныне в Персии это снадобье не принято называть по имени, вместо которого пользуются различными почтительными прозвищами, вроде آقای سید или طوطی اسرار или просто اسرار. См. E. G. Browne, A year amongst the Persians. London, 1893, p. 521 п. 1.

² Это место мне не совсем ясно. Глагола سینگانهاк в словарях нет, при производстве этой формы от سینگهاк не подучается желательного смысла. Допускаю возможность, что в рукописи описка из سینگرانکاسین.

³ Ср. сцену пробуждения истопника в хаммаме у Джаладдинна Руми, в касиде, начинающейся словами:

ندا رسید بجائنها ز خسرو منصور * نظر بخلقه جانها چه میکنند از دور
(Kulliyat-i Sams-i Tabriz, Lucknow, 1885, p. 388).

работки ее у Невāи — живость, непосредственность и какой-то особенно мягкий и теплый юмор. Сцена эта до известной степени напоминает манеру Са'ди. Здесь тот же огромный житейский опыт и вытекающая из него примиренность с жизнью. Невāи будто бы осуждает глупца-дервиша, но вместе с тем все время чувствуется снисхождение к его слабости, желание простить это заблуждение, за которое он все равно рано или поздно должен понести кару.

Девятый вопрос (гл. 96—98) — любовь сковала эту птицу и она не может расстаться с возлюбленным другом. Опять удад разъясняет, что эта любовь обращена только на внешнюю форму, что истинной любви в этом мире обмана быть не может. Подтверждается это крайне любопытным рассказом (гл. 98), источник которого мне установить не удалось. У Аристотеля был мурид, которого он хотел сделать сотоварищем Александра Македонского. Однако юноша влюбился в прекрасную девушку и во что бы то ни стало хотел на ней жениться. Тогда Аристотель прибег к крайнему средству — он дал ей яд, а потом взялся вылечить ее от болезни. Юноша пошел провести вечер с Александром, а Аристотель в это время заставил больную принять сильное слабительное и велел слугам тщательно сохранить все, что из нее выйдет. Юноша вернулся и увидел, что его возлюбленная утратила всю красоту и стала безобразной, было трудно поверить, что это действительно она. Тогда Аристотель велел принести сосуд с вышедшими из нее нечистотами и сказал ученику — вот, что делало ее красавицей, вот то, что ты в ней любил.

Завязка рассказа до известной степени напоминает первый рассказ „Месневи“ Джалāладдина Рӯми,¹ но разработана тема совершенно иначе.

Десятый вопрос (гл. 99—101) — спрашивающая птица страшится смерти. Удад указывает на бренность жизни и на то, что смертный час предопределен и избежать его никто не может. У 'Аттāра здесь помещен известный рассказ о птице Қикнӯс,

Очень близкую по характеру сцену мы находим также и в „Семи портретах“ Низāми, при описании грез Махана. Ср. мой перевод в журнале „Восток“ № 3, Петербург, 1923, стр. 21 сл.

¹ Тегеранская литография 1307 г., стр. 2, 11 sq. Английский перевод J. W. Redhouse (Trübners Oriental Series, London, 1881), p. 4—18.

о котором нам придется говорить далее. Нев'ай сообщает легенду о Сулеймане (гл. 101). К нему приходит невидимый для глаз его свиты 'Азр'айл и сообщает, что ему приказано в ближайшем будущем отнять жизнь у стоящего возле престола вельможи. Его поражает только то, что ему велено сделать это не здесь, а в Индии. Вскоре этот вельможа обращается к Сулейману с просьбой, говорит, что его томят злые предчувствия, и просит отпустить его в путешествие. Получив разрешение, он едет в Индию и там 'Азр'айлу удастся выполнить возложенное на него поручение.

Одиннадцатый вопрос (гл. 102—104) — она всегда страдает от скорби и печали. Удод отвечает, что скорбь и радость этого мира — преходящи, на них не стоит обращать внимания. Он ссылается на пример одного богача в Египте (гл. 104), который обладал всем, что только можно пожелать, но всегда пребывал в скорби. На вопрос о причинах этого он отвечал, что мир для него без „единого друга“ — тюрьма.

Двенадцатый вопрос (гл. 105—107) — она не имеет своей воли, она всегда только повинуется приказам других. Удод одобряет это и говорит, что покорность велению — высшее совершенство. Все беды проистекают от непокорности, как мы это видим из рассказа о непослушании Иблйса, отказавшегося поклониться Адаму (гл. 107).

Тринадцатый вопрос (гл. 108—110) — каким образом на пути можно быть чистым, искренним (pākḥāz). Удод для достижения чистоты считает необходимым полное отречение от всего, чем она обладает в мире. В пример он приводит Ибрахима ибн-Адхама (гл. 110), рассказывает обычную для большинства сборников биографий суфийских шейхов легенду¹ о его отречении от престола, а затем добавляет такую характерную сценку. После бегства из Балха, Ибрахим поселился в горах около Нишапура. Там его однажды посетило несколько *кутбов* с целью подвергнуть испытанию. Его спросили, кто он. Он ответил — некто из Балха. Кутбы решили, что он еще не достаточно созрел, ибо Балх еще не вышел из его памяти.²

Четырнадцатый вопрос (гл. 111—113) — какое значение имеют по пути высокие помыслы (himmat). Удод признает вы-

¹ Ср. Tadhkirat al-awliyā 'Атт'ара (ed. Nicholson), I, 87, 3 sq.

² Этого рассказа в известных мне сборниках биографий я не нашел.

ские помыслы одним из вернейших способов как можно скорее достичь успеха и сообщает легенду из жизни известного персидского поэта шейха Ахмад-и Джам (гл. 113). Он говорил про себя, что в день Страшного Суда будет просить бога освободить всех грешников из ада, или же сделать его тело настолько огромным, чтобы кроме него ни для кого места в аду не осталось, и ввергнуть его в ад, выпустив взамен всех других. Интересно отметить выражено буддийский характер этого предания.

Пятнадцатый вопрос (гл. 114—116) — какие выгоды на пути дает справедливость (inšāf). Удод отвечает, что справедливость — залог спасения и краеугольный камень всего учения. В качестве образца справедливости он приводит известного хаджу Мухаммад Парсā. Однажды он совершал хадж со своим муридом Бӯ-Нафром. Паломники, бывшие с ним, попросили его помолиться о них всех, дабы хадж их был принят, но шейх ответил, что он предпочитает молитву своего ученика, ибо она более доходчива.

Шестнадцатый вопрос (гл. 117—119) — допустима ли дерзость по отношению к симургу. Удод говорит, что это дозволено только тем, кто посвящен в его великие тайны и является к нему близким. В подтверждение приводится следующий рассказ (гл. 119), который в виду его исключительного изящества я опять-таки сообщаю целиком.

خلق مجنون الحق آيتيب آنی آت
تون وكون بو يادىلا مغلوب ايدى
حق تيليدىن اوق بيرور ايردى جواب
اوزكا بيت الله نى ايلاب مقر
مينميش ايردى مركبى اول هم ضعيف
كوردى مجنون صعب اول يان بارماغين
ديدى اى تنكرم ايشا كدين واقف اول
اويغو غالب بولدى اول ديوانه غا
اول بوزوغدين تاشقارى قالدى ايشاك
تيزراك قيلدى ياغين غا آشكار
تيلبه باشيدىن چيقاردى اويقونى
چون ياغين توردى بيليب بارورچاغين

بار ايدى ديوانه عاليصغات
چونكه حق يادى آنكا محبوب ايدى
سوز ديسا حق غا قيلور ايردى خطاب
بىر بهار اقامى عزم ايلاب سفر
چون رياضتدين تنى ايردى نحيف
تون قارانغو ايردى و توتتى ياغين
بىر بوزوغ كوردى و ساكن بولدى اول
كيردى مركبى قويوب و برانه غا
ياتتى باش آستيغا قويوب بىر كيساك
كوزى بارغاج اويغو غا ابر بهار
توكتى ويران ايچرا هرياندىن سونى
قويپتى و اولتوردى تورغو نچه ياغين

یوق ایدی ویرانه تاشیدا ایشاک
تنگریغه قیلدی غضب بیرلا خطاب
بخشی اسرادیکنک کرم قیلدینک کرم
مرکبین وادی ساری باشقارماسا
غفلت ایچرا محض استغنا لیغینک
اسراماق دین مرکبیم عار ایلادینک
غایبین ایستارک مجنون نثرم
ایلادی عالم نی انواریدا غرق
خار و خسه هر طرف آغزین اوروب
میندی داغی یولغا توشتی اول زمان
لطفلار بیرلا نوازش باشلادی
بلکه یوز جانیم سنکا بولسون فدا
غایب ایلاب بوینیهغه ایب تاقدادینک
قهر دین قیلدیم سنکا الفت لیغ
آنی تاپشورماق کیراک ایردی منکا
تند کورکاج مینی تدبیر ایلادینک
کوز یاروقور مشعلینک نی یاقیبان
در مسکل بو لطف اظهار ایلادینک
سین هم ایرمیش سین حریف بس مدق
غایبیم نی ایلادینک حاضر منکا
قیلغانیم دین شرمسار ایتینک مینی
سین هم اوتکانی اودوت لطف ایلاعام
سین داغی آنی اونوتسانک بخشیراق
سین مینی هم قیلمه آیتیب منفعل
سین داغی کونکونک مینیدین ایلاصاف
حق نی هم مونداغ نوازشلار قیلیب
چون محبت دین ایدی مقبول ایدی
هم یثار کستاخ لیغ هم ناز آنکا
هر نی محبوب ایلاسا مرغوب دور¹

چیقتی مرکب نی قیلورغه تیز تک
قویدی یوز مجنون غه بسعد اضطراب
کیم سنکا مرکب نی تاپشوردم بوم
ایل سنینک مهمانلیغینک غایبارماسا
بولماغای ایردی بو بی پروالیغینک
تیره توندا نا پدیدار ایلادینک
کونکرایب هر یان اورار ایردی قدم
چون چاقیلدی بیر عجب رخسند بوق
مرکبین کوردی که اوتلایدور یوروب
کورکاج آنی تیلبه بولدی شادمان
تندلیغ لارنی باشیدین تاشلادی
کای مینک جسمیم آرا جانیم خدا
کرچه اول دم مرکبیم باقدادینک
منکا بوزلاندی عجب اشفته لیغ
چون ایشاک نی تاپشوروب ایردیم سنکا
اسراماق دا چونکه تقصیر ایلادینک
چاره ایلاب چاقماقینک نی چاقیبان
کوزومه آنی نمودار ایلادینک
تندلیغ دا کرچه مین ایردیم محق
کیم بو وقت دا ایلادینک ظاهر منکا
دیکانیم دین بی مدار ایتینک مینی
سین نیکیم قیلدینک اونوتدوم من تمام
سین اونوتدوم ایلابان ظاهر وفاق
مین سیننی دیب قیلماغوم دور چون خجل
مین سیننی بوقصه دین توتتوم معاف
اوزینی هر دم ستایشلار قیلیب
تیلبه رازی کرچه نا معقول ایدی
بولسه هر مجنون بو یاندلیغ راز آنک
تنگریغه چون کیم بوایل محبوب دور

„Был некий обладавший высокими свойствами *диванэ* — люди дали ему имя Меджнун ал-Хаққ. Так как он любил поминание Истины, то ночью и днем был охвачен поминанием ее.

¹ a — f. 279 v; b — f. 56 v; c — f. 22 v.

Если он говорил слово, он обращался к Истине, из ее же уст он давал и ответ. Как то раз в весенний день он предпринял путешествие, назначив себе местопребывание в „доме божием“. Так как от умерщвления плоти тело его было тщедушным, он сел на верховое животное, тоже слабое. Ночь была темная и начинался дождь, увидел безумный, что ехать в ту сторону трудно. Он увидел развалину, остановился и сказал: „Боже мой, позаботься об осле!“ Вошел он в руину, оставив осла, и сон овладел тем безумным. Он лег, положив под голову кирпич, осел остался снаружи той развалины. Когда глаза его сомкнул сон, весенняя туча быстро выявила дождь, пролила в руину свою воду и из головы безумца прогнала сон. Он вскочил и сел, пока не перестал дождь (сидел), а когда дождь перестал, увидел, что время ехать. Вышел он, чтобы подогнать свое животное, но не было снаружи развалины осла. На безумца напало беспредельное волнение, он с гневом обратился к богу: „Я тебе только что поручил животное, хорошо ты уберег его, милость оказал, милость!.. Если бы люди не ездили к тебе в гости, не направляли своих животных в долины, не было бы у тебя такой беспечности, твоя полная независимость — только в небрежности. Ты заставил мое животное исчезнуть среди темной ночи, позором счел постеречь его!?“ — Ворча про себя, бродил во все стороны в поисках исчезнувшего мрачный безумец. Как вдруг сверкнула изумительно слепящая молния и утопила мир в своих блистаниях. Увидел он свое животное, что оно пасется, отойдя и со всех сторон тыча свою морду в тернии и колючки. Увидев его, безумец развеселился, сел на него и пустился в путь тот же час. Грубости он изгнал из своей головы и начал ласкаться с любезностями: „О, боже! ты — душа в моем теле, более того, пусть сто моих душ будет принесено тебе в жертву. Хотя, когда ты не посмотрел за моим животным, дал ему исчезнуть и не привязал к его шее веревки, меня заставило похолодеть изумительное смятение и от гнева я причинил тебе смущение. Когда я поручал тебе осла, мне же нужно было поручить его тебе. Ты сделал опущение в присмотре, но увидев меня гневным придумал как помочь. Найдя средство, ты выбил искру из своего кремня и зажег свою озаряющую очи свечу, ты показал его моим глазам и очень уместно оказал эту любезность. Хотя я и был прав в моей резкости, но ты все-таки оказался очень сообра-

зительным товарищем тем, что в это время показал мне его и доставил мне моего беглеца. Ты лишил меня основания в моих речах, заставил меня устыдиться моих поступков. Все, что ты сделал, я целиком забыл, ты тоже случившееся забудь, окажи общую милость. Я забыл, если ты присоединившись ко мне тоже забудешь, будет лучше. Так как я не буду тебя стыдить словами, то и ты своими речами не пристыживай меня. Я простил тебе это происшествие, ты тоже очисти свое сердце от меня.

„Каждый миг он восхвалял себя и ласкал также и Истину таким образом. Тайна безумца хотя и была неразумной, но так как она проистекла от любви, она была принята. Если бы у каждого безумца была такая тайна, ему подобала бы и дерзость и ласка. Так как эти люди любимы Истиной, то что бы ни сделал возлюбленный — все желанно“.

Семнадцатый вопрос (гл. 120—122) — как быть тому, кто от всех отделился и живет мечтой о симурге. Удод отвечает, что такая любовь только притязание, важна его любовь к ней, а не наоборот. В подтверждение приводится рассказ о шейхе Абӯ-Язйде Бистāми, взятый из соответствующего места у 'Aṭṭāra, (v. 2806 sq.).

Восемнадцатый вопрос (гл. 123—125) — она полагает, что уже достигла совершенства. Удод упрекает ее в эгоизме и самоослеплении и рассказывает легенду о шейхе Абӯ-Бекре Нйшāпӯри, почерпнутую у 'Aṭṭāra (v. 2894 sq.).

Девятнадцатый вопрос (гл. 126—128) — чем утешить себя в пути и как рассеять скорбь. Удод отвечает, что надлежит ощущать радость только при мысли о симурге, все же остальное отбросить. В доказательство он приводит изречение 'Абдал-лāха Ансāри: только то сердце можно назвать сердцем, которое наполнено богом.

Двадцатый вопрос (гл. 129—131) — о чем просить его, когда он, наконец, будет найден. Удод восклицает, что ничего кроме него самого просить нельзя, ибо он — это есть уже все. Это подтверждается словами шейха Абӯ-Са'йда Харрāза, который хотя и молился вместе с другими, но желаний уже более не имел. Ибо чего мог он желать кроме бога, которого и так уже нашел!

Двадцать первый вопрос (гл. 132—134) — какой подарок нести этому шаху. Удод советует нести то, чего там нет, а там

есть все, кроме скорби и сердечных мук. Пояснением к этому служит большой очень своеобразный рассказ, которого у 'Аттāра нет. Некий могучий царь имел сына, которого он заключил в замок, чтобы краса его не погубила всего мира. Отец умер и сын занял его место на престоле. Как то раз он играл на площади в чоуган. Народ, обезумев от его изумительной красоты, идет за ним следом и день и ночь стоит толпой вокруг его сада. Так как толпа не желает расходиться, молодой шах предлагает, чтобы всякий изготовил какую-нибудь вещь, которую умеет делать. Если вещь понравится, он подарит мастеру свою дружбу, если нет, предаст его пытке и велит отрубить голову. Вслед за тем шах переодевается и начинает неузнанным бродить по городу и подсматривать, кто что делает. Все изготовляют различные предметы, которыми он уже обладает. Наконец, он находит одного чужестранца, стенающего и проливающего слезы. У него ничего нет, он ничего не умеет и может подарить шаху только свои тяжкие вздохи и горестные стоны. Растроганный шах входит к нему в хижину, осыпает ласками и повергает в высшую радость.

Всякий, кто знаком с персидской литературой, сразу же заметит, что рассказ этот сплетен из множества разных мотивов, разбросанных по отдельным произведениям персидских авторов. Тут и прекрасный шахзаде и игра в чоуган, и ночныехождения шаха, но все это в таком сочетании дает весьма оригинальную и эффектную картинку, которая представляет собой одну из наиболее изящных страниц поэмы.

12. С двадцать вторым вопросом (гл. 135—137) — какова дорога к симургу и как ее пройти,¹ мы переходим к следующей части поэмы, знаменитому описанию „семи долин“ (*haft wādī*), т.-е., семи главных этапов на пути мистического совершенствования. Часть эта построена по той же схеме с той только разницей, что здесь уже нет вопросов и каждой долине посвящено только по два отрывка: 1) название и характеристика ее и 2) пояснительный рассказик. Здесь опять таки Невāи сохраняет прежний принцип — описание долины дается в выражениях очень близких к персидскому оригиналу, рассказ же от 'Аттāра не зависит, и строится из собственного материала. Эта часть может

¹ 'Атт. v. 3202 sq.

считаться самой трудной, ибо дать исчерпывающую характеристику весьма сложных психических явлений в *одном* небольшом рассказике, конечно, несравненно труднее, чем в пяти, шести или даже семи рассказах как у 'Аттара.

Первым этапом на пути является долина искания (talab),¹ описание которой у обоих авторов почти буквально совпадает как, например, первая строка:

Н.

'А.

چون فرود آئی بوادی طلب چون طلب وادی سیغہ قویسانک قدم
پیش آید هر زمانی صد تعب النینکا هر دم کلور یوز مینک الم

„Когда ты ступишь в до- „Когда ты спустишься в до-
лину исканий, каждый миг тебе лину искания, каждый миг тебе
встретится сто тысяч горе- встретится сотня страданий“.

Для характеристики этой долины² приводится такой рассказ. У некоего царя был сын изумительной красоты, по которому томились все обитатели той страны. Как то раз на прогулке толпа взирала на него, изнывая. Он заметил двоих человек среди толпы и приказал привести их. Одного он велел заключить в тюрьму, а другому поручил кормить своих собак. Раз их спросили, довольны ли они своим положением. Оба ответили, что ни о чем лучшем они не могли и мечтать. Царевич из засады услышал этот ответ и в награду за искренность сделал обоих своими приближенными.

Вторая долина (гл. 138—9) — долина любви ('išq).³ Ее сущность поясняется следующим рассказом. Знаменитый грамматик ал-Асма'и, проходя по пути, сел отдохнуть под деревом на берегу ручья. Он увидел камень, на котором было написано: — чем помочь в любви? Вынув чернильницу, он тут же написал ответ: „В этом водовороте страсти стремись к чистоте“. На другой день он опять пришел туда и увидел новый вопрос: — „а если он нуждается в свидании и не может скрыть любви, что тогда?“ —

¹ 'Атт. v. 3252 sq.

² Я воздерживаюсь от изложения описания долин, ибо передать его в нескольких словах почти невозможно и кроме того по переводу Garcin de Tassy с ним легко можно ознакомиться.

³ 'Атт., v. 3313 sq.

„Тогда пусть умрет, освобождаясь от огня любви“, написал ал-Асма'и. Через несколько дней он снова зашел в это место и нашел там влюбленного, который разбил себе голову об этот самый камень и лежал бездыханным.

Рассказ этот по существу представляет собой парафразу известного хадиса: ¹ *من عشق فعف ثم مات مات شهيداً*. Источник, из которого его почерпнул Нев'аи, мне установить не удалось, но арабское происхождение его несомненно. Это типичный эротический анекдот, очень близкий по характеру к рассказам ас-Сарраджа, ал-Бик'аи и других авторов этого типа.

Третья долина (гл. 140—141) — долина познания (ma'rifat) ² Характеризуется она известным рассказом о слепых и слоне, неоднократно излагавшемся суфийскими поэтами Персии.³

Четвертая долина (гл. 142—143) — долина независимости (istighnā).⁴ Ее особенности напоминают Нев'аи игру в шахматы. Когда начинается игра на доске — изумительный порядок, полная закономерность. Но стоило только игре закончиться, доску приподняли и все фигуры перемешались, порядок исчез и шах лежит рядом с пешкой.

Пятая долина (гл. 144—145) — долина признания единства (tawhīd).⁵ Для объяснения ее значения приводится рассказ о шейхе Абū-л-Мансуре. Он видит во сне Ми'радж пророка и наблюдает, как пророк, достигнув престола бога, удостаивается вопроса, чего он хочет. Мухаммад просит о прощении для грешников его общины, но о себе самом умалчивает. Шейх потом долго ломает себе голову, не будучи в состоянии постигнуть причину этого. Наконец, ему является во сне пророк и говорит: *مينليق* — понятия „Я“ там уже не было.

Шестая долина (гл. 145—146) — долина смятения (ḥayrat).⁶

¹ Ас-Суутӣ, Al-Jāmi'aṣ-ṣaḡhīr, Каир, 1286, II, 383. (Со слов 'Аишә). Другая версия того же хадиса со слов Ибн-'Аббаса: *من عشق فكتّم وعف فمات فهو شهيد* (Там-же).

² 'Атт., v. 3456 sq.

³ Старейшая версия у Сана'и в Ḥadiqat al-ḥaqā'iq, Бомбейская лит. 1275 г., стр. 9—10. Перевод у Browne, A Literary History of Persia, II, 319. Следующая по времени обработка в Месневи Джалаладдина Руми, книга III. Лит. Тегеран, 1307, стр. 224, 27 сл.

⁴ 'Атт., v. 3558 sq.

⁵ 'Атт., v. 3673 sq.

⁶ 'Атт., v. 3779 sq.

Иллюстрацией к ней служит большой рассказ о царевне и гуламе, взятый у 'АттЌра (v. 3792—3871) и изложенный довольно близко к оригиналу, хотя и с некоторыми несущественными отступлениями.

Наконец, седьмая долина (гл. 146—150) — долина нищеты и небытия (*faqr wa fanā*).¹

Здесь НевЌи нарушает строго выдержанный план и дает уже не один рассказ, а целых четыре, что весьма понятно, ибо объяснить суфийское *fanā* — задача нелегкая. Гл. 147 посвящена рассказу о шейхе Абў-л-'АббЌсе ал-ҚасЌаб ал-Ќмули.² Какой-то нечестивый человек приходит к нему в *ханақЌх* и хочет совершить обряд очищения (*tahārat*), но при этом разбивает всю глиняную посуду. Когда ему говорят, что посуды больше нет, он требует бороду самого шейха, чтобы утереться ею. Шейх в экстазе восклицает: „Это правильно: зачем сыну мясника (*pusar-i buzkuš*) борода!“ Такое смирение заставляет пришельца покаяться.³

Гл. 148 — рассказ о самоуничижении шейха Нақшбанда. Он сравнивал себя с дохлой собакой и говорил, что она лучше него, ибо она была верна своему господину, а он — предатель. Видя следы собаки на дороге, он целовал их.

Гл. 149 — передает имеющуюся у 'АттЌра (v. 3958 sq.) притчу о собрании мотыльков, желавших установить, что такое свет свечи.

Гл. 150 — изречение шейха Суфьяна Саури, который на вопрос о том, как достигнуть бога, сказал, что дорога ведет через тысячу морей, за которыми находится кит, каждым глотком проглатывающий оба мира вместе с их обитателями.

Далее (гл. 151—153) НевЌи вводит весьма существенное дополнение в ход повествования 'АттЌра. В персидской поэме предел пути — небытие, но суфийская теория признавала за небытием еще одну стадию, как бы из нее вырастающую, или являющуюся ее обратной стороной. Это *baqā* — вечная жизнь, возникшая вследствие утраты индивидуального „я“, растворения его в „Я“ космическом. Выяснению этого вопроса и посвящены

¹ 'Атт., v. 3920 sq.

² Учитель шейха Абў-л-Хасана ХарақЌни.

³ Рассказ этот почти в тех же выражениях находится у ДжЌми в *Nafahāt al-unā* (ed. Lees), p. 325, 13 (со слов шейха Абў-Са'йда ибн-Абў-л-Хейра.

следующие три отрывка, из которых последний содержит рассказ о Меджнуне, разговаривавшем с Лейлой в ее отсутствие. Его упрекнули за это, но он ответил, что Лейла здесь, ибо она живет в его душе.

После этого мы подходим к кульминационной точке поэмы (гл. 154) — птицы достигают конечной цели. У 'Аттāра этот момент построен на игре слов *سى مرغ = سيمرغ*. Невāи здесь оказался в безвыходном положении, ибо сохранить эту игру слов, ради которой, в сущности говоря, и была написана персидская поэма, он, в виду отсутствия аналогичных созвучий в турецком языке, не мог. Он ограничивается передачей самого смысла:

کیم قیلیب سيمرغ اوتوز قوش هوس * اوزلارين کوردیلار اول سيمرغ و بس

„Тридцать птиц стремилось к симургу и увидели, что они сами и есть симург и только“.

Невāи, повидимому, ощущал известную неуклюжесть этого места и, поэтому, постарался восполнить художественный недостаток пояснениями, которых у 'Аттāра нет. Он истолковывает приведенную выше строку и указывает, что это и есть тайна *من عرف*, т.-е. тайна хадиса:¹ *من عرف نفسه فقد عرف ربه* и добавляет к этому весьма интересный *бейт*:

سين دا هم بالقوه اول موجود ايرور * فعل غه کسه روا مقصود ايرور

„В тебе тоже он существует потенциально, если он станет активным, цель будет осуществлена“.

Эта строка весьма интересна наличием в ней философских терминов *بالقوه = δύναμις* и *بالفعل = ενεργεία*, 'Аттāром в его поэме не применяемых. Термины эти заимствованы суфизмом у философов, которые в свою очередь почерпнули их из греческих философских работ.² В трудах первых теоретиков суфизма они не встречаются и более широкое распространение в суфийской литературе получают только с XIII века. Появление их здесь явно доказывает, что Невāи не ограничивался поэти-

¹ Ср. В. А. Жуковский, Раскрытие скрытого за завесой. Ленинград, 1926. Стр. 247, 17. Этот хадис в канонических сборниках встречается реже.

² Ср. Fr. Dieterici, Die sogenannte Theologie des Aristoteles aus dem Arabischen übersetzt von ... Leipzig, 1883, p. 188, Anm. zu 2, 20.

ческой суфийской литературой, но пользовался также и соответствующими научными работами.

Впрочем, НевЌи спешит сейчас же оговориться и отвратить упрек в слишком вольном обращении с текстом 'АттЌра:

اوزقاشيمدين سالماديم بونوع طرح * ايلاديم عطار اسراريني شرح

„Я не из собственной головы предпринял такого рода (дополнения), я (только) истолковал тайны 'АттЌра“.

Следует рассказик (гл. 155), поясняющий в каком смысле надо понимать предшествовавшее изложение. Некий влюбленный воспевает свою возлюбленную, сравнивая ее с кипарисом и т. д. Она гневается и говорит, что такие сравнения недопустимы, ибо разве кипарис может ходить? Он объясняет, что хотя это и не точное сравнение, но намерения у него были самые добрые. К этому добавлено еще изречение 'АбдаллЌха АнсЌри (гл. 156): лучше петь песню, желая прославить Аллаха, чем бессмысленно, механически читать Коран. Завершается весь этот отдел молитвой (гл. 157) обычного суфийского типа.

В гл. 158—159 НевЌи снова обращается к 'АттЌру и воспевает его в самых восторженных выражениях. Сначала он сравнивает его с птицей 'АнќЌ, называя его столь же единственным и ни с кем несравнимым, а затем объясняет причины, побудившие его подражать „Мантїќ ат-тайру“.

قوش تيلي بيرلا بيان ايلاب كلام طوطيء كويا ديك اولدى خاص و عام
فارسي آيين اولوس فطم اتيلار بارچه مخفى دقتيغه يتىلار
غير خيل ساده اتراك فقير كيم آلاردا كم دور ادراك كشير

„Когда он изъяснил речь (или *келЌм* в техническом смысле) птичьим языком, и избранные и простой люд уподобились говорящему попугаю. Народы, живущие по обычаю персидскому, поняли и постигли все скрытые тонкости, кроме простодушного племени бедных турок, ибо у них редко бывает широкое (обильное) постижение“. Другими словами не только личный интерес влек его к этому произведению, но и желание распространить его среди турок, не обладающих достаточным знанием персидского языка.

Далее излагается легенда о птице ҚиқнЌс (греч. *κιρκινος*) и ее предсмертной песне, соответствующая у 'АттЌра рассказу

v. 2295 sq. и изложенная в выражениях очень близких к персидскому оригиналу:

Н.

‘А.

هست ققنس طرفه مرغی دلستان بار ایدی ققنوس دیکان بر طرفه طیر
موضع این مرغ در هندوستان هندو ملکیدا آنکا آرام و طیر

„Была странная называемая „Қиқнұс это странная, по-
Қиқнұс птица, покой и полет хищная сердца птица, место
ее в царстве Индии“. этой птицы в Индустане“.

Но цель изложения этого рассказа совсем иная. С Қиқнұсом сравнивается ‘Аттār, сладкогласный великий поэт:

شیخ کویا کیلدی چون اولغی طیر * کیم نوا انجرا قیلیب عمریدا سیر

„Шейх оказался словно бы этой птицей — он среди песен странствовал по всей жизни“.

Легенда о Қиқнұсе содержит в себе элемент мифа о фениксе — Қиқнұс сжигает себя на костре и из его пепла вылетает новый Қиқнұс. Невāи спешит оговориться, что этим сравнением он отнюдь не хочет назвать себя самого молодым Қиқнұсом, родившимся из пепла ‘Аттāра:

من دیمایکیم اول آتا دور من اوغول * او شه عالی صفت من بنده قول

„Я не хочу сказать, что он — отец, я — сын, он — обладающими высокими свойствами царь, я — слуга и раб“.

13. На 160 главе начинается заключительная часть поэмы, не имеющая аналогии у ‘Аттāра. Это как бы ряд торжественных аккордов, которыми Невāи заканчивает патетическое повествование о „долинах“. Состоит оно из семи молитвенных обращений (munājāt), из которых каждое пользуется терминологией соответствующей „долины“. Построено оно также гармонично как и предшествовавшие части и каждый отдел распадается на две главы — молитва и сопровождающий ее краткий рассказ.

Содержание их сводится к следующему: 1) молитва первой долины (гл. 160—161) — рассказ о шейхе Бāязйде Бистāми. Некий мурид посещает его на пути в Мекку. Возвращаясь назад, он снова заезжает к шейху и сообщает, что видел дом (Ка’бу), но хозяина в нем не было. Бāязйд восклицает: хозяин был все

время с тобой в пути! 2) Долина любви (гл. 162—163) — рассказ о Қайс ибн-'Амире. Его однажды спросили, как его имя. Он ответил — Лейла! т.е. „я“ его совершенно уничтожилось. 3) Долина познания (гл. 164—165) — отшельник посещает царя. Тот приглашает его б^есть и говорит, что сейчас ему принесут то, чего он хочет. Отшельник отвечает, что он хочет только бога. Все, что ему нужно, ему дает бог, царь ему ничего не может дать. 4) Долина независимости (гл. 166—167) — рассказ об Ибрах^име, ввергнутом в огненную печь. Гавриил спрашивает его, не нужно ли ему чего-нибудь. Он отвечает: „Если от тебя, то ничего!“ 5) Долина смятения (гл. 168—169) — некий влюбленный в страданиях умирает и молит Аллаха, чтобы к нему пришла возлюбленная, ибо он хочет сказать ей хоть два слова. Желание его исполняется, но от смятения он ничего не может выговорить. Когда он приходит в себя, его возлюбленной уже нет и он так и умирает, ничего ей не сказав. 6) Долина признания единства (гл. 170—171) — рассказ о султane Махм^уде и его пажe Аязе. Махм^уд, стоя у ложа его, любитeя его красотой. Тот не спит, но притворяется спящим. Махм^уд замечает это и спрашивает его, зачем он кокетничает. Аяз отвечает, что его самого в это время не было, для него реальностью был только Махм^уд. Этот рассказ представляет собой очень свободную парafразу аналогичной темы 'Атт^ара v. 3740 sq. 7) Долина небытия (гл. 172) — изложение молитвы одного шейха, не названного по имени, который просил сделать его небытие столь же абсолютным как бытие бога.

На этом кончается поэма и следует еще пять отрывков, с самой темой связи не имеющих. Гл. 173 — история возникновения „Лис^ан ат-тайр“, сообщенная нами выше (стр. 28 сл.). К ней в виде пояснения приложен рассказик (гл. 174) о том, как на одной из улиц Герата рухнула стена. Народ в смятении окружал место катастрофы, а присутствовавший при этом дервиш впал в экстаз. На вопрос о причинах этого он ответил, что уже давно видел, как она клонилась в сторону улицы. Если даже мертвая стена в конце-концов добилась осуществления своего желания, то неужели он, живой, не увидит осуществления своей мечты?

Нев^аи сообщает это в виде утешения себе и пытается таким образом укрепить свою надежду на то, что и его мечты когда-

нибудь сбудутся. Следует глава о тахаллусе (гл. 175), полностью приведенная нами выше, посвящение султану Хусейну Абӯ-л-Ғази (гл. 176) и заключение (гл. 177), содержащее дату окончания поэмы — 904 (1499—1500) г.

Датой рождения Невāи принято считать 844 г. Выше (стр. 32) мы видели его собственное указание на то, что к сочинению „Лисāн ат-тайр“ он приступил шестидесяти лет. Если это указание точно, то отсюда можно заключить, что работа подвигалась очень быстро и для завершения ее потребовалось менее года. Такой расчет вполне совпадает с его собственным описанием хода работы. Если он действительно писал по 40—50 бейтов в ночь, то конечно работа должна была быть закончена в сравнительно весьма небольшой промежуток времени, однако лишь при том условии, что все необходимые материалы им уже были собраны заранее.

IV

14. Мы подвергли поэму Невāи самому обстоятельному рассмотрению, не упуская при этом из виду послужившего для нее образцом персидского произведения. Этот анализ позволяет нам прийти к следующим выводам.

Как мы видели, Невāи не имел намерения создать оригинальное произведение. Сначала он поставил себе задачей дать перевод поэмы 'Аттāра, потом, не будучи в состоянии преодолеть встававшие на его пути затруднения, решил дать пересказ, который должен был служить чем-то вроде комментария к персидскому оригиналу. Он отнюдь не склонен приписывать себе какие-либо особые заслуги и отводит себе самую скромную роль, авторство безоговорочно уступая 'Аттāру. Он идет даже еще дальше в своей скромности и утверждает, что выловил из необъятного моря 'Аттāра только „щепки“, не добыв жемчужов.

Вполне понятно, что при таком задании Невāи должен был сохранить основной план распределения материала и в изложении фабулы следовать линиям, намеченным его предшественником. Но мы видели, что в деталях Невāи позволял себе весьма значительные отступления. Сохраняя основные вехи 'Аттāра, он расположил материал более систематично, в по-

строении отдельных частей придерживаясь строгого единообразия и почти без отклонений выдерживая раз намеченную схему. (Параллелизм части „отговорок“ — части „вопросов“). Кроме того в самую фабулу им был введен ряд дополнительных тематических мотивов, назначение которых было сделать ход действия более логичным и объяснить психологически основные его моменты. В результате повествование утратило абстрактный, не зависящий от времени и пространства характер, которым оно обладало у 'Аттāра, и, так сказать, обросло плотью, стало более реальным и человеческим.

15. В суфийском эпосе огромное значение имеют вставные рассказы — притчи, которые в этого рода поэтических произведениях применяются уже со времен Санāи.¹ Наличие этих рассказов обуславливает собой всю структуру поэм. Если у Санāи их еще сравнительно мало и они всецело подчинены общему плану поэмы, то уже у 'Аттāра количество их начинает возрастать, так что в некоторых произведениях они окончательно заслоняют собой фабулу, привлекая к себе главное внимание. Тематический материал этих рассказчиков крайне богат и разнообразен, источники их весьма часто поддаются определению лишь с большим трудом. Вместе с тем сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что во многих случаях эти рассказы с мировоззрением ислама имеют лишь очень слабую связь. В произведениях 'Аттāра намечается целый ряд таких притч, обладающих ярко выраженным буддийским или манихейским характером. Приходится предполагать, что источником таких рассказов являлась народная словесность, в которой старые верования в скрытой форме продолжали держаться и после победы ислама. Вопрос этот крайне сложен и углубляться в него здесь неуместно. Отмечу только то, что для истории персидского мышления чрезвычайно важно собрание и приведение

¹ Повидимому, они ведут свое происхождение от притч, которыми украшали свои беседы суфийские шейхи с самых первых времен суфизма. Примеры подобного рода рассказчиков в огромном обилии можно найти в биографии шейха Абū-Са'йда Мейхенского, Абū-д-Хасана Харақāни и др. В прозаической форме, смешанной со стихами, их можно найти в Псевдо-Менāзиль 'Абдал-лāха Ансāри. Вопрос этот заслуживает более обстоятельного рассмотрения и я посвятил ему отдельную работу, которая, если будет суждено, вскоре может увидеть свет.

в известный порядок всего этого огромного материала. Отсюда следует, что притчи Невāи для нас не менее важны, ибо несмотря на национальные особенности, творчество его все-таки всецело покоится на тех же предпосылках, как и вся литературная жизнь мусульманского Востока. Потому я счел необходимым выше обратить серьезное внимание на все эти рассказы и вкратце зафиксировать содержание каждого из них. Переходя к рассмотрению их роли в общей структуре поэмы, можно отметить следующее. Невāи ввел в „Птичий язык“ 63 рассказа (общее число значительно меньше, чем у 'Аттāра). Из них только 12 представляют собой передачу соответствующих рассказов персидской поэмы, остальные 51 являются нововведением. Следовательно из общего числа рассказов 81 % должны быть отнесены на счет оригинального творчества Невāи и тем самым становится очевидно, что в деталях персидская и турецкая поэмы имеют очень мало общего.

Источники, из которых Невāи черпал темы для этих рассказов, поскольку было возможно, отмечены выше. Сводя здесь вместе все сказанное, мы видим, что Невāи пользовался весьма разнообразным материалом: коранические легенды, хадис, жития шейхов, арабская эротическая беллетристика, персидская поэзия, все это, повидимому, было ему весьма хорошо известно. Но помимо рассказов, покоящихся на литературной традиции, мы находим у него и ряд сценок, которые своим происхождением, вероятно, обязаны богатой опытом жизни Невāи. К этой группе можно, например, отнести гл. 26, 32, 35, 38, 41, 44, 47, 50, 53, 56, 59 и 95. В этих рассказах нет определенной *pointe*, они не заточены в форму анекдота, как это делается в большинстве случаев, но зато в них чувствуется непосредственное живое наблюдение — это отрывки из дневника, случаи, наблюдавшиеся им в связи с его административной деятельностью. Эти рассказы приближают творчество Невāи к Са'ди, мудрому и лукавому моралисту, с той лишь разницей, что практичности Са'ди, его умения приспособиться к обстоятельствам мы здесь не находим. Да оно и не могло бы появиться у Невāи — могущественному визиру, проведшему жизнь в довольстве, без забот, не приходилось прибегать к тем уверткам и хитроумным софизмам, которые иногда спасали жизнь бездомному дервишу Са'ди в его бесконечных скитаниях.

Невāi спокойно наблюдает, ему одинаково интересны и похождения индийского проходимца, пытающегося на улицах Герата обмануть легковерную восточную толпу (гл. 26), и трагическая гибель (гл. 32) неудачливого садовника (не в его ли собственном парке, где он холил редкостных павлинов, это случилось?) Он рассказывает о прихлебателе, отравившем жизнь богатым придворным (гл. 35) и служившем для них шутом и посмешищем, он сетует на тяжкую участь пловцов, добывающих жемчуг (гл. 56), рисует картинку любопытной толпы, собравшейся вокруг рухнувшей стены (гл. 95). Из всего этого он пытается делать выводы, подкрепляющие его мирозозерцание. Быть может, выводы эти не всегда безупречны, но картинки быта тем не менее сохраняют свою ценность.

Другой характерной чертой этих рассказов, отличающей Невāi от 'Аттāра, является его здоровый и тонкий юмор, отразившийся в таких рассказах, как приведенные выше притчи о дервише-опиомане и сумасшедшем-диванэ. Нет сомнения, что обоим этим героям Невāi не особенно сочувствует, в первом случае он даже безусловно осуждает опустившегося пожирателя бенга. Но осуждение это скрашено юмором, нет ни малейшей резкости, добродушная усмешка озаряет лицо многоопытного старика. Сколь далек он в эти минуты от бурного пламенного 'Аттāра, в стремлении к конечной цели готового все попать, все разрушить, с яростным отвращением взирающего на этот мир — „обитель бытия и тлена“.

В результате приходится сказать, что назвать поэму Невāi переводом, конечно, невозможно. Индивидуальность переводчика выступила на передний план и заслонила собой персидского автора. Судить о поэме 'Аттāра по работе Невāi нельзя, среди всех его произведений едва ли найдется хотя бы одно, которое можно было бы сблизить по характеру с „Лисān ат-тайр“. Среда, эпоха, все это наложило свой отпечаток на поэму Невāi и, разбив первоначальные замыслы автора, скромно мечтавшего о роли переводчика, сделало из нее вполне оригинальное произведение. Если попытаться в нескольких словах характеризовать отношение этих вещей друг к другу, то можно было бы сказать, что „Лисān ат-тайр“ Невāi есть „поэма о поэме 'Аттāра“. 'Аттār произвел глубокое впечатление на сердце Невāi, когда он был еще ребенком, всю жизнь он постоянно

возвращался к затронутой им теме и, в конце концов, выразил в этой поэме свое отношение к творению 'Аттāра, рассказав нам, какие формы приняло в его душе создание его великого предшественника.

Нельзя отрицать, что в результате высокий пафос 'Аттāра оказался сниженным. Произведение Невāи более рационально, более материально, невесомость и воздушность 'Аттāра, придающая его творениям столь стремительный и быстрый полет, у Невāи уступила место логике, появился выраженный дидактический уклон, у 'Аттāра ощущаемый весьма слабо. Индивидуальности этих двух поэтов резко различны, не приходится удивляться, если и результаты их трудов над одной и той же темой не совпали. Продолжать это сличение можно до бесконечности, но едва ли конечные наши выводы от этого смогут измениться. Поэтому я считаю более разумным закончить на этом наше и так затянувшееся исследование и перейти к заключительной части — рассмотрению вопроса об отношении Невāи к суфизму.

16. Анализ „Лисāн ат-тайр“ показал нам, что Невāи безусловно был очень хорошо знаком с учением суфиев. Добавление рассказов к сюжету 'Аттāра и замена одних тем другими не могли бы быть осуществлены без основательного знакомства с суфизмом и глубокого понимания тех задач, которые себе ставил персидский поэт. Для выполнения его замысла было недостаточно работы над художественными произведениями суфиев, требовалось также и изучение теоретических работ, которых в эту эпоху имелось весьма значительное число. Что Невāи пользовался такими работами, не подлежит ни малейшему сомнению, это доказывают хотя бы приведенные выше философские технические термины. Установить, каким именно трудам он обязан своими познаниями, едва ли возможно, ибо никаких более определенных данных в этой поэме не содержится, а привлечение остальных его творений¹ в задачи этой статьи не входит. Однако, при всем этом едва ли можно сказать о Невāи, что он суфий в настоящем смысле этого слова. Дервишеским шейхом он, конечно, не был — для этого был бы необходим

¹ Главным образом лирики, которая в этом отношении должна дать особенно богатый материал.

полный отказ от жизни, уход из этого мира и всей связанной с ним суеты. Биография его о таком факте нам ничего не сообщает, он все время продолжал принимать деятельное участие в государственной жизни и играть крупную роль при дворе. Можно было бы признать увлечение Нев'аи суфизмом своего рода любительством, известным романтическим уклоном. Мода на суфизм в странах персидской культуры достигала весьма широкого распространения и охватывала правящие классы с такой же силой, как и сословие мелких ремесленников, из которого, главным образом, и выходили практические деятели этого учения. Но можно было увлекаться суфизмом и в то же время на практике не претворять его в жизнь, быть не столько *şūfī*, сколько *mutaşawwif*. Суфизм притягивал к себе людей, склонных к самостоятельному мышлению, ибо он открывал широчайший простор для метафизических исканий, к чему на Переднем Востоке всегда питали большую склонность. Строить философские теории, оставаясь правоверным муслимом, было не всегда возможно, но под прикрытием суфийской терминологии можно было *de jure* оставаться в рамках ислама, а фактически выходить далеко за его пределы. Не удивительно, если наиболее крупные деятели мусульманского мира так или иначе подпадали под его влияние. У Нев'аи была природная склонность к пессимистическому мировоззрению, к этому прибавилась близость к такому крупному представителю творческого суфизма как Дж'ами. Мы знаем, как Нев'аи преклонялся перед этим поэтом, который почти всю свою жизнь провел отшельником в келье в предместьи Герата. Обстоятельства сложились так, что все толкало Нев'аи в эту сторону. Но все же до конца он по этому пути не пошел. Он воспринял всю моральную сторону суфизма, поставил перед собой в виде идеала его конечные цели, но не порвал с той средой, в которую его забросила судьба. Он был восторженным поклонником суфизма, суфием в душе, знатоком этого учения, но суфием — практиком он не стал. Быть может, крайние выводы 'Атт'ара даже несколько устрашали его, по крайней мере это можно было бы заключить из стремления Нев'аи смягчить и умерить их в своей поэме. Бывали, вероятно, минуты, когда Нев'аи начинал тяготиться окружающей средой, ощущал все бремя лежащих на нем обязанностей. В такие минуты могли сложиться те строки, ко-

торые мы находим в заключительных главах „Лисāн ат-тайр“. Он мечтал о достижении конечной цели суфия, стремился к тому умиротворению и отдыху, который ему обещала fanā — прекращение индивидуального бытия. Эти мечты вылились в горячие и искренние семь „мунāджāt“, соответствующие семи долинам ‘Аттāра. Он сознавал, что едва ли эта цель когда-либо будет достигнута, ибо окружающая среда не позволяла пойти решительными шагами в этом направлении. Но намерение было и он утешает себя притчей о рухнувшей стене, которая умиротворяющим аккордом заключает всю эту патетическую часть. Ибо хадис гласит: „приходите ко мне с намерениями вашими, не с делами вашими“.¹

Невāи не был суфием в техническом смысле этого слова, но он представлял собой нечто большее. Рассмотрение „Лисāн ат-тайр“ показывает нам большого художника, мастера слова, способного из данного материала создать оригинальное произведение, но помимо этого художественного дарования мы видим еще человека с широким образованием, разнообразными интересами, огромным житейским опытом и, что для нас еще ценнее, большим сердцем, полным любви к окружающим его людям и во имя этой любви способным забыть и простить все их недостатки.

Есть художники, заставляющие нас преклоняться перед ними, но иногда человек заслоняет собой художника и, помимо преклонения перед своим дарованием, требует от нас любви к себе как к человеку. Таким человеком был Мир-‘Али-Шйр Невāи.

Ленинград, 3. I. 27.

¹ Rasā'il Ibn Taymiyya, Каир, 1323. II, 342. يقول الله تعالى: لا تقوئى بنياتكم ولا تلاقوئى باعمالكم

НОВЫЙ ЧАГАТАЙСКО-ПЕРСИДСКИЙ СЛОВАРЬ

А. А. РОМАСКЕВИЧА

Влияние и значение литературных произведений Мйр-‘Алй-Шйра Невāй было слишком велико, чтобы мог исчезнуть интерес к изучению чагатайского языка и литературы на нем среди литературно-образованных кругов населения Средней Азии, Персии, Турции и даже Индии. Можно с уверенностью сказать, что интерес к изучению языка, на котором перестали говорить, поддерживался в указанной громадной части мусульманского Востока благодаря лишь наличию такого литературного факта, как произведения Мйр-‘Алй-Шйра. Ряд пособий по изучению чагатайского языка — словарей и грамматик, — начинающийся почти вскоре после смерти Мйр-‘Алй-Шйра (905—1500 г.), достаточно убедительно говорит о неослабеваемом внимании к вышедшему из употребления языку. Разумеется, этот интерес и внимание сосредоточивались, главным образом, в той среде, которая так или иначе сознавала свою близость, этническую и культурную, к миру, создавшему чагатайскую литературу и выдвинувшему на первое место такую литературную величину, как Мйр-‘Алй-Шйр Невāй, и это мы видим в государстве Великих Моголов (словарь Фазлаллāх-хāна и др.), в Турции (словарь „Абūшка“ и др.) и в Персии в эпохи господства турецких племен Афшāр (словарь „Сангелях“¹ Мйрзā-Мехдй-хāна и его же грамматика „Мабāни-ль-Лугат“²) и Кāджāр (словарь „Нухбā“³ Ризā-Кулй-хāна и др.).

¹ Ch. Rieu, Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum, London 1888, p. 264—266.

² Bibliotheca Indica, New Series, № 1225. The Mabāni'l-Lughat ed. by Denison Ross. Calcutta 1910.

³ Mélanges Asiatiques, V, p. 528, № 127.

Среди немногих пособий по изучению чагатайского языка, отмечающих интерес к этому языку в культурных турецких слоях населения Персии за время господства Каджар, хронологически последнее, по достоинствам одно из первых мест вообще занимает основывающийся в большей своей части, как и все ему подобные словари, на произведениях Мйр-'Али-Шйра, словарь на персидском языке Фатх-'Али-хана Каджарского. Словарь этот до 1914 года существовал в Европе в единственной рукописи, принадлежавшей венгерскому туркологу József Thúry, который сообщил первые сведения об этом труде в „Известиях“ Магьярской Академии Наук¹ и в Keleti Szemle,² затем еще раз вернулся к нему в своем докладе 23 апреля 1906 г., напечатанном, повидимому, в тех же „Известиях“ и посвященном истории изучения турецких языков Средней Азии.³

Второй экземпляр этого редкого словаря был приобретен мною в Техеране 5/18 X 1914 г. и вошел в состав мусульманских рукописей Библиотеки Петроградского Университета под № 1177. Рукопись, испытывавшая без существенного впрочем ущерба наводнение 23 IX 1924 г., заключена в новый, обычный для современности переплет, содержит в себе 418 ff., размером 21 × 31 см; текст занимает 15½ × 22½ см, в 17 строк на странице, написан крупным каллиграфическим насх'ом, на европейской прокрахмаленной, большею частью слегка желтоватой бумаге; подлежащие объяснению вокабулы, заголовки отделов, большая часть собственных имен предисловия и список сочинений Мйр-'Али-Шйра выведены красными чернилами. Представляющие особенную ценность, как это выяснится ниже, для дан-

¹ Értekezések a... nyelv—esszéptudományi osztálya köréből, т. 18, вып. 4 (1903): A Behdsetül — Lugat című csagatáj szótár.

² 1904 г., вып. 1.

³ Доклад этот стал нам известен лишь недавно по переводу с магьярского на турецко-османский язык в константинопольском журнале: „ملى تتبعلر دين، اخلاق، اقتصاد، لسانیات، بدیعیات“، посвященном „بنیة اجتماعیه تدقیقاتی آثار اسلامیه و ملیه تدقیق“ издававшемся كوپرولی زاده محمد فؤاد انجمنی، под ред. راجب خلوصی، под заглавием: „اورته آسیا تورکجهسی اوزرینه تدقیقلر“، помещен во втором выпуске (صایی) первого тома, занимает стр. ۲۰۷—۲۲۲, и словарю Фатх-'Али-хана отведены стр. ۲۱۸, ۲۲۰—۲۲۲. Этим указанием и возможностью пользоваться переводом доклада J. Thúry я обязан любезности проф. А. Н. Самойловича.

ного экземпляра словаря довольно многочисленные исправления и дополнения как в тексте, так и на полях рукописи написаны совершенно другим почерком — обычным скорописным настав'ликом.

Рукопись делится на четыре части:

I. (ff. 1v—12r) — предисловие автора;

II. (ff. 13v—404r) — чагатайско-персидский словарь;

III. (ff. 405r—407v) — объяснение двенадцати слов, оставшихся непонятными для автора „Сангелях'а“ Мйрзā-Мехдй-хāна;

IV. (ff. 407v—418r) — вокабуляр персидских слов, встречающихся в сочинениях Мйр-'Али-Шйра.

Первая часть — предисловие автора — и вместе с тем сама рукопись начинается так:

هو الله تعالى
فهرست كتاب لغت آثريه

فتحلى بن كبعلى بن مرشد قلى بن فتحلى قاجار قزوینى قول لوق دا
موندات عرض قيلور كيه

Таким образом один из существенных признаков сочинения — заглавие, приводимое автором еще дважды (f. 9v, 13v), никоим образом не совпадает с заглавием экземпляра J. Thūry, который носит довольно изысканное название „بطیحة اللغات“.¹ После пространного восхваления шаха Нāсир-ад-Дйна на чагатайском языке, рифмованною прозой, со стихами, автор кратко излагает свою биографию, историю своих занятий чагатайским языком и составления своего труда.

Фатх-'Али ибн Кяльб-'Али ибн Муршид-Кулй ибн Фатх-'Али Кāджāр-и-Казвйнй происходил из отдела (طایفه) Каракоюнлу (f. 263v) той части племени Кāджāр, которую сефевиды переселили из г. Гянджэ в Казвин (ibid.). Родиной и местом постоянного его пребывания являлся г. Казвин (ibid.), где автор владел поместьями (f. 186r, s. v. چال). В 1235 г. х. (1820), в царствование Фатх-'Али-шāха, автор был назначен на службу в Азербайджан и в течение 17 лет самоотверженно служил в Эривани наследику 'Аббāс-Мйрзā, участвуя в войне с турками и русскими.²

¹ О. с., р. ۲۱۸' ۲۲۰—۲۲۲.

² По ms. Thūry, о. с., р. ۲۲۰: فتح على شاهک اوغلى ولى عهد و قائمقام عباس ميرزاک سرکاتبى ايدى.

Во дни досуга, интересуясь чагатайским¹ языком и произведениями Мйр-‘Али-Шйра, он занимался изучением этого языка, но не имел учителя, в совершенстве постигающего смысл сочинений Мйр-‘Али-Шйра и понимающего чагатайские слова. Однако, надо думать, что таковой учитель у него имелся еще в Эривани, именно *میرزا محمد ایروانی*, поэт с „тахаллусом“ *حجت*, о котором он говорит как о *معلم مصنف* и отрывки из „мустазад‘а“ которого он трижды приводит в своем словаре.² Кроме Эривани он побывал в Карсе³ и, вероятно, в Эрзеруме во время военных действий и мирных переговоров с турками, так как упоминает о своем посещении истоков р. Аракса, так называемых *مین کوللر*.⁴ По возвращении его из Эривани Фатх-‘Али-шāх повелел ему состоять при назначенном в качестве вāли Хорасана шāхзāдэ ‘Али Накы-Мйрзā Руки-уд-Доулэ в должности „юзбāш“ с двумя сотнями гулямов из казвинского племени Кāджār. В Хорасане, служа в течение двух лет, автор нашел глубокого знатока сочинений Мйр-‘Али-Шйра, превосходно владевшего чагатайским языком, в лице Яланг-Тūш-хāна,⁵ начальника племени Джалāир и Келата, и в эти два года бōльшую часть времени у него учился. Одновременно с ними находился в Хорасане посланный Фатх-‘Али-шāхом для управления делами известный литератор и придворный поэт Мйрзā ‘Абд-уль-Ваххāб Исфāхāни Му‘тамад-уд-Доулэ, с „тахаллусом“ „Нашāt“.⁶ Будучи в высокой степени образованным, большим знатоком арабского языка и обладая литературным вкусом, он, не смотря на семидесятилетний возраст и старческую слабость, живо интересовался произведениями великого чагатайского писателя; считая для себя большим недостатком незнание чагатайского языка, он тоже учился последнему у Яланг-Тūш-хāна, а во время отсутствия по служебным делам своего учителя призывал к себе

¹ Автор последовательно везде называет *çığatai* — *چيغتاي* (ff. 2v, 3r, 7rv, 8r, 9rv, 10rv, 11v, 189r), *چيغتاي* (f. 257r).

² F. 296v, s. v. *قىلماغىل*, 306r, s. v. *كونكلونكا* и 368r, s. v. *باي*.

³ F. 186v, s. v. *چام آغاچى* и 268r, s. v. *قازان چالى*.

⁴ F. 33r, s. v. *آرس*; истоки, как известно, находятся у подошвы Мингёль-Дага, к югу от Эрзерума.

⁵ О нем см. *روضة الصفا*, Ризā-Кулай-хāна, т. IX, ff. 151 v, 152 r, 158 v; у J. Thūry это имя отсутствует, о. с., р. 221.

⁶ О нем см. Rieu, Catalogue of the Persian Mss., p. 722; Supplement, № 188, II.

нашего автора и продолжал уже с ним свои занятия чагатайским языком. Нашāt'u принадлежит несколько газелей и „иншā“ на этом языке, по отзыву Фатх-‘Али-хāна, довольно посредственных, включенных в собрание сочинений Нашāt'a „Гянджинэ“.¹ Затем вместе с Беглер-хāном Дереджеви автор был командирован к текинцам Āхāла, где кое-чему научился у тамошних образованных людей (از صوفی و قاضی).² Оттуда он попал к текинцам Мерва и часто встречался с сарыками и салорами;³ здесь он пробыл около 4-х месяцев⁴ и у здешних грамотеев (صاحب سواد) старательно изучал чагатайские слова и их значения. В последующее время после смерти Фатх-‘Али-шāха, в царствование Мухаммад-шāха, автор, занятый исполнением служебных обязанностей в разных провинциях Персии — Азербайджане, Ираке, Хорасане, Фарсе⁵ и Херате⁶ — не мог посвящать занятиям чагатайским языком достаточного времени, все же по мере возможности занимался чтением чагатайских произведений и изучением языка. Между прочим, в бытность его в Техеране у него учился чагатайскому языку выдающийся поэт Персии XIX в. Мйрвā Хāбибуллāх Кāāни,⁷ большой любитель изучения языков.⁸ Наконец, в 1274 г. х. (1857/8), узнав о склонности шаха Нāсир-ад-Дина заняться чтением произведений Мйр-‘Али-Шйра, Фатх-‘Али-хāн, намереваясь исподволь составить и словарь монгольских слов, встречающихся у Мйр-‘Али-Шйра, приступил, по совету разных высокопоставленных лиц, к составлению чагатайско-персидского словаря всем понятного и общедоступного в смысле системы и в течение четырех следующих лет, насколько позволяла ему служба, интенсивно работал над этим словарем; одной из причин замедления работы автор вполне справедливо выставляет подыскивание цитат из сочинений Мйр-‘Али-Шйра.⁹ Лишь в месяце ша‘бане 1278 г. х. (в фе-

¹ F. 7r; cf. Rieu, *Persian Cat.*, p. 722; گنجینه نشاط, Ms. O. Univ. 1068, ff. 15v, 16r, 238v.

² F. 2v. ³ У J. Thury упоминается еще и Теджен, о. с., p. 221.

⁴ Ff. 2v, 145v и 219v.

⁵ F. 303r, s. v. كز упоминает г. Джахрум в неверной орфографии جهرم.

⁶ Участвовал, повидимому, в осаде Херата: f. 302v — در عهد شاهنشاه — مغفور محمد شاه غازي رفتيہ انجارا غارت و چپو کردیم (т. е. местность Кург в девяти фарсах от Херата).

⁷ F. 7r. О Кāāни — Rieu, *Supplement*, № 367.

⁸ Ibidem.

⁹ F. 9v.

враде 1862 г.),¹ находясь в Хорасане (т.-е. в Мешхеде), по возвращении из Мерва, будучи уже в преклонном возрасте и удрученный всякого рода неприятностями, но ободряемый и поддерживаемый хорасанским везиром Мйрзā Мухаммадом Āстрāбādī, Фатх-ʿАлī-хāн закончил свой труд, назвав его: „لغت آثرائيه“.²

Предисловие, лишенное стройной последовательности изложения (автобиографические и другие данные, о которых речь ниже, перемешаны между собою), содержит, кроме того, краткие, не имеющие никакого значения, замечания о персидских и турецких диалектах по сравнению с языками персидским и турецким (т.-е. чагатайским), о происхождении турок и турецкого языка, о введении в употребление чагатайского языка Чагатаем;³ далее⁴ следует краткая биография Амīра Низām-уд-Дина ʿАлī-Шйра, основанная частью на сведениях почерпнутых из его произведений, большею же частью на историческом труде Хондемйра حبيب السیر,⁵ характеристика его литературных разносторонних дарований,⁶ его строительная деятельность⁷ и упоминание о его шиитских верованиях;⁸ кроме того, приводится список сочинений Мйр-ʿАлī-Шйра, которыми располагал наш автор⁹ и который не лишне повторить, так как число их и заглавия в большинстве случаев не совпадают; сам автор словаря читал в какой-то рукописи о 27 сочинениях.¹⁰

Сочинения в стихах:

1. غرائب الصغر	} دواوين اربعة или چهار ديوان
2. نواير الشباب	
3. بكايع الوست	
4. قوايد الكبر	

¹ F. 12r. ² F. 9rv. ³ F. 3r. ⁴ Ff. 3r—4r, 6v.

⁵ Ff. 3v, 6v. ⁶ Ff. 4v, 5v. ⁷ F. 5r.

⁸ Настоячиво напоминает об этом и в других местах рукописи: f. 101r, s. v. پشمينه и f. 293v, s. v. قبلماخاي آيړدي. Все биографические данные Фатх-ʿАлī-хāна уже известны из заметки M. B  lin'a, Notice biographique et litt  raire sur Mir-Ali-Chir-N  v  i etc., JA, V s  rie, t. XVII, 1861, pp. 175—256, 281—357.

⁹ F. 4v.

¹⁰ F. 4r; в ms. Th  ry их 22 — о. с., p. rri; B  lin (pp. 233—235)—25; V  liaminof-Zernof, Dictionnaire (pp. 10—11)—19; у Мйрз  -Мехд  -х  на (Rieu, Catalogue of the Turkish Manuscripts, p. 265) — 21.

5. حَيْرَتِ الْاَبْرَارِ	}	خمسہ
6. فرہاد و شیرین		
7. لیلی و مجنون		
8. داستان بہرام گور или سَبْعَةُ سَيَّارِہ		
9. سَدِّ سَكُنْدَرِی		
10. داستان شیخ صنعان		
11. لسان الطیر или مَنْطِقُ الطَّيْرِ		

Сочинения в прозе:

12. (تواریخ الملوك — f. 86v) تواریخ الملوك
13. محبوب القلوب (в подражание گلستان Са'дй)
14. خَمْسَةُ الْمُتَخَيَّرِينَ
15. مَجَالِسُ التَّقَايِيسِ
16. نَسَائِمُ الْمَكْبَةِ
17. مُنْشِئَاتُ (f. 87v)
18. نظم الجواهر или نشر اللآلی جناب مرتضى على (f. 320r)
19. ميزان الاوزان или عروض (f. 190r)
20. انشا (f. 110v — — كتاب).
21. وقف نامه اخلاصيه — 217v, وَقْفِيَّةُ اِخْلَاصِيَّہ (f. 32r — — وقفيه).

Сверх того не включен в список, но значится в ms. Thûry под № 22 и неоднократно цитируется в нашей рукописи تاريخ الانبياء, далее 23. سراج المسلمين (f. 63r), 24. چهل حديث (f. 291r), наконец, ряд мелких произведений, составляющих, быть может, отрывки из более крупных (диванов или месневи):

مغررات, قطعات, ترجيع بند, رباعى طويوق, ساقى نامه, مثنوى

В те годы, когда автор, как упомянуто, служил в разных концах Персии и побывал даже в нескольких провинциях Турции, он постоянно был в поисках чагатайского словаря, но видимо в Персии такого рода литература была большой редкостью, так как автору, по его словам, лишь к старости (на 61 году

жизни)¹ удалось услышать о существовании „Сангелях’а“ Мирзā-Мехдй-хāна, рукописей которого было очень мало, и он нашел таковую в Тегеране у Āgā Мирзā Тагй ‘Алийāбādй, который разрешил ему воспользоваться этим трудом лишь в течение трех дней.² Но и за это время Фатх-‘Алий-хāн успел достаточно познакомиться с его качествами, чтобы строго осудить книгу,³ от которой не только обыкновенная публика, но и лица избранные не извлекут какой-либо пользы, доказательством чего является ограниченность экземпляров этой книги.

Причины этого Фатх-‘Алий-хāн видит: а) в расположении словаря на арабский лад, б) в отсутствии огласовки по трем основным гласным, в) в отсутствии различия на письме между звонкими и глухими — губных پ, б, аффрикат ج, ж и гортанных غ, г; при этом наш автор ссылается на мнение самого Мйр-‘Алий-Шйра о необходимости такого различия;⁴ d) в отсутствии доказательных цитат из сочинений Мйр-‘Алий-Шйра.⁵ Далее,⁶ наш автор, продолжая критически относиться к Мирзā Мехдй-хāну и его труду, указывает, что автор „Сангелях’а“, не будучи филологом (اهل لسان)⁷ и не имея достаточного досуга, засадил за составление словаря человека из Средней Азии, обладавшего специальными познаниями в этом деле. Конец предисловия автор отводит также перемешанным как попало кратким замечаниям

¹ У J. Thury, о. с., р. 111 — в 1845 г.

² F. 7v. ³ Cf. J. Thury, о. с., р. 111.

⁴ F. 8v; вопреки мнению М. Мехдй-хāна, утверждающего, что Мйр-‘Алий-Шйр этого правила не соблюдал — Rieu, Catalogue of the Turk. Manuscripts, p. 265.

⁵ Утверждение это странным образом противоречит тому, что мы знаем о „Сангелях’е“ по существующему экземпляру его в Британском Музее: там цитаты из произведений Мйр-‘Алий-Шйра изобилуют на каждой странице — Rieu, ibidem, p. 266. Повидимому, экземпляр Фатх-‘Алий-хāна был дефектен в этом отношении, т. е. можно с уверенностью заключить, что в руках автора была сокращенная редакция „Сангелях’а“, составленная Мухаммадом Хувейй в начале прошлого века для ‘Аббās-Мйрзā и озаглавленная خلاصه عباسى. См. Pavet de Courteille, Dictionnaire, p. IV; Rieu, Catalogue of the Turkish Manuscripts, p. 226. Впрочем, сам автор смягчает категоричность своего заявления о необходимости цитат, замечая: f. 8v — اگرچه چندان لزوم ندارد ولی بر صحت معنای لغت دلیل میباشد.

⁶ F. 9r.

⁷ Хотя в другом месте (f. 187v) он воздает ему должное: میرزا مهدی خان مرحوم که درین علم ربط تمام داشته.

о турецком языке Персии по сравнению с чагатайским, о самом чагатайском языке и о языке произведений Мйр-‘Али-Шира и излагает принципы, которыми он руководился при составлении данного словаря. По его словам, одна десятая часть турецкого языка, на котором говорят в Персии, совершенно тождественна с чагатайским, например, слова *كوك* небо и *سو* вода; часть подверглась незначительным изменениям, например, чагатайские слова *آئي* огонь, *چاغر* вино, *چرن* газель, *تورت* четыре, *قِرُق* сорок, *كۆر* пятьдесят изменились в Персии в *آي*, *قُرغ*, *كۆرت*, *جَيُوان*, *چاخر*, *آут*, остальная же часть совершенно не сходствует, например, перс. *كَيَكِه* и чагат. *تون* ночь, перс. *قَرَاوُش* и чагат. *بُورُگُت* орел, перс. *سَرُچِه* и чагат. *چُوپُچُوق* воробей и пр. Часть же чагатайских слов в турецком языке Персии с течением времени в письме и разговоре изменилась в сторону неправильностей, могущих вести к ошибкам; это замечается, например, в названиях годов звериного цикла: название года быка в Персии *اود ایل* должно быть в виде *اوی ییل*, так как только *اوی* значит „бык“, *اود* — же значит „желчь“ и отношения к году быка не имеет; точно так же год зайца *ايل توشقان* надо изображать на письме *ییل تاووشقان*.¹ Такие же слова, как *قشلاق* и *یئلاق*, являются настоящими ошибками и должны писаться и произноситься как *قشلان* и *یا یلان*, что автор последовательно проводит всюду.²

Среди чагатайских слов, встречающихся в сочинениях Мйр-‘Али-Шира, две трети являются чистою основой, остальная же треть представляет основу в соединении с разнообразными суффиксами, изменяющими смысл данного слова; поэтому некоторые чагатайские слова по сравнению с персидскими имеют необыкновенно большое количество букв с необычным количеством согласных;³ некоторые же из этих суффиксов имеют и самостоятельное значение и включены поэтому в словарь наравне с другими словами; кроме того, часть чагатайских слов являются составными из персидских и арабских слов и чагатайских суффиксов, например, *خُنیاگُرْلُغْمِنْد*, *کُورُور*, *بُو الْعَجَبْلُوقْ لار*. Из приведенных замечаний автора видно, что он, не довольствуясь простым собиранием и объяснением слов для целей практиче-

¹ F. 11v. ² Ff. 11v—12r, 45r, 276v, 355v, 368r, in margine. ³ Ff. 10rv—11r.

ских — чтения произведений чагатайской литературы, — вел наблюдения, как настоящий *اهل لسان*, и над общими языковыми явлениями; не чужды ему и вопросы поэтики, когда он между прочим замечает, что Мир-Али-Шир, связанный рифмой и размером, дает рифму: *بخشیراق* — *ایاغ* и употребляет *imperativus* *آیت* на ряду с *آیت*.

Вторая часть рукописи, заключающая самый словарь и занимающая ff. 13v — 404r, начинается таким вступлением: *کتاب لغت موسوم بلغت اترکجه که حضرت امیر نظام الدین علی شیر المتخلص به نواشی تالیفات خودرا بیست و یک جلد باین زبان بیان نموده العبد فتحعلی قاجار قزوینی جمع نموده آداب و معلومات ان در فهرست عرض شده بحمدک فتح ابواب المعانی نصیب آیت کونکوما فتح اولماق انی بسم اله دیکیل و قویقیل قدم.*

В словарь вошли все слова, встречающиеся в произведениях Мир-Али-Шира, т.-е. не только основные формы, но и производные со всеми разнообразными словоизменяющими и словообразующими суффиксами; поэтому автор расположил слова в алфавитном порядке только первых двух букв, имея в виду лишь основу, так как при дальнейшей дифференциации алфавитного порядка явилась бы возможность вхождения в алфавит и букв, принадлежащих указанным суффиксам, что для малоподготовленных людей, по словам автора,¹ стало бы источником затруднений. В виду этого весь материал разбит, во-первых, на главы (*باب*), соответствующие первым буквам слов, затем в пределах каждой главы на главы, соответствующие вторым буквам; исключение составляет глава слов, начинающихся с *آ*, где принцип алфавитного порядка вторых букв совершенно не соблюден; сверх того автор не делает различия между *ب* и *پ*, *ج* и *چ* и *ک* и *گ*. В самом начале каждой главы, соответствующей первой букве, на поле, в диагональном направлении, красными чернилами указывается количество заключающихся во всей главе слов, в таком, например, виде: f. 88v — *عدد لغت باء* ⁷⁰⁴ *التازی و الپارسی ششصد و پنجاه هشت میباشد*; при проверке счет оказывается за редкими исключениями верным, и общее количество слов выражается в сумме 7694. Повидимому, рукопись

¹ F. 10r.

была переписана профессиональным переписчиком; неизбежные поэтому ошибки исправлены (после подчистки), пропуски отдельных букв и слов заполнены в тексте или на полях и значительные в некоторых местах дополнения сделаны одною и тою же рукой; наконец, нередкие повторения слов и их объяснений в разных местах зачеркнуты горизонтальной чертой; последнее обстоятельство едва ли можно поставить в вину переписчику, вина скорее ложится на автора; словом рукопись после переписки подверглась внимательному и тщательному просмотру, после которого она имеет вполне удовлетворительный вид. Является вопрос, кто ее редактировал? Среди многочисленных приписок на полях попадаются две — f. 218r и 219v, где автор указанных приписок называет себя *کَـمَـتَـرِـیـنِ مَـصَنِّـفِ*; следовательно, вероятнее всего надо считать окончательным редактором данного списка самого автора словаря Фатх-Али-Каджара, что придает особенную ценность нашей рукописи.

Достоинство словаря зависит от тех способов, которыми передается правильное произношение. Сознвая это, автор, по его собственным словам,¹ употребил все усилия для облегчения ясного и правильного чтения слов. Помимо обозначения чтения арабскими знаками (*matres lectionis*), непосредственно за каждым словом следует повторение названий этих знаков и наименование составляющих слово букв по месту их нахождения в „абджаде“, как это вообще практикуется авторами восточных словарей.

Принцип обозначения гласных заключается в следующем:

- a — آ, ا —, например, *آسراغان, آنلار* (28v);
 ä — ä, اَ, „ *آرسلان* (33v);
 e — اَی, اِ, „ *کَیْکَرمَن, آيِرکايی* (82v);
 i — اِ, اِی, —, например, *اَیِرک, دَیِرُم* (32r), *دَیِرُم* (213r);
 o { — اَو, و, —, например, *اَوغور, بُولغای* (44v), *بُولغای* (110r);
 ö { — اَو, و, —, например, *کَویدای, کَوُرکای* (318v);
 y { — اَو, و, —, например, *اَوغور, بُوغرا* (59v), *بُوغرا* (109v);
 ŷ { — اَو, و, —, например, *کُون, کُون* (319r).

¹ F. 12r.

Объяснение каждого слова начинается в большинстве случаев стереотипным выражением یعنی или بمعنی, последующие значения предваряются словами و نیز, и в самих объяснениях автора не чувствуется стремления к краткости.

Ставя как бы в некоторую вину автору „Сангелях’а“ Мирзә-Мехдй-хāну оставшиеся необъясненными последним несколько слов,¹ наш автор, как и сам он признается,² оказался не в силах объяснить также несколько слов; приводя эти слова на своем месте, он сопровождает их замечаниями в роде: نمی دانم چه معنی دارد هر کس فهمید بنویسد, یقین ندارم چه معنی دارد; слова эти: آجار (26v), آولتا (54v), ایذور (86r), بایاغ (91r — зачеркнуто красными чернилами), چاپون (9r, 187v), سناتین (227v) и قاریچی (272r). На призыв автора понявшему объяснить непонятое им откликнулся один из читавших нашу рукопись, написав на поле против слова قاریچی:

الحاج محمد رضای شادلو عرض می کنم قاریچی یعنی بندۀ سیاه زرخرید

Что касается арабских и персидских слов, то часть таковых автором введена в состав словаря лишь по столько, по сколько они встречаются в сочинениях Мир-’Али-Шйра, при чем почти всякий раз автор, как бы оправдываясь, сопровождает их стереотипной фразой: است چون در تالیفات (resp. فارسی) لغت عربی, حضرت امیر بود بقلم آمد³, хотя не всегда он, по незнанию ли или недосмотру, следует этому правилу выделения таких слов.⁴

С особенным вниманием автор относится к монгольским словам, вошедшим в состав чагатайского языка. В противоположность арабским и персидскими, он не довольствуется внесением в словарь монгольских слов, встречающихся в сочинениях Мир-’Али-Шйра, но включил все такие ставшие ему известными слова в свой труд, намереваясь со временем составить целый словарь монгольских слов в чагатайском языке.⁵ Из общего количества около двух сотен зарегистрированных в словаре Фатх-’Али-хāна монгольских слов, более двух десятков не значится в имеющихся у нас словарях чагатайского языка.

¹ F. 9r. ² F. 12r.

³ Например, s. v. امراض — f. 66r, کُتُبُه — f. 81v, دوآشامه — f. 211v, چاربالش — 183r.

⁴ Например, جُوغ — f. 195v, ماله — f. 332r, مُزَبَر — 348r. ⁵ F. 9r.

Наполнив свой словарь всеми падежными формами и всеми производными от одной и той же глагольной основы, встречающимися в произведениях Мйр-‘Алй-Шйра, т.-е. увеличив без особенной пользы на наш взгляд его объем на одну треть,¹ наш автор руководился основной мыслью, владевшей им при составлении словаря — сделать его доступным и полезным для широкого круга интересующихся чагатайской литературой, для лиц мало подготовленных, могущих, таким образом, практически усвоить довольно разнообразные формы спряжения в чагатайском языке с такими же их значениями.

Насколько Фатх-‘Алй-хāн был самостоятелен при составлении своего труда и насколько он пользовался существовавшими готовыми пособиями — трудно решить. Нигде автор ни словом не оговаривается о служивших ему в качестве подспорья письменных источниках, и, если верить его предисловию, единственным его пособием, притом весьма кратковременным, мог быть „Сангелях“ Мйрзā-Мехдй-хāна,² в его сокращенной редакции Мухаммада Хувейй, лишенной вышеупомянутых производных от основы форм и доказательных цитат.

Из сопоставления данных словаря Фатх-‘Алй-хāна с данными имеющихся у нас словарей³ выясняется, что наибольшую оригинальность автор проявляет при объяснении той группы слов, которой сопутствуют доказательные цитаты; в остающейся же части слов (таких, по словам автора,⁴ наберется тысячи две) лишь при сравнительно незначительном количестве текст объяснений почти буквально совпадает с письменным источником.⁵ В смысле полноты значений слов автор, как сказано выше, большею частью не скупился при перечислении таковых, приводя зачастую ряд самых разнообразных толкований;⁶ с другой же стороны, все-таки, ряд слов, в особенности не под-

¹ F. 10r. ² J. Thury, o. c., p. 118, утверждает это категорически.

³ Главным образом Pavet de Courteille⁷ и. ⁴ F. 12r.

⁵ Например: f. 27v — *آلغوت* = Pavet de Courteille, p. 32; f. 297v — *قیزیل قیزیلک پالچینگ* = Pavet de Courteille, p. 448.

⁶ Например: s. v. *تال* — 135rv, *قوش* — 283r, *قیلاو* — 297v. В виде курьеза надо привести единственный случай расширения автором пределов применения его словаря: f. 268r, s. v. *قاسیغ*, к основному значению *تهیگاه* — пах, бедро — автор прибавляет: *ونیز اهای ینکی دنیا حام خودرا قاسیغ کویند*; очевидно имеется в виду *kazik*, вождь индейцев в Мексике, Средней и Южной Америке.

крепленных цитатами, весьма беден в указываемом отношении.¹

Придавая большое значение доказательным цитатам из сочинений Мир-‘Али-Шира, как крупнейшего чагатайского писателя, Фатх-‘Али-хāн приблизительно три четверти своего словаря наполнил соответствующими выдержками из произведений последнего; большая часть цитат падает на четыре „дивана“ Мир-‘Али-Шира, далее идут пять поэм — Хамсэ — его же, из прозаических сочинений более всего цитуются *تاریخ الملوك* и *محبوب القلوب*. Большею частью автор довольствуется одною цитатою, но не малое количество слов снабжено двумя, тремя и даже четырьмя пояснительными цитатами. Стремясь увеличить количество таковых и не находя их у Мир-‘Али-Шира, автор наш обращался к другим писателям на чагатайском языке. Из таких писателей наибольшим, заслуженным, конечно, вниманием пользуется Лютфī,² которого автор ставит на втором месте после Мир-‘Али-Шира, не отказывавшегося от заимствований у Лютфī газелей для своих „мухаммас’ов“ и „мусаддас’ов“.³ Цитуются далее почти все известные нам чагатайские писатели и поэты: Мир Хайдер (Тельбэ), Бāбур (*تاریخ* *بابر میرزا*), Султāн Хусейн-Мирзā-и-Бāйкārā, Искендер-Мирзā,⁴ Баннāй, Кемālī,⁵ ‘Убейд-хан,⁶ Фузūль, Муллā Сākī (*گل و نوروز*).⁷ Не находя нужных пояснительных цитат у чагатайских писателей, автор словаря обращается к персидским поэтам и историкам, чаще всего цитируя *حبيب السیر* Хондемира, затем *ظفرنامه* Шараф-ад-Дйна ‘Али Ездī; далее следуют: *تاریخ و صفات*, шейх Низāmī, Джаляль-ад-Дйн Рūмī, Фирдоусī, Хāфиз, шейх Са‘дī, Джāmī, Хākānī, Кāānī, Фатх-‘Али-хāн Кашанский, ‘Асджадī, Тāли-и Харавī, шейх Табарсī (*تفسیر*), *تاریخ اکبری* *ناظم الحیوان* и несколько анонимных цитат. Все же, как уже говорилось, приблизительно у двух тысяч слов отсутствуют совершенно цитаты. Объясняется это трудностью подыскивания таковых, которое значительно замедляло работу по составлению словаря,⁸ ставшую спешной в течение последних четырех лет перед его окончанием.

¹ Напр.: چین — f. 200r, سؤل — f. 236r, کوز — f. 309v.

² Цитуются и его „диван“ и поэма *گل و نوروز*.

³ Ff. 70v, 215v, 247r, 274v, 307r, 376v. ⁴ F. 33v, in margine.

⁵ F. 97v.

⁶ Ff. 221v, 266v.

⁷ F. 253v.

⁸ F. 61r.

⁹ F. 9v.

Помимо обычных нарицательных имен и их значений Фатх-‘Али-хāн собрал в своем словаре большое количество сведений географического характера, так что, по восторженному выражению J. Thūry,¹ его труд является целым географическим словарем, заключающим в себе очень ценные материалы, касающиеся древней и новой географии Средней Азии. Не разделяя такого взгляда на значение заключающихся в словаре Фатх-‘Али-хāна географических и иных сведений, все же надо признать, что наряду с обычными общеизвестными именами² здесь встречаются и малоизвестные географические названия:

- 31r — آی توغدی — نام محلی از بلوکات کابل
 35v — آقزای — نام ولایتی است از بلاد قیریم مسکن تاتاریه
 38r, 39v — آوبا — قصبه از توابع هرات
 50v — آوَنک — نام محلی مابین قندهار و کابل که مسکن طایفه هزاره میباشد
 65v — ایپا قوروغی — قصبه از سمرقند
 82v — ایلان اوتی — نام محلی از توابع سمرقند
 90rv — بابغیز — محرف بادغیس است
 400v — یول کُورپی — پُلی باشد مابین ولایت خوار و سمنان سرحد عراق و خراسان

Далее, надо указать на целый ряд названий турецких и др. племен, приводимых в словаре, например, اورامیش, — 44r, — آونوز ایکی — 40r; — 249v, — شیباق — 241v, in margine, — 206r, — ایشتک — 74r; естественно, исключительное по объему место в словаре отведено истории племени Каджар (263rv).

Кроме географических и исторических сведений общего характера, большею частью легендарного, о турецких и монгольских племенах, в словаре находятся, большею частью уже известные, любопытные этнографические подробности, касающиеся турецких племен, например: 63r — о застольном обычае у در ایل جغتای رسم چمنان است یا مرغ یا گوسفند یا بَره : ایل جغتای

¹ О. с., р. ۲۲۲.

² 276v. — قفچاق — 97r, — بادغیس — 29r, — آمو — 27v, — آمالیغ — 19v, — آتل

یا امثال آن که پخته می شود میر مجلس چنانچه نخواهد بشخصی از راه التفات حصّه بدهد باید بالهای آن در سر طعام باشد اگر بال او را التفات نکند از سایر اعضای مطبوع التفات بشود مثل اینست که هیچ التفات در حق آن شخص نشده است و آن میر مجلس را خسیس و لثیم می شمارند و بان طعام التفاتی و اعتنایی نمی کنند؛

شمارند و بان طعام التعلانی و اعتیادی می دهند.

148r, 150r — تَوَرَه: s. v. ... و این مشعر است بر قوانین تُرک و آن چنان است که چون در مجلس شراب بکسی پیاله دهند اگر بچکد بترجان آن نُه پیاله دیگر بدهند و اگر بریزد سی پیاله می دهند;

303r — کَرک: s. v. ... در مجلس تَوَره‌ها که شاهزادگان باشند و غیره رسم چنان بوده هرکس که از مجلس شراب بیرون می رفته از کَرک که مزه باشد چیزی بر می داشته بر سر خود می گذاشته و می رفته;

о свадебных песнях у турецких племен:

50v — آؤلنک s. v. ... یک نوع سرودیست که در میان اقراک می خوانند و ان در عروسیها در حجله عروس دختران در وصف داماد تصنیفها خوانند و در خانه داماد برقص عروس را و می دارند؛

о старинном обычае класть в гроб умершего черный миндаль:

274v — قراپادام s. v. در قدیم رسم بوده شخصی که فوت میکرده در میان قابوت بالای جنازه آن شخص پادام سیاه می گذاشتند¹؛

об одевании на шею черного войлока в знак траура: s. v. قراکیر — 274r, s. v. کیز — 323r: در مُغولیه و آنراک ترکستان رسم بوده در عزای خویش و تبار محمد سیاه از کردن آویزان میکردند و اورا قراکیر گویند: наконец, об условном оклике и переключке у турецких племен: 63r, 45r, 44v — s. v. اُوران و 187v — s. v. چایُنْماق.

Заканчивается наша рукопись двумя статьями: ff. 405r — 407v — подробным объяснением нескольких слов, встречающихся в поэтических произведениях Мйр-'Али-Шира и оставленных необъясненными Мйрзā-Мехди-ханом, и списком персидских слов в количестве нескольких сотен (408r—418r), которые автор нашел помещенными в качестве добавления в конце имевшегося у него в руках экземпляра четырех „диванов“ Мйр-'Али-Шира. Составление этого небольшого словаря он приписывает самому писателю, целью которого являлось облегчить чтение его четырех „диванов“. Словарь этот, каллиграфически пере-

¹ Ms. كذاشتم.

писанный тем же „насх'ом“, нашим автором не подвергся про-
смотру, иначе он во всяком случае исключил бы немедля из
списка персидских слов каким то непонятным образом попавшее
туда монгольское слово 𐰽𐰺𐰍 (f. 418r).

В высшей степени добросовестную работу Фатх-'Али-хана
Казвинского, результат многолетнего труда, по справедливости
можно назвать вместе с J. Thûry одним из лучших словарей
чагатайского языка.

2 III 1927.

МИР-АЛИ-ШИР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В. В. БАРТОЛЬДА

Деятельность Мир-Али-Шира, как поэта и в особенности как покровителя наук и искусств, тесно связана с блестящей эпохой в культурной истории персов и владевших в то время Персией турок — эпохой тимуридов. Естественно, что эта эпоха, которой принадлежат лучшие памятники персидско-мусульманской архитектуры, возбуждала к себе большой интерес среди европейских ученых, но до сих пор нет сколько-нибудь исчерпывающей монографии, которая была бы составлена по первоисточникам, ни об эпохе тимуридов в целом, ни о каком-либо из главных деятелей этой эпохи в сфере культурной или политической жизни. Исследователь в этом случае испытывает затруднение не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания. Нет ни одного исследования, в котором был бы дан полный обзор источников по истории тимуридов, не говоря уже о критическом рассмотрении их.

В 1918 г. мною была издана монография „Улугбек и его время“.¹ Материал, составляющий предмет этой монографии, исчерпан в ней не вполне; одним из пробелов, потом замеченных и отчасти исправленных мною,² было отсутствие упоминания о монетах Улугбека, оказавшихся очень интересными и характерными. Монеты показали, что Улугбек, несмотря на свои культурные и научные интересы, был еще более турком

¹ Зап. Академии Наук, Ист.-Фил. Отд., т. XIII, № 5.

² Статья „Монеты Улугбека“, Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культуры, II, стр. 190—192.

и еще более дорожил военно-политическими традициями эпохи Тимура, чем казалось раньше. Этим существенно дополняется картина жизни Самарканда эпохи Улугбека, столь существенно отчичавшейся от жизни того же города во второй половине того же XV в., когда, как я постарался выяснить, „сорокалетнее господство Улугбека сменилось тоже сорокалетним господством представителя ордена накшбендиев, ходжи Ахрара“.¹ Там же² упомянуто о процветании в это время Герата, под властью другого тимурида, Султан-Хусейна, другом и приближенным которого был Мир-Али-Шир.

Настоящая статья посвящена более подробному рассмотрению жизни Герата при Султан-Хусейне и Мир-Али-Шире. Отнюдь не задаваясь целью собрать все сведения об этой жизни, которые можно найти в первоисточниках, я постараюсь, на основании доступных мне в настоящее время первоисточников (большой частью тех же, которыми я пользовался в „Улугбеке“), заменить более реальной картиной фантастический образ, созданный не только восточными, но и европейскими панегиристами Мир-Али-Шира, как я постарался уничтожить фантастическое представление об Улугбеке, будто-бы „идеалисте-ученом, с первых лет своего царствования отвернувшемся от политики и отдавшем все свое время математике и астрономии“.³

Деятельность Мир-Али-Шира была предметом первой по времени магистерской диссертации, защищавшейся на факультете восточных языков в Петербурге, именно диссертации М. Никитского,⁴ целью которой было дать характеристику Мир-Али-Шира „в государственном и литературном его значении“. Эта восторженная характеристика давно забыта, но до сих пор ни на Западе, ни на Востоке не утратила доверия появившаяся пять лет спустя монография о Мир-Али-Шире Белена (Belin),⁵ также более похожая на панегирик, чем на монографию об историческом лице. Помимо других причин этому способствовала французская риторика 60-ых годов, которой, как известно,

¹ Улугбек, 139. ² Ibid., 145. ³ Ibid., 1.

⁴ Эмир-Низам-ад-дин-Али-Шир, СПб., 1856.

⁵ Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Shir-Névâi (JA, 5, XVII, 175 сл., 281 сл.). В другой статье Белена (JA, 6, VII, 523 сл.; VIII, 126 сл.) рассматривается сочинение Мир-Али-Шира محبوب القلوب.

отдал дань даже гениальный Дози.¹ У Белена французская риторика идет гораздо далее восточной риторики его источников. Трудно поверить, что слова:² „C'est, dit-il, pendant mon séjour à Mechhed, où je restai, après la mort de Sultân-Bâbour, plongé dans la douleur d'avoir perdu mon bienfaiteur, que etc.“ передают слова текста Мир-Али-Шира:³ سلطان ابو سعيد ميرزا زمانيدا مشهددا غريب وخسته ييقيليب ايرديم. Автор говорит только, что был в то время в Мешхеде чужестранцем и лежал больной; ни о благодетеле, ни о горе вследствие его смерти нет ни слова. Мы увидим, что этот пример не единственный и что во многих других случаях подлинные слова источников создают несколько иное впечатление, чем „приукрашенный“ перевод. Монография Белена не дает также ясного представления о характере источников; совершенно не затрагивается неясный и до сих пор вопрос,⁴ как был составлен VII том روضة الصفا, что в нем принадлежит Мирхонду и что Хондемиру. Автор везде ссылается на Мирхонда, даже там, где говорится о смерти и погребении Мир-Али-Шира,⁵ хотя Мирхонд умер в 1498 г., Мир-Али-Шир в 1501. Тем не менее еще в 1920 г. Э. Г. Броун⁶ писал о труде Белена как об „admirable monograph“ и заимствовал оттуда мало соответствующее действительности представление о необыкновенно мирной („singularly peaceful“) жизни Мир-Али-Шира. На монографии Белена почти всецело основана биография Мир-Али-Шира, составленная Исмаил-Хикметом для брошюры, изданной в 1926 г. в Баку по случаю пятисотлетия (по мусульманской лунной эре) дня рождения Мир-Али-Шира и поднесенной „Первому Всесоюзному Туркологическому Съезду“.⁷

В одной из последних книжек „Journal Asiatique“ по-

¹ ИАН, 1921, стр. 237. ² Notice, 183.

³ مجالس النفايس рук. Унив. 618, л. 19 а.

⁴ В одной из рукописей, описанных в каталоге Rieu (Pers. Man., p. 93) автором назван Мирхонд; в литогр. тегер. изд. (1270 г. х.) — Хондемир.

⁵ Notice, 213 сл.

⁶ A History of Persian Literature under Tartar Dominion, Cambridge 1920, p. 506. Также ibid., p. 439: „the best account of Mir 'Alī Shīr and his works with which I am acquainted“.

⁷ ۱۹۲۷ — نوايي باكو — صايي: آذربايجان ادبيات جمعيتي. См. рецензию А. Н. Самойловича в настоящем сборнике.

явилась статья L. Bouvat о цивилизации эпохи тимуридов¹ (автору поручено составление очерка истории этого периода для VIII тома „Histoire du Monde“ Кавеньяка). В этой статье отмечается противоположность между процветанием культуры до конца династии тимуридов и быстрым развитием политического и социального упадка; отмечается тоже печальный характер „столь блестящего во многих отношениях“ царствования Султан-Хусейна „au point de vue moral“.² Но сведения автора о материале, имеющемся в источниках, недостаточны и неточны; как многие из его предшественников, в том числе Э. Г. Броун,³ он повторяет совершенное неосновательно мнение, опровергнутое 30 лет тому назад,⁴ будто из труда Хафиз-Абру до нас дошли только первые два тома. Источниками служат для него сочинения Мирхонда, Хондемира, Бабура и Мир-Али-Шира, к этому, как в монографии Никитского, без всякого основания присоединено поддельное „Уложение“ Тимура, сочиненное в Индии в XVII в. и несколько не характерное для Ирана XV в. При таком явно недостаточном знакомстве с источниками (остался в стороне весь материал до сих пор доступный только в рукописях, даже сочинение Абд-ар-Реззака Самарканди) вполне естественно, что статья Бува не дает никакого представления о происходивших в эпоху тимуридов столкновениях и переворотах, даже о превращении Самарканда Улугбека в Самарканд ходжи Ахрара.

I

ИРАНЦЫ И ТУРКИ

Мир-Али-Шир — едва ли не самый блестящий представитель того направления в литературной и вообще культурной жизни турок, которое связано с полным их подчинением влиянию персидской мусульманской культуры. Из труда Махмуда Кашгарского⁵ мы узнали, что у турок даже после принятия ислама была

¹ Essai sur la civilisation timouride (JA, t. CCVIII, 1926, p. 193—299).

² Ibid., p. 208. ³ Op. cit., p. 425.

⁴ В моей статье в *المطبعة* стр. 25 и сл. Сведения о Хафиз-Абру и его сочинениях с тех пор (в 1915 г.) были изложены мною в статье, вполне доступной западным ученым (EI II, 225 сл.).

⁵ كتاب ديوان لغات الترك, 3 тома, Константинополь 1333—1335.

своя поэзия, почти совершенно не подвергавшаяся персидскому влиянию, не только народная, но и искусственная; но уже тогда существовала поговорка: „Нет турка без тата, нет шапки без головы“.¹ Сделавшись главными, почти единственными представителями политического и военного элемента в иранском мире, турки тем не менее даже в своих представлениях о своем политическом прошлом подчинились влиянию персидских эпических сказаний о „туранском“ царе Афрасиабе. Турецкие владельцы иранских областей оставались турками по языку, носили турецкие имена и титулы; турецкий язык даже получил распространение среди иранцев; возникали города с турецким населением, и эти города, сначала Кашгар, потом города Хорезма и местности по нижнему течению Сыр-дарьи, становились центрами турецких литературных движений. Но для образованных турок эти произведения рядом с произведениями персидской литературы не имели значения и скоро забывались. Мир-Али-Шир ничего не знал ни о турецких поэтах, ни даже о турецких царях до-монгольского периода; для него даже „султан Тогрул“ (вероятно, имеется в виду первый носитель этого имени, основатель империи сельджукидов) был одним из „сартских“, т. е. по терминологии того времени иранских султанов.²

Монголы принесли с собой новую восточно-азиатскую струю, оказавшую большое влияние на культурную эволюцию турок Средней Азии. Традиции империи Чингиз-хана сделались достоянием турецкого народа, особенно после того, как сами монголы сделались на западе турками, и не могли быть забыты так скоро, как воспоминания о турецких властителях до-монгольского периода. Эти традиции имели значение для всех трех монгольских государств, образовавшихся на западе после распада монгольской империи: государства золотоордынских ханов с центром на Волге, Персии с центром на северо-западе и монгольского государства в Средней Азии, потом, по имени второго сына Чингиз-хана, названного „Чагатайским“. Везде последствием монгольского нашествия было, повидимому, значительное увеличение числа турок, везде рост турецкого нацио-

¹ تتسز ترك بلهاس بشسز ترك بلهاس: لغات II, 224.

² Quatremère, Chrestomathie en Turc Oriental, 1-r fascicule, Paris 1841, p. 33 (محاكمة اللغتين).

нального самосознания, под влиянием блеска монгольской державы, считавшейся турецкой, соединялся с культурным строительством. На восточной окраине золотоордынского государства Ургенч, главный город Хорезма, сделался „одним из самых больших, красивых и значительных турецких городов“, ¹ построенная в первой половине XIV в. в Ургенче ханака Тюрябекханым является одной из лучших построек монгольской эпохи. Еще дальше к востоку, в Барчкенде на Сыр-дарье, происходивший из Адмалыка (около Кульджи) ученый Джемаль Карши ² видел в 672 г. х. (1273—4) богослова Хусам-ад-дина Хāмиди ал-‘Асими Барчынлыги, писавшего стихи на трех языках, причем его арабские стихи были красноречивыми, персидские — остроумными, турецкие — правдивыми. ³ Насколько известно, это первая попытка сравнительной характеристики трех литературных языков мусульманского мира и написанных на них произведений. Уже в IX в., при халифе Ма’муне (813—833), красноречивая форма считалась преимуществом арабской литературы, идеи — преимуществом персидской; ⁴ теперь к этому присоединилось еще признание большей непосредственности и меньшей искусственности турецкой. Со слов братьев Поло, проживших в Бухаре три года (вероятно 1262—1265), Марко Поло описывает Бухару, как „самый лучший город во всей Персии“, ⁵ т. е. в стране, где говорили по-персидски. В „Улугбеке“ я упомянул о строительстве средне-азиатских ханов и потом Тимура и Улугбека в Андижане, Карши, Шахрисябзе и Самарканде, при чем в трех последних городах властители воздвигали постройки для себя, тогда как Андижан был основан, без всяких дворцовых сооружений, исключительно в интересах населения. К сказанному в „Улугбеке“ можно еще присоединить слова анонимного историка начала XV в. (вероятно, Му’ин-ад-дина Натанзи), ⁶ что хан Дува поселил там много народа из всех своих владений, и до сих пор каждый квартал в этом городе

¹ Слова Ибн-Баттуты (В. Тизенгаузен, Сборник материалов к истории Золотой Орды, СПб. 1884, стр. 308).

² О нем ЗВО, XI, 283 и сл.

³ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I, 151.

⁴ Aḥmad ibn abī Ṭāhir Ṭāifūr, Kitāb Baġdād, ed. Keller, 158.

⁵ Путешествие Марко Поло, перевод И. И. Минаева, 6.

⁶ Dawlatshāh, ed. Browne, 371, 15.

называется по имени какого-нибудь определенного народа.¹ Андижан сделался чисто турецким городом: по словам Бабур (родился в Фергане в 1482 г.) в Андижане, в городе и на базаре, не было ни одного человека, который бы не знал по-турецки.² Тот же Бабур говорит, что языком произведений Мир-Али-Шира было андижанское наречие; по всей вероятности, эти слова должны быть поняты в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили „правильно“, т.-е. близко к литературному языку; это видно и из слов Бабур, что андижанское наречие было *قلم بيله راست*. Мир-Али-Шир не был в Андижане и только мимоходом, по поводу своего пребывания в Самарканде, говорит о двух учившихся в этом городе андижанцах.³

Можно было ожидать, что монгольскими ханами и потом Тимуром будет насаждена вне Ирана культурная жизнь, которая бы не уступала иранской; но этого не случилось. По своим культурным достижениям Иран продолжал занимать совершенно исключительное место среди областей, завоеванных монголами; даже историков, которые могли описывать подвиги Чингиз-хана, Тимура и их потомков, создал только Иран; по крайней мере только труды иранских историков (т.-е. труды, написанные в Иране, хотя иногда лицами турецкого происхождения) дошли до потомства, и почти всем, что мы знаем о событиях, происходивших в Туркестане от начала XIII до конца XV вв., мы обязаны историкам, писавшим в иранских городах.

II

ГЕРАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Известно, что Тимур построил вокруг Самарканда селения, которым дал названия Султания, Шираз, Багдад, Димишк (Дамаск) и Миср (Каир), желая этим наглядно изобразить превосходство Самарканда над всеми другими городами. В число этих

¹ Аноним Искендера, рукопись АМ, л. 245 б: *دران خطه از مجموع ممالك خوزى (sic.) غلبه تمام بياورد و تا امروز هر محله دران شهر بقومى مخصوص منسوبست*.

² GMS, I, 26. ³ 28a. *مجالس*

городов не вошел Герат; Тимур не предвидел, что именно этому городу было суждено сделаться в близком будущем счастливым соперником Самарканда даже в политическом отношении.

Каковы бы ни были намерения Тимура, обстоятельства сложились так, что им был нанесен непоправимый удар главному центру вне-иранской культуры, Хорезму, и в то же время созданы условия, давшие возможность если не всем, то многим местностям Ирана быстро оправиться от произведенных Тимуром опустошений и избиений. Часто высказывавшееся европейскими учеными¹ представление о последствиях произведенных Тимуром опустошений не соответствует действительности; рассказы Клавиho, проезжавшего через Персию в последний год жизни Тимура, наглядно показывают, что северная Персия в то время не производила впечатления опустошенной и безлюдной страны. В отдельные города назначались правителями сыновья и внуки Тимура, что уже само по себе должно было способствовать их восстановлению. Каждый царевич старался поднять блеск своего двора, пользуясь для этого не только местными, но и среднеазиатскими культурными элементами. Турецкие поэты были не только в Герате, но и в Ширазе.²

Герат издавна был большим городом, но в до-монгольскую эпоху не был столицей какой либо династии; некоторым вниманием он пользовался со стороны гуридов (XII — XIII вв.). В монгольскую эпоху в нем возникла происходившая от гуридов династия куртов, едва ли не первая династия иранского происхождения, вновь возникающая после монгольского нашествия. После распада монгольской державы в Персии гератский владетель Муызз-ад-дин Хусейн (1331—1370) сделался самостоятельным государем и старался подчинить себе другие местности Хорасана. Когда в Туркестане одержала верх турецкая военная сила, в лице чагатайских беков, то в Герате, по географическим причинам, раньше всего должно было произойти столкновение между двумя элементами, необходимость синтеза которых, хотя и смутно, сознавали деятели эпохи тимуридов, в том числе Мир-Али-Шир: иранской городской культуры и ту-

¹ Особенно A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, II, 268 и сл., где делается некоторое исключение только для „ostpersische Provinzen“.

² Dawlatsháh, I, c.

рецких военных традиций.¹ Известно,² что с гератским владетелем воевал уже первый из чагатайских беков, Казаган (1346—1358), которому приписывается презрительный отзыв о Хусейне как „таджике, предъявлявшем притязания на султанство“.³ Перед битвой с владетелем Герата Казаган указал своим приближенным на невыгодность избранной Хусейном позиции и при этом заметил: „Этот таджик не знает военного искусства“.⁴ Чагатаи нанесли поражение войску Хусейна, но не могли взять укрепленный город. После этого отношения между чагатаями и куртами были то более, то менее дружественными, до взятия Герата Тимуром (1381), низложения династии куртов (1383) и истребления ее представителей (1389).

✓ После этого Герат сделался местопребыванием управлявших Хорасаном сыновей Тимура, сначала Мираншаха, потом, с 1397 г., Шахруха. В состав наместничества Шахруха, кроме Хорасана, входили Сеистан и Мазандеран. Меньше всего могло быть востановлено благосостояние Сеистана, где Тимур в 1383 г. разрушил известную „плотину Рустема“.⁵ Как при Тимуре, так и при Шахрухе Сеистан несколько раз восставал против чагатайской власти и вновь подвергался опустошению. Мазандеран был соединен в одно наместничество с Хорасаном еще при чингизидах; по словам Хамдаллаха Казвини,⁶ Хорасан, Кухистан, Кумис, Мазандеран и Табаристан составляли при монголах как бы особое государство, доходам которого велся особый счет, с выделением их из общей суммы доходов персидской монгольской державы. По всей вероятности, этот факт должен быть объяснен условиями кочевой жизни: стоявшие в Хорасане монгольские отряды уходили на зиму к берегу Каспийского моря; о таких передвижениях часто упоминается в истории Тимура и Шахруха.

✓ Последствием смут, происходивших после смерти Тимура,

¹ Из любопытного сопоставления персов с турками в *محاكمة اللغتين* видно, что Мир-Али-Шир питал надежду, что турки и в культурном отношении затмят персов. Несколько наивно автор видит превосходство турок перед персами в том, что каждый турок знает по-персидски, тогда как почти ни один перс не знает по-турецки.

² Улугбек, 12.

³ ZN, I, 32 *تاجیک را چه راه آن باشد که دعوی سلطنت کند*.

⁴ ZN, I, 34: *این تاجیک رسوم جنک و پیکار نمی داند*.

⁵ В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб. 1903, 48.

⁶ GMS, XXIII, I, 147.

✈ был переход значения столицы империи Тимура от Самарканда к Герату. Тимуриды должны были вести войны не только между собой, но и с представителями династий, устранившихся Тимуром; одной из них, западно-турецкой династии туркменов Черного барана, удалось не только прочно восстановить свое государство, но даже расширить его пределы по сравнению с теми, которые оно занимало до походов Тимура. После трех походов Шахруха на запад владетелем Азербайджана был признан сын воевавшего с Тимуром Кара-Юсуфа, Джеханшах (1436). В остальной Персии потомки трех старших сыновей Тимура, Джехангира, Омар-шейха и Мираншаха, постепенно были заменены сыновьями Шахруха, из которых Улугбек с 1409 г. правил в Самарканде, Ибрагим-Султан с 1414 г. в Ширазе, Суюргатмыш с 1418 г. в Кабуле, Газне и Кандагаре. Один из сыновей Шахруха, Байсункар, более всех других усвоивший персидскую образованность, остался в Герате, где считался везиром своего отца и вместе с ним способствовал блеску его столицы. Для одного из малолетних сыновей Байсункара, Султан-Мухаммеда, в 1442 г. было создано новое государство в средней Персии, с городами Султанией, Казвином, Рейем и Кумом.¹

В общем такое распадение было благоприятно для восстановления и дальнейшего развития культуры. Не только в столице, но и в других городах могли быть сделаны достижения, которыми потом воспользовался весь иранский культурный мир. Абд-ар-Реззак в рассказе о смерти Ибрагим-Султана (1435) ставит ему в особенную заслугу, что благодаря его покровительству мог закончить свой труд по истории Тимура (Зафер-намэ) Шереф-ад-дин Иезди, „изящнейший (писатель) в мире и благороднейший человек в Иране“.² Этот труд, переведенный при узбеках одним бухарцем на турецкий язык,³ обращал на себя внимание турок и при тимуридах; поэт Лутфи, которого Мир-Али-Шир предпочитает всем своим предшественникам,⁴ составил стихотворный перевод Зафер-намэ; этот труд (более 2000 стихов) не был переписан набело и потому не получил известности.⁵

¹ Абд-ар-Реззак, л. 257 б. ² Id., л. 245 б: الطف جهان واشرف ايران.

³ ЗВО, XV, 257. Рукопись этого перевода, на сколько мне известно, имеется только в Константинополе (نور عثمانیه 3268).

⁴ محاکمه в Chrestom., 34. О Лутфи еще Улугбек, 113. ⁵ مچالسى, 29 а.

Сосредоточение власти в руках членов семьи Шахруха не могло способствовать политической устойчивости; сыновья и внуки Шахруха вступили в борьбу между собой; произошло дальнейшее сокращение государства тимуридов; в оставшихся под властью тимуридов областях власть перешла к потомкам Омаршейха и Мираншаха. Еще сам Шахрух в 1446 г. был вынужден совершить поход на запад против своего внука Султан-Мухаммеда,¹ захватившего Исфахан и осадившего Шираз. Царевич бежал; к числу его советников, привлеченных к ответственности Шахрухом, принадлежал историк Шереф-ад-дин, считавшийся самым близким к царевичу лицом и везде сопровождавший ему; ему приписывались стихи, где говорилось, что старик должен уступить место молодому; он же будто бы успокаивал царевича, что Шахрух на запад не пойдет. На допросе Шереф-ад-дин признал только последнее обвинение и старался доказать, что и тут не было поощрения мятежа, было только ожидание, что Шахрух бережно отнесется к подававшему большие надежды внуку и простит ему его дерзость. Находившийся в войске Шахруха Абд-ал-Лятиф, сын Улугбека, в грубых словах упрекал историка, и потому Шереф-ад-дин был выдан Абд-ал-Лятифу, который только этого и хотел, желая спасти жизнь историку, и тотчас отправил его в Герат. В каталоге Rieu² приводится известие, что Абд-ал-Лятиф уверял, будто Шереф-ад-дин нужен Улугбеку для астрономических наблюдений, и отправил его в Самарканд; у Абд-ар-Резака³ этого известия нет, и, повидимому, Шереф-ад-дин не ездил дальше Герата. Когда Хорасаном на короткое время овладел Султан-Мухаммед (1449), Шереф-ад-дин получил возможность вернуться на запад, поселился около Иезда, в Тефте (там он родился) и прожил там в своей ханаке до своей смерти (1454). Несмотря на его близость к Султан-Мухаммеду, его там навещал в 1452 г. и был им принят брат и убийца Султан-Мухаммеда, Абу-л-Касим Бабур.⁴

¹ Улугбек, 120.² Pers. Man., 173.³ Абд-ар-Резак, л. 270 б.

⁴ Ibid., л. 295 а. Необходимо, конечно, отличать Абу-л-Касима Бабура (умер в 1457 г.) от Захир ад-дина Бабура, основателя империи великих моголов (умер в 1530 г.), но называть их, как иногда делалось, Бабуrom I и Бабуrom II едва ли было бы правильно, так как второй владел совсем другими областями, чем первый.

Несмотря на смуты среди потомков и преемников Шахруха, созданное Шахрухом политическое обаяние Герата оказалось более прочным, чем создававшееся Тимуром обаяние Самарканда. Поход Султан-Мухаммеда на Герат (1449) отчасти был вызван заявлением „начальников (سرداران) Ирака и Луристана“, что они подчинятся тому государю, местопребыванием которого будет „престол султанства Шахруха“.¹ Внук Мираншаха Абу-Са'ид,² владевший Самаркандом с 1451 г., постоянно мечтал о том, чтобы овладеть Гератом и сделать его своей столицей;³ добившись этой цели в 1459 г., он остался в Герате.

Несколько раньше тимуриды лишились западной части Ирана. По словам Абд-ар-Резака, в 1453 г. все западные области Персии от границ Азербайджана до океана, более 80 лет находившиеся под властью династии Тимура (это несколько преувеличено, так как Тимур только в 1380 г. перешел через Аму-дарью), подчинились туркменам.⁴ В 1458 г. Джеханшах даже сделал попытку отнять у тимуридов Герат, но эта попытка не имела успеха, и в 1459 г. был заключен договор, по которому западная Персия должна была оставаться под властью Джеханшаха, Хорасан — под властью Абу-Са'ида.⁵ После смерти Джеханшаха (1467) Абу-Са'ид сделал попытку восстановить господство тимуридов на западе; известно, что за эту попытку он заплатил жизнью (1469). Западная часть Ирана осталась под властью туркмен, только вместо дома Черного барана воцарился дом Белого барана, главными представителями которого были Узун-Хасан (1466—1478) и его сын Я'куб (1479—1490). В то же время окончательно распалось государство тимуридов; Туркестан остался под властью сыновей Абу-Са'ида, Хорасан перешел под власть потомка Омар-шейха, Султан-Хусейна. ✓

Так образовались те государства, вне которых для Мир-Али-Шира, судя по его сочинениям, не было ничего замечательного в культурном отношении: царство туркмен на западе и два

¹ Ibid., л. 286 а: ما تابع فرمان آن پادشاهیم که سرپر سلطنت شاهرخی مستقر دولت او باشد.

² О нем Улугбек, 129 и сл.

³ Абд-ар-Резак, л. 309 б: همیشه در هوای استخلاص و تدبیر تسخیر. Ср. Улугбек, 142, пр. 8.

⁴ Абд-ар-Резак, л. 295 а.

⁵ О договоре ibid., 316 б.

царства тимуридов, хорасанское и самаркандское,¹ хотя ни одно из этих царств не было сплоченным целым; в частности в Хорасане во многих городах были свои „султаны“, враждовавшие между собой, хотя все они принадлежали к одной семье — семье Султан-Хусейна. Что гератская культурная жизнь была выше самаркандской, в этом не могло быть никакого сомнения; менее ясно, насколько тимуридский восток стоял выше туркменского запада. Дошедшие до нас источники преимущественно написаны в государстве тимуридов и, конечно, не беспристрастны в своих отзывах о туркменах; но некоторые из таких отзывов, приводившиеся в европейской научной литературе,² опровергаются свидетельством других источников, тоже тимуридских, но менее пристрастных.³ Довольно благоприятен также отзыв Мир-Али-Шира о своем современнике, султани Я'кубе.⁴

III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ МИР-АЛИ-ШИРА.

Мир-Али-Шир родился в Герате в 844 г. х. (1440—1). Его семья, по словам Хондемира,⁵ стояла близко к дому тимуридов, в частности к потомкам Омар-шейха, с которыми семью Мир-Али-Шира связывали отношения молочного братства (کوکلتاشی). Это слово обыкновенно толкуется в словарях как коңулташ — „молочный брат, молочная сестра“; но слышавшие его непосредственно передают его через „кукельташ“. Известно, что с именами лиц, носивших прозвание „кукельташ“, связано в Туркестане большое число построек узбекского периода. Слово

¹ Ср. *مجالس* л. 316, выражение *خراسان و سمرقند ملكی دا*.

² Напр., отзыв о Джеханшахе у Бува (JA, CCVIII, 270: „athée notoire, débauché et cruel“).

³ Ср. отзыв о правлении Джеханшаха у Абд-ар-Реззака, л. 331а: *مملکت ازبایجان بحسن عنایت و لطف عاطفت میرزا جهانشاه در غایت معموری و آبادانی بود و آن پادشاه نیکو خواه بعدل و داد و تعمیر بلاد و توقیر عباد اهتمام تمام می نمود و دار الملک تبریز بوفور رعیت و ظهور رفاهیت غیرت فزای مصر جامع و فروغ بخش خورشید لامع شد الخ*.

⁴ *ترکمان سلاطینی دا اینینک دیک پسندیده ذات لیغ*: 786 *مجالس*.
وجیده صفات لیغ ییکیت از بولغای.

⁵ 217. *حبیب السیر*.

„кукельташ“ не присоединяется к имени Мир-Али-Шира, но присоединяется к имени его брата Дервиш-Али.¹

Принадлежа к знатной служилой аристократии, Мир-Али-Шир был по рождению „эмиром“ (отсюда слово „мир“ в начале его имени, утвердившееся в литературе; правильное было бы называть его просто Али-Шир; у Бабура — Али-Шир-бек), „беком“ или (по-монгольски) „нойоном“,² независимо от того, занимал ли он какую-нибудь должность. Из более отдаленных предков Мир-Али-Шира в статье Белена³ упоминается, по Сам-мирзе, дед его матери Бу-Са'ид Ченг, один из главных эмиров дивана мирзы Байкара, деда Султан-Хусейна. О своем отце Мир-Али-Шир, как мы увидим, говорит несколько раз, но не называет его имени; Белен заимствует это имя или прозвание — Кичкине-бахадур („малый богатырь“) — из турецкого источника XVII в. В одном из рассказов Хондемира⁴ отец Мир-Али-Шира носит имя Гияс-ад-дин Кичкине. Близость самого Мир-Али-Шира к династии выразилась в том, что он был школьным товарищем Султан-Хусейна; об этом говорит уже Бакур,⁵ хотя ранними источниками, повидимому, не подтверждается приведенное у Белена анекдотическое известие, будто мальчики с самого начала обещали друг другу „de ne point s'oublier, si plus tard la fortune venait à sourire à l'un d'eux“ — анекдот, повидимому, столь же мало достоверный, как известный рассказ, „полный анахронизмов“, о школьных товарищах XI — XII в.⁶ В данном случае анахронизма нет, и самый факт товарищества хронологически возможен; Султан-Хусейн родился в 1438 г.,⁷ т.е. был только года на два старше Мир-Али-Шира. Не исключена в данном случае и возможность совместного обучения подданного с царевичем. Мирзе Байкара при смерти Тимура (1405) было 12 лет;⁸ он лишился политической власти в 1415 г.; Шахрух послал его в Кандагар, где он интриговал против местного владетеля, царевича Кайду, и за это был подвергнут заключению; Шахрух

¹ Напр., *امير نظام الدين درويش علی* 249 наверху *حبیب السیر* کوکلتاش.

² Слово „нойон“ при имени Мир-Али-Шира, напр., у Даулетшаха, 14, 7.

³ Notice, 180. Ср. Никитский, 35. *حبیب السیر* 179.

⁴ GMS, I, 1706: *نچیک لیکی دا هم مکتب ایکاندور*.

⁵ Напр., В. А. Жуковский в *المظفریة*, 326.

⁷ Мухаррам 842 (*حبیب السیر*, 203). ⁸ ZN, II, 734.

сначала велел отправить его в Индию, потом, когда сам решил идти в Кандагар, отменил свое решение; Байкара́ был доставлен к войску Шахруха, который послал его в Самарканд (1417),¹ повидимому, вскоре после того он был убит.² Его сын Гияс-ад-дин Мансур мог быть в год смерти отца только малолетним; Мансур, проживший до 849 г. (1445—6), жил в Герате, повидимому, частным человеком, может быть, даже терпел нужду, как сын Мираншаха Сиди-Ахмед, обращавшийся к Шахруху в стихах с настоятельными просьбами о материальной поддержке;³ известно, что сын Сиди-Ахмеда впоследствии был женат на сестре Султан-Хусейна. Правда, дом в северо-восточной части Герата, где родился Султан-Хусейн, назывался и впоследствии „дворцом“ (دولتخانه), так что можно думать, что благосостояние семьи Мансура было несколько выше и что, породнившись с этой семьей, семья Сиди-Ахмеда извлекала из этого пользу.

Школьное учение Мир-Али-Ши́ра было рано прервано событиями; во время смут, вызванных смертью Шахруха, его отец, по рассказу сына, счел нужным „с большой толпой людей“⁴ бежать из Хорасана в Ирак. Рассказ Мир-Али-Ши́ра об этом путешествии и о встрече в Тефте с Шереф-ад-дином Иезди вызывает некоторые хронологические затруднения: Шереф-ад-дин поселился в Тефте, как мы видели, только в 1449 г., следовательно, Мир-Али-Ши́ру во время этой встречи было не около шести лет, а несколько больше. Несколько странным кажется выбор стихов, написанных историком для мальчика: „Суфий, не осуждай поклоняющихся вину кутил, потому что в чаше — луч от отражения друга“. Самый факт прихода каравана в Тефт и посещение им ханаки Шереф-ад-дина не вызывает удивления; вполне естественно, что автор истории Тимура пользовался некоторой популярностью на востоке. Кроме Султан-Мухаммеда и Абу-л-Касима Бабура, Шереф-ад-дин принимал у себя царе-

¹ Об этом Абд-ар-Реззак, л. 205 а, 209 а и сл. „Notices et Extraits“ XIV¹, 279 и сл. До рассказа о судьбе царевича в Кандагаре изложение в „Notices et Extraits“ не доходит.

² Dawlatsháh, 374 и сл.

³ Улугбек, 70.

⁴ مجالس 146: جماعت كثير بيله. Текст приведен также в статье Исмаил-Хикмета (7 نوای).

вича из более далекой страны, Моголистана,¹ будущего хана Юнуса, хотя рассказ об этом нашего единственного источника, „Тарихи-Рашиди“ Мухаммед-Хайдера, полон хронологических противоречий.² Говорится, что Юнус родился в 818 или 819 г. (1415—1417),³ попал в плен к Улугбеку 16-ти лет, причем, однако, указывается 832 г. (1428—1429), был послан к Шах-руху и оттуда дальше на запад, к Шереф-ад-дину, у которого учился в Иезде 12 лет до его смерти; между тем историк прожил до 1454 г. По словам Захир-ад-дина Бабура,⁴ Юнус прибыл в Шираз к Ибрагим-Султану за 5—6 месяцев до его смерти, т. е. осенью 1434 г., пробыл в Ширазе 17—18 лет и был нукером младенца Абдуллы (родился в 1433 г.); о том, что Юнус был учеником Шереф-ад-дина, Бабур не упоминает. По Мухаммед-Хайдеру,⁵ Юнус благодаря Шереф-ад-дину слелался самым образованным человеком, который когда-либо жил среди моголов, раньше и после.

Уже в начале 1450-х годов порядок во владениях тимуридов мог считаться до некоторой степени восстановленным. В Самарканде с 1451 г. правил Абу-Са'ид; в Герат в понедельник 28 августа 1452 г.⁶ вернулся Абу-л-Касим Бабур после неудачного похода на запад, из-за которого он едва не лишился только что завоеванного Хорасана. В 1454 г. Бабур сделал неудачную попытку овладеть Самаркандом; после заключения договора с Абу-Са'идом он 25 декабря⁷ того же года вернулся в Герат.

Приведенные даты имели значение в жизни Султан-Хусейна, может быть также Мир-Али-Шира и его семьи. По Хондемиру⁸ Султан-Хусейну было 14 лет, когда он, посоветовавшись со своей матерью, поступил на службу к Бабуру, следовательно это было в 1452 г., вероятно после 28 августа. Султан-Хусейн принял участие в походе 1454 г., но не вернулся с Бабуrom в Хорасан, а остался у Абу-Са'ида; вероятно, он поступил так не один, а вместе с другими царевичами из потомства Омар-шейха. На это указывают дальнейшие происшествия. Произошло восстание двоюродного брата Султан-Хусейна, Султан-Увейса,

¹ Об этом термине Улугбек, 11.

² Ibid., 89.

³ Tarikh-i-Rashidi, p. 84 и 115.

⁴ GMS I, 10.

⁵ Tarikh-i-Rashidi, 85.

⁶ Дата у Абд-ар-Резака, л. 295 а: 12 ша'бана 856.

⁷ Дата у Абд-ар-Резака, л. 300 б: 4 мухаррема 859.

⁸ حبيب السير 204 наверху.

сына Мухаммеда; это вызвало в Абу-Са'иде подозрение против всех царевичей; Султан-Хусейн и с ним 13 человек его родственников были заключены в самаркандскую цитадель. Когда весть об этом дошла до Герата, мать Султан-Хусейна, Фируза-бегум, дочь известного внука Тимура Султан-Хусейна, убитого в 1405 г.¹ (очевидно, от этого деда царевич Султан-Хусейн получил свое имя), отправилась в Самарканд просить за сына; по своей матери она была внучкой Мираншаха, двоюродной сестрой Абу-Са'ида; просьба ее была исполнена, Султан-Хусейн был выпущен и вновь поступил на службу к Бабуру.

✓ По словам Хондемира,² одновременно с Султан-Хусейном поступил на службу к Бабуру Мир-Али-Шир. Не сказано, идет ли речь о первом приходе Султан-Хусейна к Бабуру или о втором; более вероятно последнее, тем более, что по словам Сам-мирзы³ (автора антологии تحفة سامی, сына шаха Исмаила) отец Мир-Али-Шира находился некоторое время на службе у Абу-Са'ида — вероятно, одновременно с Султан-Хусейном. Самый ранний историк, говорящий об этих событиях, Абд-ар-Реззак, ничего не знает о первом приходе к Бабуру Султан-Хусейна; говорится только,⁴ что Султан-Хусейн по приказанию Абу-Са'ида был заключен в самаркандскую цитадель, провел в заключении долгое время (مدت مدید), потом получил свободу и отправился к Бабуру, который назначил ему щедрое содержание — 100.000 кебекских динаров. Известно, что кебекский динар (названный так по имени чагатайского хана Кебека, 1318—1326)⁵ был серебряной монетой весом в два золотника; турки вместо слова „динар“ употребляли слово алтун⁶ (алтын), часто встречающееся в этом смысле у Мир-Али-Шира.⁷ Если приравнять золотник серебра к 25 коп., то содержание Султан-Хусейна составляло на наши деньги 50.000 рублей.

✓ По словам Даулетшаха,⁸ на службе у Бабура находился отец Мир-Али-Шира, турок, но образованный человек, старав-

¹ Улутбек, 56. ² حبيب السیر 217.

³ Белен в „Notice“ 180. Никитский, 35. Отец Мир-Али-Шира носит у Сами-мирама имя جهانر.

⁴ Абд-ар-Реззак, л. 308 б. Известно, что Абд-ар-Реззак родился в Герате в 1413 г., умер там же в 1482 г. См. его биографию в EI I, 67 и сл.

⁵ Улутбек, 9.

⁶ Dawlatsháh, 373 наверху.

⁷ مجالس 52 а, 56 б, 58 а.

⁸ Dawlatsháh, 495.

шийся дать возможно лучшее образование своему сыну; этот сановник будто бы был при Бабуре правителем государства,¹ что едва ли соответствует действительности, иначе об этом упоминалось бы у историков. Из слов самого Мир-Али-Шира² видно, что его отец занимал при Бабуре более скромную должность хакима известного центра шиитства, города Себзеvara (у Белена это известие не приводится). Об этом говорится в биографии себзеvarца Мир-Шахи, популярного в свое время поэта; настоящее его имя было Мир-Ак-Мелик; когда-то он был приближенным царевича Байсункара (умершего в 1433 г.). Мир-Али-Шир не имел случая его видеть, но имел с ним переписку (اعلام وارسال). Повидимому, в одно и то же время „царь“ послал отца Мир-Али-Шира хакимом в Себзеvar, и астрабадский хаким вызвал Мир-Шахи к себе; поэт умер в Астрабаде, его тело было привезено в Себзеvar, торжественно встречено населением и похоронено рядом с могилами его предков. По словам Хондемира³ Мир-Шахи умер в Астрабаде в 857 г. (1453); если так, то если не сам Мир-Али-Шир, то его отец находился не службе у Бабура еще до прибытия из Самарканда Султан-Хусейна; „переписка“, о которой упоминает Мир-Али-Шир, была перепиской ребенка со стариком. Подобно всем себзеvarцам Мир-Шахи был шиитом, что не помешало ему сделаться приближенным Байсункара; поэт разошелся с царевичем только потому, что не хотел в угоду царевичу отказаться от своего поэтического прозвания, которое Байсункар хотел присвоить исключительно себе. Поэт после этого старался умиливать царевича стихами, но, повидимому, безуспешно.

По поводу этих шиитских связей может быть поставлен вопрос о вероисповедании самого Мир-Али-Шира. Белен⁴ видит в самом имени „Али-Шир“ достаточное доказательство, что он был шиитом (употреблено не совсем удачное выражение:⁵ „appartenait au rite orthodoxe de la Perse“); но Бабур⁶ называет

¹ مدبّر ملک و کافی دولت.

² ملك پادشاهی اتامی حکومت رسمی بیلده سبزوارغه: 13 a. مجالس
یباریب ایدردی.

³ 150. حبيب السیر. ⁴ Notice, 219.

⁵ Повторено без критики Исмаил-Хикметом (نوایی, 30).

⁶ GMS, I, 1646 наверху.

Мир-Али-Шира среди людей, по совету которых Султан-Хусейн отказался от шиитства. По всем признакам, вражда между суннитами и шиитами при Тимуре и его династии не имела того резкого характера, который она приняла в XVI в., при узбеках и династии шаха Исмаила. Суннитом, но без резкой вражды к шиитам был и первый покровитель Мир-Али-Шира, султан Бабур.¹ По словам Даулетшаха, Мир-Али-Шир уже тогда был „двуязычным“ поэтом, т.-е. писал стихи по-турецки и по-персидски, и эти стихи нравились Бабуру. О каком-либо участии Мир-Али-Шира в государственных делах в это время, конечно, не могло быть речи. Есть известие (у Сам-мирзы), что Бабур полюбил Мир-Али-Шира и смотрел на него как на сына.

В источниках не указывается точная дата, когда Султан-Хусейн вторично прибыл к Бабуру. Во всяком случае это произошло до октября 1456 г.; в начале этого месяца Бабур отправился из Герата в Мешхед, куда прибыл 14-го числа,² причем с ним были и Султан-Хусейн, и Мир-Али-Шир, так что заключение Султан-Хусейна в самаркандской цитадели не могло быть так продолжительно, как уверяет Абд-ар-Реззак. Бабур провел в Мешхеде зиму и там же умер в марте 1457 г.³

После смерти Бабура друзья расстались на целых 12 лет. Для Мир-Али-Шира эти годы были годами книжного учения, сначала в Мешхеде, потом в Герате и Самарканде, для Султан-Хусейна, по выражению его современников, в том числе Мир-Али-Шира,⁴ годами „казачества“.

В первые годы молодой царевич еще не решался выступать с самостоятельными притязаниями и во время смут, происшедших в Хорасане после смерти Бабура, старался примкнуть к тому или другому претенденту. Повидимому, тотчас после смерти Бабура он отправился в Мерв к одному из них, мирзе Санджару, которому Бабур в начале 1455 г. дал в удел Мерв, Махан

¹ Абд-ар-Реззак, 306 а, внизу, приписанные Бабуру слова по поводу чеканенной в его царствовании шиитской монеты: هر کس هر نوع اعتقاد دارد گو می دار من بر طریقه سنت و جماعت ثابتم و مذهب ابو حنیفه دارم.

² Дата у Абд-ар-Реззака, л. 304 б (14 зу-л-ка'да 860).

³ Ibid., л. 305 б (вторник 25 раби' II 861, вероятно 22 марта).

⁴ (قزاق لیق) 12 6 , مجالس .

и Джам.¹ Во время движения Бабура из Герата в Мешхед в октябре 1456 г. жители Джама жаловались ему на несправедливое управление назначенных Санджаром лиц; Бабур оставил эти жалобы без внимания.² После смерти Бабура Санджар не обнаружил желания подчиниться ни его одиннадцатилетнему сыну (единственному) Шах-Махмуду, ни другому внуку Байсункара, при Бабуре находившемуся в заключении, Султан-Ибрагиму (сыну Ала-ад-Дауля). Санджар хорошо принял Султан-Хусейна и выдал за него свою дочь, Бике-Султан-бегум; по этому случаю были даны почетные одежды „казиям, вельможам (اعيان), эмирам и нойонам“;³ от этого брака родился старший сын Султан-Хусейна, Бади'-аз-заман. Впоследствии, находясь на престоле, Султан-Хусейн развелся с этой подругой своих юных дней, и для царицы эта разлука имела, судя по словам Хондемира, характер трагедии.⁴ Она ставила себя „по своему высокому происхождению“ выше других жен Султан-Хусейна и всякий раз, как Султан-Хусейн оказывал одной из них особенное внимание, приходила в гнев; этим она довела Султан-Хусейна до того, что он развелся с ней, и царица проводила дни „в крайней печали“ до своей смерти, последовавшей в 893 г. (1488). Погребена она была по-царски, при участии „Бади'-аз-замана и всех царевичей“ (но не султана), в построенном ею (и названном по имени сына) медресе Бади'и. Бабур смотрит на это событие менее трагически и находит, что прав был Султан-Хусейн:⁵ „Дурная женщина в доме хорошего мужчины, это — предвкушение ада уже в здешнем мире“.

Молодой царевич приобрел доверие тестя; когда Санджар летом 1457 г.⁶ отправился в Мешхед, он поручил Мерв Султан-Хусейну. Произошло столкновение между царевичем и главным вельможей, арлатом Хасаном (причиной столкновения будто бы было коварное намерение вельможи схватить Султан-Хусейна); Султан-Хусейн овладел Мервом, потом был оттуда вытеснен, действовал на Мургабе выше Мерва до Меручака, провел зиму

¹ Абд-ар-Реззак, 301 а. О Санджаре и его отношении к Султан-Хусейну ср. еще В. Жуковский, Развалины Старого Мерва, СПб. 1894, стр. 69 и сл.

² Абд-ар-Реззак, 304 а.

³ حبيب السير 204 (там же другие данные о молодости Султан-Хусейна).

⁴ Ibid., 245. ⁵ GMS, I, 169, наверху (حق ميرزا جانبی ایدی).

⁶ Перед этим упоминается ша'бан 861 г. (июнь — июль).

в пустыне между Мервом и Хивой, весной 1458 г. был на Теджене, где, по выражению Хондемира, одержал свою первую победу (о ней упоминает и Абд-ар-Реззак):¹ им было произведено нападение на отряд Баба-Хасана, вытесненного туркменами с берегов Гюргена и шедшего через Абиверд на соединение с Санджаром; Баба-Хасан был взят в плен и убит, его отряд частью присоединился к Султан-Хусейну. За этой победой в том же году последовали другие — взятие сначала Несā, потом Астрабада, где начальствовал туркменский царевич Хусейн-бек, двоюродный брат Джеханшаха: царевич после взятия Астрабада был повешен.² Стараясь создать для себя легальное положение, Султан-Хусейн из Несā вступил в переговоры с Санджаром, из Астрабада с Абу-Са'идом. Первая попытка, как и следовало ожидать, встретила отпор с самого начала, Абу-Са'ид вел переговоры до тех пор пока не заключил мира с Джеханшахом, потом подверг заключению присланного Султан-Хусейном посла и обнаружил намерение отнять у него Астрабад; после этого отношения между Абу-Са'идом и Султан-Хусейном до конца оставались враждебными.

В 1459 г. на Гюргене был в качестве посла Абу-Са'ида историк Абд-ар-Реззак. Весной 1459 г.³ враги Абу-Са'ида были разбиты при Серахсе (среди них был Санджар, убитый после сражения по приказанию Абу-Са'ида); один из отрядов бежал к Султан-Хусейну в Астрабад, но не был принят, и находившийся во главе его царевич был убит. Султан-Хусейн стал чеканить монету с именем Абу-Са'ида и вместе с Абд-ар-Реззаком отправил в Герат своего посла, который и был принят, хотя война с туркменами давно кончилась, так что рассказ Хондемира о причинах разрыва между Абу-Са'идом и Султан-Хусейном не соответствует действительности. Более доверия заслуживает рассказ Абд-ар-Реззака, по которому действия Абу-Са'ида против Султан-Хусейна были вызваны грабительскими набегами из Мазандерана на Хорасан, причем грабители доходили до Себзеvara и Нишапура.⁴

¹ Абд-ар-Реззак, 318 б.

² Так Абд-ар-Реззак, 319 а.

³ В середине джумада I 863 (ibid. 318 а).

⁴ Абд-ар-Реззак, л. 321 б. По Хондемиру (208 наверху) отряды сначала действовали против „арабов“ в Бияр-Джуменде; их вторжение в хорасанские области произошло неожиданно для Султан-Хусейна и против его воли.

Султан-Хусейну, следовательно, принадлежала инициатива враждебных действий, которые с тех пор несколько раз возобновлялись и часто принимали характер разбойничьих нападений. Известно, что один из эпизодов этой борьбы представляет большой историко-географический интерес, именно бегство Султан-Хусейна из Астрабада на север, в Хорезм, в 1460 и вторично в 1461 г., причем оба раза говорится о переправе через Аму-дарью (в рассказе о первой переправе говорится о лодках) там, где теперь проходит сухое русло Узбой.¹ Столь же необычным фактом была морская прогулка Абу-Са'ида весной 1460 г. после взятия Астрабада. Через несколько дней после занятия Астрабада Абу-Са'ид отправился к берегу моря, оттуда отплыл сначала на лодке, потом пересел на большой корабль (کشتی بزرگ), и совершил прогулку по морю, продолжавшуюся с утра до вечера.²

Абу-Са'ид оставил в Астрабаде своего третьего сына, малолетнего Султан-Махмуда (он родился в 1453 г.).³ Уже в 1461 г. Султан-Хусейн воспользовался затруднениями Абу-Са'ида в Туркестане, чтобы в конце мая⁴ снова овладеть Астрабадом, оттуда предпринять поход через Себзевар, Нишапур и Серахс на Герат и осадить столицу. Им были приняты меры, чтобы помешать переправе войска Абу-Са'ида через Аму-дарью; разумеется переправа все-таки состоялась; в октябре⁵ Султан-Хусейн был вынужден снять осаду и вернуться в Мазандеран, оставив гарнизон в Серахсе, который потом сдался Абу-Са'иду. При приближении войска Абу-Са'ида Султан-Хусейн снова бежал в Хорезм, где ему постепенно удалось овладеть всей областью, со включением Хивы, где жители восстали против назначенного Абу-Са'идом наместника. Снова говорится о действиях Султан-Хусейна в Хорасане в 1464 г.; он быстро прошел через Несā, Абиверд, Мешхед, Туршиз и Тун, совершая везде грабежи и избиения.⁶ Несмотря на победу одержанную им при Туршизе

¹ ЗВО, XIV, 026 и сл. 1464 г. в ЗВО, 027 указан ошибочно.

² Абд-ар-Реззак, л. 322 б.

³ Бабур (GMS, I, 25 б, 857 г.).

⁴ По Хондемиру 209 в середине ша'бана 865.

⁵ Мухаррем 866 г. (Абд-ар-Реззак, 327 б.). Осада началась в понедельник 31 августа (24 зу-л-ка'да ibid., 326 б.).

⁶ Абд-ар-Реззак, 333 а, наверху: و لشکر او هر چه یافتند گرفتند. Хондемир بلوازم نهب و تاراج اقدام فرمودند و از مخالفان 212: حبیب السیر هر کسی دیدند بقتل رسانیدند.

(он сам рассказывал Хондемиру, что в этой битве им лично было ранено до 15 человек), он должен был вернуться в Хорезм, где тоже не удержался. Власть в Хорезме перешла к эмиру Нур-Са'иду, потомку прежнего владетеля Хорезма, Шах-Мелика. Нур-Са'ид считался подданным Абу-Са'ида, хотя несколько раз восставал против него. В 1467 г. Султан-Хусейн из страны узбеков вторгся в Хорезм и произвел там опустошения; Нур-Са'ид за проявленные им при защите области упущения лишился власти и потом жизни.¹ В 1468 г.² Султан-Хусейн обратился с просьбой о помощи к узбекскому хану Абулхайру, некогда посадившему на самаркандский престол Абу-Са'ида.³ Хондемир подробно рассказывает о приеме Султан-Хусейна в орде хана, где он пробыл неделю, о спорах по вопросу об этикете и об испытании способности Султан-Хусейна пить вино без опьянения, что значительно подняло его во мнении хана.⁴ Абулхайр был тогда болен параличем и скоро умер, среди узбеков наступили такие смуты, что на помощь от них нельзя было надеяться. Повидимому, Султан-Хусейн был и в более западных областях узбекских владений; его сестра вышла замуж за астраханского хана Ахмеда.⁵ Может быть, имеется в виду известный золотоордынский хан, противник Иоанна III. Впоследствии эта царевна вернулась в Герат к брату с двумя сыновьями и дочерью.⁶

Обстоятельства сложились для Султан-Хусейна так благоприятно, что ему удалось овладеть Хорасаном даже без помощи узбеков: Абу-Са'ид еще в конце февраля 1468 г.⁷ выступил в поход для завоевания западной Персии, который должен был стоить ему жизни. В Герате с осени и всю зиму ждали нападения Султан-Хусейна и принимали меры для защиты города; даже выступил из Самарканда Султан-Ахмед, сын Абу-Са'ида, по Абд-ар-Реззаку с 50000 войска,⁸ но на Мургабе получил известие о гибели отца; сам Султан-Хусейн постарался, чтобы это известие дошло до него. По Хондемиру Султан-Ахмед дошел

¹ Абд-ар-Реззак, 337 б. Мухаммед Салих, Шейбани-намэ, изд. Мелиоранского-Самойловича, СПб. 1908, предисловие и гл. XV, где выражение شهادت جامی.

² О дате смерти Абулхайра см. EI, I, 102.

³ Улугбек, 136 и сл.

⁴ واين معنى موجب ازدياد اعتقاد خان شده: 214 حبیب السیر.

⁵ GMS, I, 164. ⁶ حبیب السیر, 242.

⁷ По Абд-ар-Реззаку (339 а) в начале ша'бана 872 г.

⁸ Ibid., 347 а.

до Андхоя, где к нему присоединился его брат Султан-Махмуд, вернувшийся с остатками войска из Азербайджана и сделавший тщетную попытку утвердиться в Герате; братья решили отказаться от борьбы за Хорасан и вернулись за Аму-дарью. Как быстро шли события, видно из дат, приведенных Абд-ар-Резаком. В пятницу, 10 марта¹ после богослужения распространилось известие о гибели Абу-Са'ида, в четверг 16-го² в город вступил Султан-Махмуд и в пятницу 17-го была произнесена хутба с именем его и Султан-Ахмеда, в следующую пятницу, 24-го, уже была произнесена хутба с именем Султан-Хусейна, за несколько дней до этого Султан-Махмуд покинул город вследствие восстания начальника цитадели Ихтияр-ад-дин. В тот же день 24-го марта произошло вступление в Герат самого Султан-Хусейна. В апреле к нему прибыл Мир-Али-Шир, перед этим находившийся в войске Султан-Ахмеда, в свите полномочного правителя Самарканда Ахмед-Хаджи-бека.

Мир-Али-Шир в 1457 г. остался в Мешхеде и не последовал за Султан-Хусейном ни в Мерв, ни в его дальнейших странствованиях, хотя одним из главных сподвижников Султан-Хусейна был дядя Мир-Али-Шира со стороны матери (таган) Мир-Са'ид, как называет его сам Мир-Али-Шир,³ или эмир Сейид-Ака, как называют его Абд-ар-Резак⁴ и Хондемир.⁵ Он погиб в 1461 г. при сдаче Серахса Абу-Са'иду; сдача последовала на основании договора, и все остальные воины получили пощаду, но этого эмира Абу-Са'ид так ненавидел, что вопреки договору велел его убить; при Султан-Хусейне Сейид-Ака был доверенным лицом.⁶ Он писал турецкие стихи и носил, как поэт, прозвание Кабули; у него был младший брат Мухаммед-Али, по прозвищу Гариби,⁷ тоже турецкий поэт и сверх того музыкант и каллиграф; как и другие родственники Мир-Али-Шира, он принадлежал к числу „старых слуг“ Султан-Хусейна и сверх того за свои личные заслуги пользовался особенным вниманием султана;

¹ 25-го ша'бана 873 (ibid., 343 a).

² 2-го рамазана (ibid., л. 345 a).

³ مجالس 31a; у Белена, Notice, 225 Mir-Saïd, там же oncle paternel, хотя в примечании дано объяснение برادر مادر.

⁴ Абд-ар-Резак, л. 327 б. حبیب السیر, 210.

⁵ Выражения Абд-ар-Резака: از زمره معتبران بود و در کلیات بحسن تدبیر او التفات می فرمود و اهتمام تمام برو داشت.

⁷ У Белена (Notice, 225) Ghourbeti.

впоследствии он ушел от него и был убит в Самарканде убийцей его старшего брата. В последних словах может идти речь только о султани Абу-Са'иде, из чего можно заключить, что и Гариби, и другие родственники Мир-Али-Шира находились на службе у Султан-Хусейна в годы его „казачества“. После эмира Сейид-Ака остался сын¹ Хайдер, красивый и храбрый юноша, подававший большие надежды и в других отношениях, которого, как мы увидим, постигла при Султан-Хусейне еще более печальная участь. Несомненно, что это — тот же Хайдер, по поэтическому прозвищу Сабухи, о котором упоминает сам Мир-Али-Шир.² Он был близким родственником Мир-Али-Шира, смотревшего на него, как на сына; и по отцу и по матери он происходил от давнишних слуг дворца;³ сперва он занимался наукой и писал стихи, потом сделался воином, прославился своим искусством пускать стрелы и ударять мечем, наконец, сделался отшельником; Мир-Али-Шир выражал надежду (как показывают события, не осуществившуюся), что ему еще удастся сделаться уравновешенным человеком.

В том же сочинении Мир-Али-Шира (مجالس النفايس) мы находим вообще много характерных сведений о жизни Мир-Али-Шира и близких к нему лиц; к сожалению, это сочинение, несмотря на указанную в нем дату — 896 г. (1490—1) — не может быть приурочено к определенной эпохе в жизни автора; этой дате не соответствуют некоторые другие места, так современным автору владельцем Самарканда назван сын Султан-Махмуда, Султан-Али-мирза,⁴ правивший в Самарканде короткое время в 1496 г., более продолжительное с 1498 до 1500;⁵ в 1490—1 г. еще были живы не только Султан-Махмуд, но даже его старший брат и предшественник Султан-Ахмед. Замечательно, что о Султан-Хусейне говорится как о покойнике,⁶ из чего видно, что эти слова вообще не принадлежат Мир-Али-Шир и были написаны не ранее как через пять лет после его смерти.

¹ О его происхождении حبيب السیر 282.

² مجالس л. 67 б; у Белена Notice, 225.

³ Характерны выражения انا انادين بو درگاه نينك بايريسى بلکه تنگه سی دور.

⁴ حالا سمرقند ملکی دا سلطنت تختی دا متمکن دور: مجالس, 805.

⁵ Даты напр. у Бабура. ⁶ نور الله تعالی مرقدہ: مجالس, 81a.

Как из сочинения самого Мир-Али-Шира, так и из рассказов о нем видно, что время с 1457 до 1469 гг. было проведено им сначала в Мешхеде, потом в Герате, наконец — в Самарканде; время переезда из Мешхеда в Герат и из Герата в Самарканд не указывается. Мы видели, что он был в Мешхеде и в то время, когда в Хорасане уже установилась власть Абу-Са'ида. Мешхед в эти смутные годы не был, насколько известно, предметом военных действий, хотя войска подходили к нему несколько раз, в том числе весной 1460 г. войско самого Абу-Са'ида.¹ Годы, проведенные Мир-Али Шиrom в Мешхеде, были для Хорасана годами смут, от которых не остался в стороне даже отец Мир-Али-Шира, не находившийся с Султан-Хусейном; в начале 1458 г. он находился в Герате при царевиче Султан-Ибрагиме (правнуке Шахруха) и принимал участие, вместе с отцом историка Мирхонда, в посольстве, отправленном к Абу-Са'иду в Балх.² По Хондемиру³ Мир-Али-Шир отправился потом в Герат к Абу-Са'иду и провел у него несколько дней (روزی چند), не встретил там того внимания, которого ожидал, и потому отправился в Самарканд. По словам Бабура,⁴ Мир-Али-Шир был сослан в Самарканд самим Абу-Са'идом за какой-то проступок (جرعه). Сам Мир-Али-Шир говорит, что он поехал в Самарканд учиться⁵ — для чего в то время из Герата в Самарканд не ездили. Естественно было ездить в Самарканд учиться из Андижана, как сделал упоминаемый тут же Юсуф Бади'и, столь же естественно, что хороший знакомый Мир-Али-Шира Мухаммед Бадахши, происходивший из селения Ишкамиш, тогда причислявшегося к кундузской области, поехал учиться сначала в Самарканд, потом, для пополнения своего образования,⁶ в Герат. Но удаление из Герата в Самарканд должно было рассматриваться как изгнание.

Некоторое значение для освещения этого периода в жизни Мир-Али-Шира, может быть, имеет его рассказ о шейхе Садрад-дине Реваси, необыкновенно красивом и красноречивом чело-

¹ Абд-ар-Реззак 322 б.

² حبيب السیر 179. Абд-ар-Реззак (312 б), рассказывая об этом посольстве, называет только принимавших в нем участие шейхов, не упоминая о светских лицах.

³ حبيب السیر 217. ⁴ GMS, I, 170 б.

⁵ (تحصیل اوجون), 28 а, مجالس.

⁶ Выражение تحصیل ایشی تکمیل قیلور وقتندا (57 а). مجالس.

✓ веке, „пленившем сердце“¹ Мир-Али-Шира; им увлекались и высокопоставленные лица, как шах бадахшанский, сделавшийся мюридом шейха и бравший у него частные уроки (خصوصی درس), и даже „царь того времени“ (زمان پادشاهی), т.-е. султан Абу-Са'ид.²

Из этого рассказа видно, что Мир-Али-Шир находился в Герате при Абу-Са'иде во время пребывания там бадахшанского шаха. Известно, что династия бадахшанских шахов,³ производившая себя от Александра Македонского, была уничтожена Абу-Са'идом. Абу-Са'ид сначала женился на дочери шаха Султан-Мухаммеда и имел от нее сына Абу-Бекра,⁴ впоследствии им было послано войско на Бадахшан; Султан-Мухаммед подчинился добровольно и отправился в Герат, его сын бежал в Кашгар; в Бадахшане был посажен князем мирза Абу-Бекр. Бежавший царевич потом вернулся из Кашгара, Абу-Бекр бежал. Бадахшан пришлось завоевывать снова, после чего Абу-Са'ид велел убить всех представителей династии; по Даулетшаху⁵ это произошло в 871 г. (1466—7). Мир-Али-Шир, не приводя даты, говорит только об убиении шаха, носившего поэтическое прозвище Ла'ли, и его сына Ибн-Ла'ли, причем в последнем случае употребляет такое же выражение, как в рассказе о гибели своих дядей (Ибн-Ла'ли был убит „убийцей его отца“).⁶ Пришельцы из Бадахшана вообще имели некоторое значение в Герате: одному из них, Абд-ас-Самаду Бадахши было поручено писать историю царствования Абу-Са'ида, повидимому в стихах; Мир-Али-Шир имел случай указать ему ошибку в разmere, и это сблизило их.⁷

Из всего этого можно заключить, что Мир-Али-Шир отправился к Абу-Са'иду после 1464 г., когда Султан-Хусейн на время, казалось, совсем сошел со сцены. Завоевание Бадахшана Абу-Са'идом, вероятно, произошло незадолго до этого времени; перед этим шах Султан-Мухаммед еще был в Бадахшане и выдал одну из своих дочерей за Юнус-хана могольского; старшим

¹ Выражение کونکلو منی بسی مید قیلدی (ibid., 166).

² По поводу увлечения шейхом самого царя прибавлено: „о других людях нечего не говорить“ (اوڤا خلایق قه نی یتکای).

³ О ней EI, I, 575. О падении Абд-ар-Реззак, л. 349 а.

⁴ Tarikh-i-Rashidi, 108. ⁵ Dawlatshāh, 453, 80. ⁶ 21 a. ⁷ Ibid.

сыном от этого брака был будущий хан Махмуд, родившийся в 868 (1464) г.¹

При тесном сближении между Мир-Али-Широм и бадахшанцами событие 871 г. могло отразиться на его судьбе; к этому могла присоединиться ревность султана к друзьям красивого шейха. Мир-Али-Шир, не имевший до конца жизни ни семьи, ни потомства, любил, повидимому, красивых молодых людей. Одним из его любимцев, к которому он был привязан, „как к сыну, даже больше“, был происходивший из Мешхеда Хаджи-Мухаммед, „ангел в образе человека“.²

Трудно понять, как вообще Мир-Али-Шир мог ожидать особого внимания со стороны султана, по приказанию которого были убиты его дяди. В Самарканде Мир-Али-Шир нашел двух знатных покровителей, Дервиш-Мухаммед-тархана (сестра этого вельможи была старшей женой Абу-Са'ида, матерью Султан-Ахмеда),³ и Ахмед-Хаджи-бека (впоследствии эти беки во время борьбы за Самарканд в 1496 г. принадлежали к двум различным партиям и оба погибли в этой борьбе).⁴ Об Ахмед-Хаджи-беке Мир-Али-Шир упоминает несколько раз; этот бек получил образование в Хорасане и, несмотря на свое военное поприще, был образованным человеком и сочинил диван стихов⁵ (его поэтическое прозвание было Вефай; Мир-Али-Шир⁶ восстал против принятия этого прозвания другим лицом, находя неправильным присвоение прозвания, уже получившего известность благодаря стихам другого поэта). Ахмед-Хаджи-бек десять лет был хакимом Герата, потом долгое время полновластным правителем Самарканды, заместителем государя; им было построено медресе.⁷

Учителем Мир-Али-Шира в Самарканде был ходжа Фазлулла Абу-л-Лейси, потомок законоведа Абу-л-Лейса; за познания в фикхе его называли вторым Абу-Ханифой, по познаниям в арабском языке считали равным Ибн-Хаджибу (умер в 1248 г.), известному автору учебника الكافي.⁸ У того же ходжи занима-

¹ Tarikh-i-Rashidi, 108. GMS, I, 11 6.

² مجالس 57 6.

³ GMS, I, 18.

⁴ Ibid., 37 и сл.

⁵ مجالس 70 6.

⁶ Ibid., 44 6.

⁷ О медресе مجالس, 32 а.

⁸ Ibid. 15 6: فقدها انى ابو حنيفه ثانى ديارل ايردى وعربيت دا ابن حاجب كفه سيغه توتار ايردى. В переводе Белена (Notice, 185) здесь пропуск, искажающий смысл: „Le khadjè, dit Ali-Chîr, était tellement versé dans la jurisprudence, qu'on le comparait à Ibn-Hâdjib“. Слова о кфэ очевидно, представляют намек на заглавие الكافي. Об Ибн-Хаджибе, Brock. I, 303.

лись еще некоторые другие ученые из современников Мир-Али-Шира: например, Мухаммед Бадахши. Занятия Мир-Али-Шира с ходжей продолжались два года; по приведенным выше данным возможно, что эти два года обнимают все время пребывания Мир-Али-Шира в Самарканде. Мир-Али-Шир жил в ханаке¹ или медресе² шейха Фазлуллы, называвшего его своим сыном.

Самаркандский период в жизни Мир-Али-Шира был единственным, до его поступления на службу к Султан-Хусейну, который получил известность. Это видно из слов Бабура³ об утонченных манерах (так, вероятно, надо понимать слово نزاكات или نازكوك) Мир-Али-Шира; люди объясняли это свойство высокомерием, но несправедливо; эти манеры были ему врождены, и в Самарканде он держал себя почти также.

В 1469 г. Мир-Али-Шир вместе с Ахмед-Хаджи-беком находился в войске Султан-Ахмеда. Белен наивно предполагает, что это могло быть со стороны Султан-Ахмеда мерой предосторожности.⁴ Султан-Ахмед не имел никакого основания опасаться Мир-Али-Шира, если вообще знал о его существовании; с помощью своих покровителей, Мир-Али-Шир мог бы найти доступ к молодому султану, но, повидимому, не нашел этого нужным, может быть потому, что ему было известно, насколько Султан-Ахмед чужд всяких литературных интересов.⁵

Когда подтвердилось известие о вступлении в Герат Султан-Хусейна, Мир-Али-Шир попросил Ахмед-Хаджи-бека отпустить его и отправился в Герат. Никакого доверия не заслуживает рассказ Сам-мирзы,⁶ будто сам Султан-Хусейн обратился к Ахмед-Хаджи-беку с просьбой отпустить к нему Мир-Али-Шира и будто Ахмед-Хаджи-бек обставил это путешествие всей возможной роскошью. Мир-Али-Шир прибыл в Герат без пышности и только в Герате ему удалось, благодаря возобновлению дружбы с государем, сделаться влиятельным лицом.

В день байрама (14 апреля) Мир-Али-Шир поднес Султан-Хусейну свою касиду هلايه, которую султан вполне одобрил. Совершенно невероятно, чтобы эта касида была первым произ-

¹ Так Хондемир, حبيب السير 217.

² Так у Белена, верно по Сам-мирзе (ср. Никитский, 36).

³ GMS, I, 170 б. ⁴ Notice, 186 (mesure de précaution). ⁵ Улугбек, 145.

⁶ Белен, Notice, 186 и сл. Никитский, 36, где снаряжение (вероятно, по ошибочному переводу) приписывается самому Султан-Ахмеду.

ведением Мир-Али-Шира и чтобы он, например, к Абу-Са'иду явился с пустыми руками; но никакие более ранние произведения Мир-Али-Шира нам не известны, даже по заглавию. Даже турецкий диван Мир-Али-Шира, распределенный по четырем возрастам (детство, юность, средний возраст, старость),¹ т.-е. заключающий в себе произведения детства и юности, не содержит, насколько известно до сих пор, никаких обращений ни к Абу-л-Касиму Бабуру, ни к Абу-Са'иду. Очевидно, поэт имел причины связать свою славу исключительно со славой Султан-Хусейна, скрыв или уничтожив сочиненное им раньше.

IV

МИР-АЛИ-ШИР И СУЛТАН-ХУСЕЙН ДО ПЕРВОЙ РАЗМОЛВКИ

(1469—1487)

Мир-Али-Шир нашел в Герате менее спокойное положение, чем он мог ожидать по той быстроте, с которой была установлена власть Султан-Хусейна. Перемена царствования была связана с новшеством, раздражившим страсти: была введена шиитская хутба с произнесением имен 12 имамов. Страсти особенно разожглись в день празднования курбан-байрама 22 июня. В этот день фанатический шиитский проповедник (ва'из) произнес шиитскую речь; сунниты возмутились, пошли жаловаться султану и застали его на пути от главной улицы к месту молитвы; посланные им люди с позором сняли проповедника с мимбара, и этим правоверие государя было доказано. Этот рассказ современника² наглядно показывает, как безобидны были в то время эти религиозные споры по сравнению с тем, что происходило в XVI веке, при сефевидях. По словам Бабура,³ после этого все действия Султан-Хусейна были согласны с требованиями суннитства, хотя в старости он по болезни (вероятно подагре) не мог совершать намаза; поста он тоже не соблюдал. Мы видели, что среди лиц, под влиянием которых Султан-Хусейн вернулся к суннитству, Бабур называет Мир-Али-Шира.

Султан-Хусейн и Мир-Али-Шир, очевидно, находили нужным иметь на своей стороне представителей религиозного автори-

¹ Notice, 238.² Абд-ар-Резаак, 3496.³ GMS, I, 164 6.

тета. К счастью для них, им не пришлось иметь дело, как некогда самаркандским тимуридам, с вышедшим из народа „деревенским шейхом“;¹ во главе гератских накшбендиев стоял высоко образованный поэт и мистик Абд-ар-Рахман Джами (родился в 1414 г.), с которым не трудно было найти общий язык. Даже когда дело касалось споров между шиитами и суннитами, действия Джами не находились в противоречии с той терпимостью, которая была принята в Герате.² Призванный к ответственности в Багдаде, где он на пути в Мекку провел зиму 1472—1473 гг., за стихи, в которых находили анти-шиитские тенденции, Джами мог ответить своим обвинителям, что он скорее опасался за эту книгу неприятностей со стороны хорасанских суннитов.³ О хороших отношениях между Джами и приверженцами ходжи Ахрара свидетельствуют как сочинения самого Джами, так и посвященные ему страницы в *رشحات عين الحيات*. Самому ходже Ахрару Джами казался естественным посредником между ним и гератским правительством. 11 сентября 1469 г. Султан-Хусейн выступил с войском на Астрабад, против мятежного царевича Мухаммед-Ядигара (правнука Шахруха); в это время из Самарканда прибыло письмо от ходжи Ахрара на имя Джами, в котором ходжа Ахрар ходатайствовал за самаркандских беков, покинувших Герат при воцарении Султан-Хусейна без его разрешения и оставивших там свое имущество. Чтобы исполнить просьбу ходжи, Джами отправился в лагерь только что выступившего султана и был принят там с исключительным почетом.⁴ Впоследствии, в 1490 г., во время своей предсмертной болезни, ходжа Ахрар обращался и непосредственно к Мир-Али-Ширу, с просьбой прислать ему врача из Герата; очевидно, в области медицины, как в других, в Герате сосредоточивались светила, которых нельзя было достать в других местах, и престарелый

¹ Улугбек, 144 и сл.

² У Бува (JA, CCVIII, 268) Джами (без ссылки на определенный текст) изображается как ревностный суннит. Беленом (Notice, 346), напротив, рассказ Мир-Али-Шира о произнесении Джами перед смертью имен имамов толкуется в том смысле, что он был шиитом.

³ E. G. Browne, op. cit., 510. Здесь говорится о возвращении из паломничества, но на обратном пути из Мекки Джами в Багдаде не был (ср. подробные данные в *رشحات*).

⁴ Абд-ар-Реззак, л. 350 а и сл.

мистик, враг книжной учености,¹ в этом случае все-таки нашел нужным прибегнуть к науке. Мир-Али-Шир послал врача Низам-ад-дина Абд-ал-Хайя; вылечить престарелого ходжу он не мог, но нисколько не утратил расположения ни Мир-Али-Шира, ни Султан-Хусейна, которого он лечил вместе с его семейством и, как врач, имел доступ в гарем.²

Мир-Али-Шир находился в 1469 г. при войске султана; в Герате, как часто бывало и потом, был оставлен муж сестры Султан-Хусейна, внук Мираншаха Ахмед; повидимому, он был значительно старше Султан-Хусейна, относившегося к нему как к отцу.³ В декабре Султан-Хусейн вернулся, не дойдя до Астрабада и отправив туда войско; в марте 1470 г.⁴ он выступил снова; опасность со стороны Мухаммед-Ядигара в то время сделалась еще более угрожающей, в виду полученной им помощи со стороны туркмен. В то время в Герате произошли беспорядки, на почве восстания народа против притеснений чиновников. Султан послал для расследования дела Мир-Али-Шира; „эмир Низам-ад-дин Али-Шир“, пользовавшийся совершенно исключительным доверием султана,⁵ прочитал в одну из пятниц с мимбара султанский указ, который должен был успокоить народ. Это — первое публичное выступление Мир-Али-Шира, обратившее на себя общее внимание, и единственное, о котором упоминает Абд-ар-Реззак.

После отъезда Мир-Али-Шира пришел другой указ, о заключении в тюрьму везира и назначении другого. В июне вернулся в Герат сам государь и был встречен с обычными выражениями восторга, но вследствие измены войска был вынужден покинуть столицу. В начале июля⁶ в Герате вступил на престол Мухаммед-Ядигар, но уже в августе⁷ пал жертвой неожиданного нападения. В этом деле принимал участие и Мир-Али-Шир, и это,

¹ Улугбек, 100. ² حبيب السیر 339.

³ مجالس по Белену, Notice, 294. В рукописи Университета 618, л. 79 а и в рукописи Азиатского Музея а 281, л. 120 б (эта рукопись, очевидно, списана с предшествующей) слова سلطان احمد ميرزا стоят не на месте.

⁴ Начало рамазана 874 (Абд-ар-Реззак, л. 315 б).

⁵ Слова Абд-ар-Реззака اختيار وفايت اختصاص وكمال اخلاص که از کمال اعتبار صدق، کس را مقام منزلت بو تراب نیست، برو صادق است.

⁶ Хутба по Абд-ар-Реззаку, 352 а, в пятницу 6-го мухаррема 875 г.

⁷ 23 сафара (ibid., 353 а).

повидимому, единственный эпизод в его жизни, где упоминается о его сабле, хотя этой сабле и тут не пришлось действовать. По рассказу Хондемира, отряд Султан-Хусейна рано утром окружил замок, где находился претендент; опасаясь засады, воины не решались итти на приступ; Мир-Али-Шир с разрешения султана передал свою лошадь эмиру Баба-Али и с обнаженной саблей, употребляя ее как палку, стал подниматься наверх непривычным путем; за ним последовал эмир Кул-Али, этот эмир вместе с пехотинцем Хаджи-Али нашли царевича спящим и тем же путем, которым поднялся Мир-Али-Шир, привели его к султану, который велел его убить. Абд-ар-Реззак в рассказе об этом событии не говорит о Мир-Али-Шире и подчеркивает только неожиданность нападения и результат, достигнутый воинами Султан-Хусейна без всяких потерь; царевича нашли спящим на крыше с одним слугой и двумя служанками.¹

После устранения этого претендента власть Султан-Хусейна в Герате уже не подвергалась колебаниям до его смерти, последовавшей 4 мая 1506 г.² Ему приходилось часто совершать походы на запад, на восток и на юг (на север он, как государь, повидимому, не проникал дальше Мерва), не всегда успешно, но в общем он оставался до конца владельцем обширного царства с такой блестящей столицей как Герат. В состав его владений входили, по словам Бабура,³ земли от Хорезма на севере до Кандагара и Сеистана на юге, от Балха и Газны на востоке до Дамгана и Бистама на западе. Его столица, подобно многим другим средневековым культурным центрам Азии и Европы, была в одно и то же время центром утонченной культуры и разврата, и потому жизнь Герата Султан-Хусейна оценивалась различно, иногда даже в одном и том же сочинении, смотря по тому, какую сторону быта надо было изобразить. Едва ли можно придумать более громкие слова для прославления столицы и государя, чем слова Бабура:⁴ „Другого подобного города, как Герат, нет во всем населенном мире; во время Султан-Хусейна, благодаря его управлению и его заботливости,

¹ Все это мало соответствует риторике Белена (Notice, 188) о Мир-Али-Шире: „de sa propre main il arrêta le prince, qu'il fit conduire au roi“.

² Дата у Хондемира حبيب السير, 326: 11 рамазана 911 г.

³ GMS, I, 165 б и сл.

⁴ GMS, I, 188.

блеск и красота увеличились в 10, даже в 20 раз". В другом месте¹ Бабур говорит, что „время Султан-Хусейна было удивительным временем; Хорасан и в особенности Герат были наполнены людьми выдающимися и несравненными; стремление и цель каждого, кто был занят каким-нибудь делом, были направлены к тому, чтобы довести это дело до совершенства". И тот же Бабур говорит,² что Султан-Хусейн и с ним его сыновья, его войско и весь город предавались почти непробудному пьянству. Только первые 6—7 лет после своего воцарения султан вел жизнь раскаявшегося грешника, после этого он снова стал пить и пил до конца своего сорокалетнего царствования каждый день, хотя только после полуденной молитвы (نماز پيشين), никогда не начиная пить утром. В дни своего „казачества" совершивший много подвигов, владевший саблём, как никто другой из тимуридов, Султан-Хусейн после своего воцарения предавался удовольствию и забавам; его примеру следовали близкие ему люди: „трудностей завоеваний и походов они на себя не принимали; естественно, что число нукеров и пространство владений стали уменьшаться, а не увеличиваться".³

По всей вероятности обе стороны царствования Султан-Хусейна, особенно вторая, изображены у Бабура с некоторым сгущением красок. Султан-Хусейн несколько раз, даже в преклонном возрасте, отправлялся в поход лично, когда мог удовольствоваться отправлением войск, успешно подавляя и восстания своих сыновей. Бабур находился под впечатлением вялого сопротивления, оказанного узбеckому нашествию, когда Султан-Хусейн не сделал никаких попыток стать во главе тимуридов для его отражения. Престарелый и больной государь возлагал все свои надежды на оборонительные действия, что вызвало со стороны Бабура замечание: „Если такой великий царь, как Султан-Хусейн, сидящий на престоле Тимур-бека, вместо того, чтобы идти на врага, велит укрепляться, какая надежда останется у народа"?⁴ Султан-Хусейн перед смертью, уже после потери Хорезма, выступил с войском против узбеков, но слишком поздно, и умер в самом начале похода. Ни он, ни его сыновья не оказались достойными противниками Шейбани, хотя

¹ Ibid., 177 внизу. ² Ibid., 164 6.

³ GMS, I, 166. ⁴ GMS, I, 122 6.

их военные силы в Хорезме и Балхе выполнили свой долг лучше, чем можно было ожидать при таких условиях.

При дворе Султан-Хусейна Мир-Али-Шир в начале был только „хранителем печати“ (مهردار). Его значение определялось не обязанностями по должности, но личной близостью к государю; вследствие этого он всегда старался как можно скорее слагать с себя официальные должности. Есть известие, что он скоро отказался даже от должности хранителя печати в пользу поэта и мецената Низам-ад-дина Сухейли¹ (Даулетшах² посвящает ему особую главу в заключительной части своего сочинения, наравне с Джами и Мир-Али-Широм), имя которого носит известный труд Хусейн-Ва'иза (Анваря Сухейли). Однако в феврале 1472 г.³ Мир-Али-Шир официально сделался эмиром или беком, как его называли и раньше. Известно, что по указу султана только один бек, Музаффар барлас, должен был занимать место выше Мир-Али-Шира. По словам Бабура,⁴ Музаффар оказал Султан-Хусейну большие услуги в дни „казачества“, но теперь стал обнаруживать слишком большие притязания. Султан-Хусейн будто бы заключил с ним договор, что в случае завоевания ими какой-нибудь области две трети будут принадлежать Султан-Хусейну, одна треть Музаффару. Вопрос о нем был решен тем, что он скоро умер, причем Бабур приводит слух, что он был отравлен; по Хондемиру смерть была естественной.⁵ Его преемником был другой бек из барласов, Шуджа'-ад-дин Мухаммед, сын Бурундука, прибывший в то время из Туркестана в Хорасан; он также получил право ставить свою печать выше печати всех остальных бекков. Этот бек пережил Мир-Али-Шира.

В один день с Мир-Али-Широм был назначен эмиром или беком сейид Хасан-ибн-Ардашир,⁶ который был, вероятно, значительно старше Мир-Али-Шира, смотревшего на него как на отца; Мир-Али-Шир называет его лучшим человеком среди турок и таджиков.⁷ Все его стремления были направлены в сторону суфизма и он всегда был далек от дел; Султан-Хусейну

¹ У Белена, Notice, 187. Хондемир в حبيب السير 230.

² Dawlatsháh, 509 и сл.

³ Ша'бан 876; حبيب السير 230; дальше (231) конец ша'бана; ср. Белен в „Notice“, 188.

⁴ GMS, I, 170 и сл. ⁵ حبيب السير 235.

⁶ Об этом حبيب السير 231. ⁷ مجالس 32 а.

только на короткое время удалось привлечь его на службу. В жизни сейида было время кутежей (رندلیغ جانی) и время благочестия и отшельничества (تقوی و زهد جانی); известно, что соединение той и другой наклонности в жизни суфия не было исключительным явлением. Приводятся образцы его стихов, относящихся к тому и другому периоду; в مجالس о нем говорится как о покойнике. Это назначение, вероятно, было только данью уважения к популярному мистiku и не отразилось на государственных делах, но в том же 876 г., следовательно, до июня 1472 г. состоялись два других назначения, имевшие более значительные последствия; во-первых, одним из везиров сделался Низам-ал-мульк Хавафи, сын Шихаб-ад-дина Исмаила, прежде исполнявший должность казия в одном из городов своей родины, во-вторых, государь обратил внимание на ходжу Меджд-ад-дина Мухаммеда, сына известного государственного деятеля эпохи Шахруха Гияс-ад-дина Пир-Ахмеда Хавафи.¹ Меджд-ад-дин занимал при Абу-Са'иде скромную должность одного из чиновников канцелярии (одним из его товарищей был будущий врач Абд-ал-Хай), потом был везиром „малого мирзы“ (кичик мирза или мирза-и кичик), как называли племянника Султан-Хусейна, мирзу Мухаммед-Султана, сына Ахмеда. Султан-Хусейн попросил царевича уступить ему Меджд-ад-дина, назначил его на должность перване и поставил его выше всех прочих, занимавших эту должность, с которой в средние века была связана передача личных распоряжений государя.² Всякий раз, как в диване присутствовал сам государь, Меджд-ад-дин должен был докладывать дела, записывать решения и ставить свою печать на одном уровне с печатью султана; он считался поэтому заместителем (наибом) государя. Хондемир прибавляет, что благодаря эмирству Мир-Али-Шира и наибству Меджд-ад-дина Мухаммеда дела султанства и царской власти получили новый блеск, и все обстоятельства подданных и войска снова были приведены в порядок.³

¹ Улугбек, 71.² Siasset Namèh, texte, p. 81.

³ Слова Хондемира القصة بسبب امارت امير 231 حبيب السير
 عليشير و نيابت خواجه مجد الدين مجد امور سلطنت و پادشاهی بتجديد
 رواج و رونق گرفت و مهام رعيت و سپاهی بتازگی صفت نظام و انتظام
 پذيرفت. У Белена (Notice, 191) эти слова отнесены к одному Мир-Али-Ширу.

Во главе государства, таким образом, были поставлены два сановника, которые, как показали дальнейшие события, не могли сойтись друг с другом. В 878 г. (1473—1474) был назначен еще везир, хаджа Афзаль-ад-дин Мухаммед керманский, о котором Мир-Али-Шир говорит в очень хвалебных выражениях;¹ по Хондемиру² он происходил из одной из везирских семей Кермана и при Абу-Са'иде занимал должность мустауфи, т.-е. чиновника финансового ведомства. Оба вместе, Низам-ал-мульк и Афзаль-ад-дин, стали интриговать против Меджд-ад-дина и возводить на него обвинения перед султаном; когда они стали говорить оба вместе, султан заметил, что справедливее было бы говорить каждому отдельно, а не нападать вдвоем на одного. Эта косвенная защита ободрила обвиняемого и заставила замолчать его врагов из приближенных султана. Дело кончилось для Меджд-ад-дина лучше, чем он мог ожидать; его заставили заплатить сумму в 60.000 динаров (30.000 рублей); он сохранил должность перване, но не должен был вмешиваться в дела дивана. Дальше Хондемир говорит, что от отставки Меджд-ад-дина до его вторичного призвания к власти в 1487 г. прошло девять лет;³ из этого можно заключить, что споры между везирами закончились только в 1478 г. Мир-Али-Шир в этом рассказе не упоминается, если не считать намека на „приближенных“, но, несомненно, что главным врагом Меджд-ад-дина был он, так как в 1487 г. для возвращения к власти Меджд-ад-дина оказалось необходимым предварительно удалить Мир-Али-Шира.

Еще до назначения Афзаль-ад-дина и последовавшей незадолго перед тем смерти эмира Музаффара Мир-Али-Шир принял участие в походе на Балх, против мятежного наместника Ахмед-Муштака, вступившего в сношения с туркестанскими тимуридами, Султан-Ахмедом и Султан-Махмудом. Осада затянулась, и через 3—4 месяца Мир-Али-Шир был послан в Герат собрать провиант для войска; к войску он, повидимому, не возвращался, но успешно подавил происшедшее в Герате восстание царевича Абулхайра и заключил царевича в цитадель.⁴ Осада

¹ مجالس, 736 и сл.² حبيب السير 235.³ Ibid. 244.⁴ Эта последняя подробность опущена у Белена, Notice, 197, ср. حبيب السير 234.

Балха кончилась миром, Ахмед-Муштак сдал Балх и был прощен, город получил старший брат Султан-Хусейна, царевич Байкарā.¹

По словам Джами, посвященный им в тайны ордена накшбендиев Мир-Али-Шир в 881 г. (1476—1477) добровольно отказался от всякого блеска и почестей и вступил на путь бедности и отказа от своей личности. Это „отречение от мира“ могло быть только показным; в следующие годы Мир-Али-Шир пользовался большим значением в государстве, чем когда-либо прежде и после, и в отсутствии султана управлял столицей. Поступивший на службу к Султан-Хусейну, потом восставший против него в северной части Авганистана и после поражения направившийся к Астрабаду мирза Абу-Бекр, сын Абу-Са'ида, около реки Гюрген был настигнут преследователями, среди которых находился сам султан, и убит; голова его была послана в Герат; это произошло в конце реджеба 884 г. (в октябре 1479). Вслед за этим Султан-Хусейн вернулся в свою столицу, где ему устроил торжественную встречу Мир-Али-Шир, бывший в то время хакимом Герата.²

В следующем 885 г. (1480—1481) Султан-Хусейн имел случай вспомнить свои шиитские симпатии, и Мир-Али-Шир ему, повидимому, в этом не препятствовал. К числу самых грубых обманов в мусульманском культе святых принадлежит открытие чудесным образом, в первый раз в XII в., при султани Санджаре, могилы халифа Алиа в окрестностях Балха, где халиф заведомо никогда не был.³ Могила потом пришла в забвение после разрушения Балха и опустошения его окрестностей при Чингиз-хане; теперь ее вновь открыл по книгам прибывший из Кабула и Газны Шемс-ад-дин Мухаммед, потомок Баязида Бистами; в указанном месте нашли плиту из белого камня с надписью: „Это — могила льва божьего, брата посланника божьего, Алиа, приближенного божьего“. Присутствовавший при открытии плиты царевич Байкарā известил брата, и в Балх прибыл сам Султан-Хусейн с эмирами и приближенными. Святыня была признана подлинной;

¹ Сказанное у Мир-Али-Шира (مجالس 79 а) о брате Султан-Хусейна по ошибке отнесено у Белена, Notice, 294, к его деду. О Байкарā, как старшем брате Султан-Хусейна, говорит и Бабура (GMS, I, 163 6).

² حبيب السیر 237.

³ Ср. об этом рассказ Абу-Хамида Андалуси (Гарнати); В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I, 21 и сл.

над ней в следующем году¹ был построен мавзолей, вокруг которого возникло селение с базарными лавками и банями; вакфом мавзолея был сделан один из каналов Балха. Султан вернулся в Герат и в ознаменование радостного события роздал милости войску и народу. Пример нашел подражателей; чудесная могила была открыта в самом Герате каким то арбакешом (عرباكشي), нашедшим восторженных последователей; были сделаны и другие открытия в том же роде как в Герате и его окрестностях, так и в других городах. Арбакеш потом понял угрожавшую ему опасность и поспешил скрыться; другие обманщики были схвачены и подвергнуты телесному наказанию, после чего движение прекратилось, но, как замечает Хондемир,² селение с гробницей Алиа осталось и продолжало привлекать паломников из близких и дальних мест. Известно, что это селение обратилось в XIX в. в большой город Мазар-и-шериф.

Рассказ Хондемира показывает, что и культурная столица Султан-Хусейна не была чужда проявлений грубого суеверия. Культурная жизнь не проходила мимо народных масс; Мир-Али-Шир приводит иногда стихи, повторявшиеся „всем народом“.³ Конечно, эти пользовавшиеся широкой популярностью произведения минуты быстро забывались: при Бабуре в Самарканде почти в каждом доме были стихи его двоюродного брата, мирзы Байсункара⁴ (сына Султан-Махмуда); теперь, повидимому, нигде нет экземпляра этих стихов. Произведения, предназначенные для потомства, были предметом подарков государей и вельмож друг другу; так в 1456 г. посол Абу-Са'ида принес в Герат для Абу-л-Касима Бабура экземпляр астрономических таблиц Улугбека.⁵ Мир-Али-Шир однажды решил послать туркменскому султану Я'кубу полное собрание сочинений Джами; библиотекарь по ошибке вручил послу другую книгу (فتوحات مكي; вероятно, имеется в виду сочинение Ибн-ал-Араби الفتوحات المكيّة),⁶ похожую на сочинения Джами по переплету. Ошибка обнаружилась только тогда, когда посол захотел похвалиться ученостью и на вопрос султана, не было ли ему скучно в дороге, ответил что

¹ Дату постройки (886 г.) приводит С. Е. Yate, Northern Afghanistan, Edinburgh and London, 1888, p. 281.

² 240. حبيب السير.

³ 35: 6. مجالسي. بو بيت بسى شهرت توتتى كه همه خلق بيلديلا.

⁴ GMS, I, 68 б.

⁵ Абд-ар-Реззак, л. 304 а.

⁶ Brockelmann, I, 442.

с ним был спутник, с которым скучно быть не может, и объяснил, что Мир-Али-Шир послал султану в подарок сочинения Джами; как только ему становилось скучно, он брал в руки книгу, и скука проходила. Султан поинтересовался посмотреть книгу, и тут обнаружилось, что сочинений Джами с послом вовсе не было; за это несчастный посол лишился расположения Мир-Али-Шира.¹ Рядом с такими людьми, желавшими казаться образованнее, чем были на самом деле, в Герате, конечно, были, особенно среди турок, люди, соединявшие некоторое знание литературы с более грубыми вкусами и не находившие нужным их скрывать. К числу их принадлежал, повидимому, и сам Султан-Хусейн, сочинявший недурные турецкие стихи и в то же время даже на старости лет находивший удовольствие в таких грубых удовольствиях как гоньба голубей и т. п.² Самаркандские нравы считались, конечно, более грубыми, чем гератские; Мир-Али-Шир описывает такого турка из свиты Ахмед-Хаджи-бека, для которого не было удовольствия выше соколиной охоты и езды на кровных скакунах; по поводу приписывавшегося этому турку грубого стиха делается замечание, что этот стих объясняется грубыми нравами Самарканда.³

В 886 г. (1481—1482),⁴ через десять лет после самого Мир-Али-Шира, сделался эмиром или беком его младший брат Дервиш-Али. Повидимому, он тоже был книжным человеком, так как Мир-Али-Шир пристроил его в качестве библиотекаря. Слово „библиотекарь“ (کتابدار) и потом прибавлялось к имени Дервиш-Али и, повидимому, произносилось с некоторым пренебрежением; но в таком книжном городе, как Герат, обязанности хранителя библиотеки должны были иметь большое значение; в одном из рассказов о библиотекаре султана⁵ употреблен своеобразный термин داروغه کتابخانه همایون, что можно перевести: „командир высочайшей библиотеки“ (этот человек сначала был на службе у Мир-Али-Шира и только после его смерти перешел на службу к Султан-Хусейну). Сделавшись беком, Дервиш-Али, как мы уви-

¹ حبيب السیر 344. ² GMS, I, 165 наверху.

³ سمرقند نینک شوخ و خبیث شیوه لاری: 72 6 مجالس.

⁴ Дата в مجالس, 53а; ср. Белен, в Notice, 192. Слова Белена (Notice, 202) о Дервиш-Али „surnommé le frère d'Ali Chîr“ ни на чем не основаны; по всем известиям он действительно был родным братом Мир-Али-Шира.

⁵ حبيب السیر 343.

дим, несколько раз терял и вновь приобретал расположение султана, был наместником Балха, был обвинен в измене, совершил паломничество в Мекку, вернулся оттуда и снова сделался близким к государю лицом, после смерти брата вышел в отставку, жил частным человеком в окрестностях Балха, во время похода Шейбани на Балх в 1503 г. присоединился к узбекам и по поручению Шейбани ездил в Балх уговаривать начальников города, что господство тимуридов кончилось и что им надо открыть ворота узбекам, на что ему ответили решительным отказом.¹ После смерти Шейбани он пришел в Кундуз к Бабуру, на которого произвел самое невыгодное впечатление,² но все-таки находился при Бабуре и в 1511 г., когда Бабуру удалось снова взять Самарканд.³

По словам Бабура,⁴ Мир-Али-Шир ничего не принимал от Султан-Хусейна, напротив, каждый год сам делал султану подарки. Разумеется эти слова не могут быть поняты в том смысле, будто Мир-Али-Шир не извлекал из своего положения при гератском дворе никаких материальных выгод. Не на свои личные средства Мир-Али-Шир мог бы проявлять ту обширную меценатскую и строительную деятельность, о которой говорят источники. На это указывают и слова Сам-мирзы⁵ о земле подаренной султаном Мир-Али-Ширу в Герате, где Мир-Али-Шир построил ряд благотворительных учреждений, получивших общее название Ихласийе или Халасийе; в этом названии должна была выразиться искренняя преданность (اخلاص) строителя государю.⁶ Ханаккой и медресе Халасийе (или Ихласийе) воспользовался впоследствии для своих занятий историк Мирхонд;⁷ сам Мир-Али-Шир говорит об одном пришельце из Самарканда, Абд-ал-Мумине, по поэтическому прозвищу Мумини, учившемся в то время в ханаке Халасийе.⁸ Строительная деятельность Мир-Али-Шира проявлялась не только в Герате. Даулетшах, труд которого составлен именно в год опалы Мир-Али-Шира (892 г. х. 1487 н. э.) сохранил нам сведения о постройках Мир-

¹ حبيب السیر 313.² GMS, I, 173.³ GMS, I, 1746.⁴ Ibid., 171.⁵ Белен, Notice, 229.⁶ Так по Белену; если должно быть принято (на что указывают рукописи) чтение خلاصیه, то возможно, что имеется в виду избавление (خلاص) ученых от всяких материальных забот.⁷ Текст у Никитского, 46.⁸ مجالس 72 а.

Али-Шира, воздвигнутых до этого времени.¹ Из этих построек в Герате находились: соборная мечеть, медресе, ханака, больница и баня; все эти постройки были в одном и том же квартале, на берегу канала Инджиль, из чего видно, что речь идет об учреждениях Халасийе. Из других построек упоминаются: 1) рабат 'Ишк, по дороге из Хорасана в Джурджан и Астрабад, около места Дербенд-и Шиккан; был построен некогда Кабусом ибн-Вашмгиром (известным строителем „башни Кабуса“),² пришел в разрушение и был восстановлен заботами Мир-Али-Шира;³ существует и теперь; 2) рабат Сенгбест, в месте пересечения дорог из Нишапура в Мерв и из Туса в Герат; был вновь построен Мир-Али-Широм рядом с пришедшим в разрушение старым рабатом Арслан-Джазиба, современника Махмуда газневидского;⁴ остатки этих построек были в новейшее время подробно исследованы.⁵ Кроме того в то время строились здания: 1) гробница Касим-и-Анвār; умер в 835 (1431—1432 г.) в Харджирде (западнее Герата), месте имеющем вообще большое значение в истории мусульманской архитектуры;⁶ 2) гробница Ферид-ад-дина Аттара (XIII в.) в Нишапуре; здание потом было достроено и существует до сих пор;⁷ 3) рабат Дйрабад около Нишапура. Кроме того Мир-Али-Шир предполагал прорыть канал от источника Чешме-гуль до Мешхеда, на расстояние десяти фарсахов.

Возможно, что постройки Мир-Али-Шира были одной из причин тех затруднений, которые испытывала в то время казна Султан-Хусейна и которыми была вызвана временная опала самого Мир-Али-Шира.

¹ Dawlatshāh, 505 и сл.

² О ней см. мою статью в Ежег. Росс. Ист. Ист. Иск. I, 121 и сл. (1922).

³ Dawlatshāh, 54. ⁴ Ibid., 176.

⁵ E. Diez, Churasanische Baudenkmäler, Berlin 1918, 52 и сл. Здесь только говорится об Арслан-Джазибе (54), без упоминания о Мир-Али-Шире.

⁶ Ibid., 71 и след. Мир-Али-Шир и здесь не упоминается. Замечательно, что Ханыкову (Mémoire, 114) показывали могилу Касим-и-Анвār в другом месте, в Ленгере, о котором упоминает и Диц (Baudenkm., 25), не помещающий там никаких памятников старины. E. Herzfeld, ZDMG LXXX (1926), 274 и сл. говорит о медресе Шахруха и об остатках медресе Низам-ал-мулька.

⁷ О нем N. Khanikoff, Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale, Paris 1862, 95; A. V. W. Jackson, From Constantinople to the Home of Omar Khayyam, New York 1911, p. 240; В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, 69.

V

ГОДЫ НЕМИЛОСТИ И УПАДКА ВЛИЯНИЯ

(1487—1494)

Султан-Хусейн уже некоторое время тому назад хотел вернуть к власти Меджд-ад-дина, но этого не допускал¹ Мир-Али-Шир; поэтому султан начал с того, что предложил Мир-Али-Ширу занять должность хакима в Астрабаде; после долгих отказов Мир-Али-Шир был вынужден согласиться и уехать. Причины, побудившие султана так действовать, объяснены у Бабура.² Когда однажды Султан-Хусейну понадобилась некоторая сумма денег, люди дивана объявили, что денег нет и достать их нельзя; присутствовавший при этом Меджд-ад-дин улыбнулся и потом, в ответ на вопрос султана, попросил принять его наедине и в этой аудиенции объявил, что готов, если ему дадут нужные полномочия, достать необходимую сумму и устроить государственное хозяйство так, чтобы и казна была полна, и подданные султана (войско и народ) были довольны. Получив власть, он исполнил свое обещание и привел области в цветущее состояние; но он держал себя враждебно ко всем бекам и должностным лицам с Мир-Али-Широм во главе; их стараниями он был низложен и подвергнут заключению.

Из слов Бабура не видно, когда и где могла произойти описываемая им сцена. Отъезд Мир-Али-Шира был решен еще в Мерве,³ где султан проводил зиму, т.-е. вероятно в начале 1487 г. После этого Меджд-ад-дин принимал участие в делах дивана, сначала без определенной власти; из везиров по прежнему главными были Афзаль-ад-дин и Низам-ал-мульк, были еще несколько других, в том числе брат Афзаль-ад-дина ходжа Амин-ад-дин Махмуд, назначенный везиром в 887 г. Он любил вино и женщин, но в то же время любил беседовать с выдающимися людьми и отличался приветливым характером;⁴ по существу он, очевидно, был только братом своего брата. Решительная сцена между султаном и двумя главными везирами и ее резуль-

¹ Выражение Хондемира: امير عليشير تجويز آن معنى نميغرمود (حبیب السیر, 244).

² GMS, I, 176 6 и сл. ³ حبیب السیر 243.

⁴ Характеристика в حبیب السیر 332 внизу.

таты рассказаны у Хондемира¹ несколько иначе, чем у Бабура. Меджд-ад-дин стоял „у подножия престола“, когда султан поручил обоим везирам достать небольшую сумму в два томана (около 10000 р.); везиры, „как и следовало“, ничего не ответили. Когда они ушли, Меджд-ад-дин наедине сказал султану, что легко было бы достать не только два томана, но и 2000 томанов. На следующий день Меджд-ад-дин был облечен широкими полномочиями: он должен был накладывать печать от имени государя, рассматривать все доклады и жалобы, без его ведома по делам управления и финансов не должны были приниматься никакие доклады ни от эмиров, ни от садров, ни от везиров, ни от „внутренних вельмож“ (ичеги), ни от приближенных; ему был дан титул: „доверенное лицо султанства и царства“ (معتمد السلطنة ومؤتمن المملكة). Афзаль-ад-дин, опасаясь за свою судьбу, испросил у Меджд-ад-дина разрешение и ушел в Астрабад к Мир-Али-Ширу, будто бы для взыскания в казну недостававших сумм. Управлением Меджд-ад-дина были довольны все подданные — земледельцы и ремесленники — избавившиеся от притеснений чиновников; чиновники были привлечены к ответственности за прежние вымогательства и в короткое время с них было собрано 2000 томанов. Ни один чиновник не смел обидеть простолюдина, ни один базарный торговец не подвергался поборам. Меджд-ад-дин время от утра до полудня посвящал государственным занятиям, потом до полуночи беседовал с выдающимися людьми и щедро угощал их; устраивавшиеся в его доме угощения славилась своими гастрономическими тонкостями. Но с чиновниками и беками он оставался до конца резок и вспыльчив, и этот нрав погубил его; через три года он подвергся опале и преследованиям, отправился в Мекку и умер на пути туда, в Табуке, в зу-л-ка'да 899 г. (август 1494).² Интересно, что он выехал из Хорасана через керманскую пустыню в сопровождении франков;³ других известий о присутствии в Герате Султан-Хусейна европейцев, кажется, нет. Хондемир особо отмечает, что одновременно с отъездом Меджд-ад-дина получил разрешение отправиться в Мекку его враг, брат Мир-Али-Шира, Дервиш-Али; но, тогда как Меджд-ад-дин умер

¹ Ibid., 244 и сл. ² Дата в حبيب السير 255.

³ Ibid.: مصحوب طایفه از مردم فرنک.

в Аравии, Дервиш-Али благополучно вернулся в Герат и снова сделался беком. Это возвращение произошло, однако, только в 1498 г. Дервиш-Али снова был назначен в „высочайший диван“ (ديوان اعلى) и накладывал печати рядом с эмиром Насир-ад-дином Абд-ал-Халиком.¹ Этот эмир часто упоминается у Хондемира; Бабур² говорит о нем только, что он был внуком известного Фирузшаха, одного из главных беков эпохи Шах-руха,³ и несколько раз управлял Хорезмом.

Из приведенных дат видно, что борьба за власть продолжалась больше трех лет; сведения об отдельных эпизодах этой борьбы сообщаются у Хондемира в разных местах. Афзаль-ад-дин, с одобрения Мир-Али-Шира, отправился в Мекку; в западной Персии туркменский султан Я'куб поставил его во главе паломников своего государства, так что ходжа мог совершить хадж с полным удобством; после этого он остался в Ираке и Азербайджане, т.-е. в государстве туркмен. Мир-Али-Шир⁴ говорит с большим сочувствием об Афзаль-ад-дине и в резких словах о смутах (بوز و غلغول), вызванных Меджд-ад-дином, когда не осталось ни одного человека, положение которого не пришлось бы в расстройство. Меджд-ад-дин оклеветал перед государем и „ходжу Афзаля“ и заставил его отправиться в путешествие; перед этим он был везиром 15 лет (что несколько преувеличено). В государстве туркмен он был „эмиром хаджа“, но после возвращения из паломничества не принимал от туркменских султанов никаких должностей, несмотря на их неоднократные настояния. Несмотря на то, что его родина, Керман, давно принадлежала туркменам, он считал своими государями тимуридов и говорил, что может служить только своему государю и никому другому. По сведениям Мир-Али-Шира он в то время, когда писалась соответствующая глава مجالس, находился в Куме; мы увидим, что он вернулся в Герат в 1498 г. Его брат Амин-ад-дин Махмуд после отъезда брата в Ирак лишился должности, но, повидимому, не подвергался другим неприятностям и впоследствии, вероятно после опалы Меджд-ад-дина, вновь вернулся к власти.⁵

Сам Мир-Али-Шир был окружен в Астрабаде таким же по-

¹ Ibid., 279.² GMS, I, 172.³ Улугбек, 71 и 119.⁴ مجالس 74 а.⁵ حبيب السير 332 внизу.

четом, как прежде в Герате, отовсюду к нему приходили приветствия и подарки, даже от иностранного государя, того же султана Я'куба. Тем не менее он выдержал свое изгнание только втечение года и в 1488 г., оставив в Астрабаде своим заместителем эмира Бедр-ад-дина, прибыл в Герат, где обратился к султану с просьбой разрешить ему остаться в столице и передать должность другому. Согласия не последовало; Мир-Али-Шир должен был вернуться в Астрабад и остаться там еще несколько месяцев, даже послать в Герат вместо себя другое лицо — своего двоюродного брата Хайдера. Хайдер доложил, что по сведениям Мир-Али-Шира приближенные султана (как видно из дальнейшего, предполагалось, что об этом знал и сам султан) уговаривали султанского букаула (стольника) примешать яд к пище Мир-Али-Шира,¹ оттого Мир-Али-Шир „полон подозрений“ и не видит для себя другого выхода, кроме открытого восстания (مخالفت), что при знаках расположения, оказанных Мир-Али-Ширу и его другу туркменским султаном, могло казаться правдоподобным. Султан был очень смущен и отправил в Астрабад гонца с письмом, в котором уверял Мир-Али-Шира, что его сведения ни на чем не основаны, никакого посягательства со стороны султана на его жизнь не было.² Мир-Али-Шир тотчас выехал из Астрабада, уже через 10—12 дней прибыл в Герат и постарался доказать султану, что Хайдер все выдумал сам, ничего подобного он от Мир-Али-Шира не слышал. Хайдер за свою ложь (или неуместную правду) поплатился сначала свободой, потом всей своей карьерой (Мир-Али-Шир взял его с собой в Астрабад, надеясь потом передать должность астрабадского хакима ему);³ мы увидим, что в последние годы жизни Мир-Али-Шира его постигла еще более тяжелая судьба. На этот раз Мир-Али-Шир получил позволение отказаться от всяких должностей и остаться в Герате только в качестве „приближенного его величества султана“ (مقرب الحضرت)

¹ Ibid. 246: بعرض رسانید کہ مقرب حضرت سلطانی چنان استماع نموده کہ ملازمان آستان خلافت آشیان کاگی بکاولرا تطمیع کرده اند کہ طعامی مسموم بخورد او دهد. Эта характерная подробность опущена у Белена, Notice, 201.

² هرگز این نوع قصدی در خاطر اشرف اعلیٰ خطور ننموده.

³ حبیب السیر 282.

(السلطاني). Тогда же была установлена та сложная формула письменного обращения к Мир-Али-Ширу, которая приведена у Белена¹ по другому поводу, в рассказе о более ранних событиях, причем формула в том виде, как ее приводит Белен, соответствует тексту روضة الصفا; в тексте حبيب السير вместо عمدة المملكة اعتضاد الدولة стоит اعتماد الملك والدولة.

В Астрабад вновь был назначен наместником предшественник Мир-Али-Шира, эмир Могол; гражданским чиновником оставался сахиб-диван Мир-Али-Шира, ходжа Шемс-ад-дин Курд. В 895 г. (1490) произошло по другому поводу восстание Могола, причем одной из первых жертв его пал сахиб-диван.² Султан-Хусейн назначил правителем Астрабада своего старшего сына Бади'-аз-замана; Могол бежал к туркменам, где в 896 г. (1490—1491) умер Я'куб, и престол перешел к его сыну Байсункару. Байсункар принял Могола к себе на службу, но потом, когда он проявил признаки измены, он был убит.

В Герате власть пока оставалась в руках Меджд-ад-дина, но с возвращением Мир-Али-Шира его влияние стало слабеть. Предвидя возможность победы „нойонов и приближенных“, т.-е. партии Мир-Али-Шира, Меджд-ад-дин постарался примириться с прежним везиром Низам-ал-мульком и вернул ему власть, с тем чтобы он дал обязательство ничего не предпринимать против Меджд-ад-дина. Из этого и других фактов можно видеть, что Меджд-ад-дин не был таким непримиримым врагом вельмож, как можно было бы заключить из слов Хондемира и Бабура. Вслед за тем произошло восстание в Балхе: правивший там Дервиш-Али, видя влияние Меджд-ад-дина и его отношение к Мир-Али-Ширу, стал опасаться за свою собственную судьбу и вступил в сношения с правившим в Гиссаре Султан-Махмудом. Когда известие об этом пришло в Герат, то в интересах государства было признано необходимым, чтобы Меджд-ад-дин на некоторое время отказался от власти; отставка ему была дана в самой милостивой форме с пожалованием 100.000 динаров (около 50.000 р.) и вышитого золотом халата.³ Может быть, к этому времени относится сцена, о которой рассказывает Сам-мирза, когда везир Меджд-ад-дин имел честь принять в своем доме султана и после халата, пожалованного султаном,

¹ Notice, 195.² حبيب السير, 248.³ حبيب السير, 249.

надел сверх него еще одежду, полученную от Мир-Али-Шира.¹ Во всяком случае это удаление Меджд-ад-дина по политическим причинам было той первой отставкой его после трех лет господства, о которой говорилось выше; следовательно, это событие произошло в 1490 г. После этого полновластным везиром считался Низам-ал-мульк.

Удаление Меджд-ад-дина при тех условиях, при которых оно произошло, не могло удовлетворить Дервиш-Али. В Балхе был сын султана, мирза Ибрагим-Хусейн, от имени которого правил Дервиш-Али; чтобы удалить царевича и получить самостоятельность действий, Дервиш-Али подделал султанский указ, которым царевич вызывался в Герат; после прибытия Ибрагим-Хусейна к отцу измена Дервиш-Али обнаружилась. Султан-Хусейн открыто выражал свое негодование на измену наместника, так много обязанного ему. Враги Мир-Али-Шира (о везире при этом не упоминается) давали понять что Дервиш-Али не решился бы на измену без ведома своего брата; у султана стали вырывать жалобы и на Мир-Али-Шира, чем последний был очень огорчен. Нашелся смелый человек, ходжа Гияс-ад-дин Мухаммед Дихдар,² объявивший султану, что берет на себя привезти „этого жалкого раба, библиотекаря“ (این غلامك كتابدار) в цепях к султану. Ему было разрешено поехать; через некоторое время туда же двинулся с войском и сам султан. Ходжа в Балхе стал доказывать Дервиш-Али, какие опасные последствия могут иметь для него его действия, и уговорил его отправиться вместе ним для встречи султана. Султан с войском подошел к Мургабу; приехал ходжа, отделившийся от Дервиш-Али, когда оба были всего в 3—4 фарсах от войска, и доложил, что привел „жалкого раба, библиотекаря“, но по дороге не нашлось кузнеца, который мог бы заковать его, пусть пришлют кузнеца из орду-базара,³ т.е. из обоза, следовавшего за войском.⁴ Обрадованный султан объявил, что прощает Дервиш-

¹ Белен, Notice, 195 и сл. Никитский, 41 и сл.

² Повидимому, он думал оказать этим услугу Мир-Али-Ширу, при котором он находился со времени вступления на престол Султан-Хусейна (раньше он служил Абу-Са'иду). Ср. сведения из *خسنة المتحیرین* у Белена, Notice, 343.

³ Об этом выражении Улугбек, 121.

⁴ Всеу этому мало соответствуют краткие слова Белена, Notice, 202 и сл., о походе султана на Балх, где „grâce à l'habileté et à l'adresse de

Али; тот приехал, был принят и даже получил разрешение угостить султана в своей палатке. Султан отправился в Балх, где провел зиму (из дат не вполне ясно, имеется ли в виду зима 1490—1491 или 1491—1492 гг.); весной он решил идти оттуда на Гиссар против Султан-Махмуда, причем оставил Мир-Али-Шира в Балхе и в то же время велел заключить там же в крепость его брата;¹ трудно сказать, надо ли смотреть на это как на высший знак доверия к „приближенному его величества“ или как на способ подвергнуть его унижению. Поход не имел успеха; султан был вынужден заключить с Султан-Махмудом мир и родственный союз, причем в руках Султан-Махмуда остались все его прежние владения, в том числе и области к югу от Аму-дарьи — Бадахшан, Кундуз и Баглан. Султан-Хусейн вернулся сначала в Балх, потом, после большой охоты, в Герат; в Балхе был оставлен мирза Хайдер-Мухаммед под опекой эмира Мубариз-ад-дина Вели-бека.² Вероятно, с султаном вернулся в Герат и Мир-Али-Шир.

Уже в ту зиму, когда султан был в Балхе, обнаружились признаки ослабления его доверия к Меджд-ад-дину, чем не замедлил воспользоваться Низам-ал-мульк, конечно, не считавшийся с принятым им на себя обязательством. Сторону Меджд-ад-дина приняли барласские беки, в том числе главный бек государства, Шуджа-ад-дин Мухаммед, сын Бурундука; Низам-ал-мульк тотчас стал интриговать против них. Меджд-ад-дин нашел еще другого защитника, повидимому, стоявшего выше всяких интриг — представителя религиозного авторитета, Джами; при свидании с султаном Джами выразил мнение, что только при условии оставления у власти Меджд-ад-дина будет процветать государство и будут довольны войско и подданные.³ Султан как будто убедился; Меджд-ад-дин через посредство барласских беков получил аудиенцию и поднес султану 20000 динаров

Khâdjè-Dihdâr, il ne trouva, dans le gouverneur de Balkh, qu'un sujet fidèle et dévoué“.

¹ حبيب السیر 250. ² Ibid., 252.

³ آن جناب با خاقان کامیاب ملاقات داشت که دخل خواجه مجد الدین محمد فرموده بعبارات لایقہ معروض داشت که ملک و خشنودی رعیت و سپاهیست البتہ اورا تربیت میباید نمود.

(около 10000 р.), но через несколько дней султан велел подвергнуть заключению как барласских беков, так и Меджд-ад-дина; даже главный бек, Мухаммед, сын Бурундука, просидел в цитадели целый год, хотя после освобождения вновь пользовался милостями султана и даже сделался снова „беком беков“. Никаких мер, конечно, не было принято против престарелого Джами, смерть которого последовала как раз во время этих событий, в пятницу 9 ноября 1492 г. К сожалению, мы не знаем точной даты последней аудиенции и потом ареста Меджд-ад-дина и потому не знаем, как много времени прошло от этих дней до дня смерти Джами. Во всяком случае султан и его приближенный воспользовались этим событием, чтобы демонстративно проявить свое уважение к памяти покойного. На другой день, в субботу, состоялись похороны при участии султана, его приближенных и всех вельмож (везир не упоминается); султан и Мир-Али-Шир один за другим ради упокоения души Джами устроили в месте праздничной молитвы Герата угощение для вельмож, сейидов и ученых.¹ О заступничестве Джами за Меджд-ад-дина ничего, конечно, не говорит Мир-Али-Шир, посвятивший Джами особое сочинение,² где так подробно говорится о дружбе между ними, о том, как Мир-Али-Шир во время последней болезни Джами постоянно присылал справляться о его здоровье, а в полночь накануне его смерти, не находя успокоения в постели, поехал справиться сам и на следующий день присутствовал при его кончине; в числе других присутствовавших был и служивший Мир-Али-Ширу ходжа Дихдар, читавший над больным коран. После похорон Мир-Али-Шир принимал выражения соболезнования, в том числе письменное от царевича Бади'-аз-замана, управлявшего в то время Астрабадом, и устное от одной из цариц, причем, повидимому, вопреки Белену,³ несмотря на совпадение имен, не может иметься в виду мать Бади'-аз-замана, в то время уже не бывшая в живых. Бади'-аз-замана будто бы связывала с Джами искренняя взаимная привязанность.

Меджд-ад-дин допрашивался, по обычаю, при тяжелых усло-

¹ Ibid. 337.

² *خسنة المتحیرین* отрывок во французском переводе у Белена, Notice, 300—357.

³ Notice, 348.

виях, в цепях. Низам-ал-мульк и его помощники не могли обнаружить за опальным везиром никакой вины, в каждом динаре ему удавалось дать отчет; но когда над ним был посажен низкий человек, отставной чиновник, Мухаммед-Амр-Аббаси, Меджд-ад-дин ради того, чтобы избавиться от допроса таким человеком, предпочел дать письменное удостоверение, что признается во всех приписываемых ему прегрешениях. После этого при выяснении имущества Меджд-ад-дина были обнаружены такие сокровища, которых никто не ожидал. Сам султан будто бы сказал: „Я был убежден, что всякий раз, как Меджд-ад-дин получает какой нибудь ценный подарок, он приносит его в дар мне; теперь обнаруживается, что он с нами не был искренен“. При допросе разрешалось прибегать к пыткам, только с тем, чтобы жизни допрашиваемого не угрожала опасность. Допрос¹ кончился тем, что Меджд-ад-дин был отпущен, подписав еще какое-то долговое обязательство, которого не мог уплатить, и с караваном франков бежал в Керман; оттуда он отправился в Мекку и, как мы видели, не доехав до священного города, умер в Аравии в 1494 г.

При оценке этих рассказов необходимо помнить, что автор их, Хондемир, вышел из круга Мир-Али-Шира; если в них все-таки так много данных, говорящих в пользу Меджд-ад-дина, то это, очевидно, не случайно. Разумеется, среди сведений о Меджд-ад-дине, приведенных Хондемиром, встречаются и факты, производящие иное впечатление. Подобно другим везирам, Меджд-ад-дин не останавливался перед суровой расправой со своими врагами: например ходжа Ни'мет-Аллах Сурх был замучен им до смерти.²

VI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ МИР-АЛИ-ШИРА

(1494—1501)

Смутное время (بوز و غلوغ), о котором говорит Мир-Али-Шир в своих *مجالس*,³ кончилось полной победой его самого и его партии. Главным победителем мог казаться везир Низам-ал-мульк. Подобно Мир-Али-Шир, он был покровителем знания, почитал

¹ О нем *حبيب السير* 254 и сл.

² Ibid., 333.

³ *مجالس* 74 а.

шейхов и ученых; ему посвящен один из главных исторических трудов этой эпохи, история Герата Му'ин-ад-дина Мухаммеда Исфизари.¹ Подобно Меджд-ад-дину, он казался другом угнетенных; при его доме не было ни хаджиба, ни привратника, каждый мог свободно входить к везиру и приносить ему жалобу. У него было два сына, ходжа Кемаль-ад-дин Хусейн и ходжа Рашид-ад-дин Амид-ал-мульк; первый отличался умом и красноречием, второй сверх того отличался военными качествами; оба принадлежали к числу приближенных султана. Сам везир носил титул: доверенное лицо мощной державы (امين الدولة القاهرة).²

Низам-ал-мульк недолго сохранял власть; причиной падения его и его семьи были, во-первых, продолжавшиеся интриги в чиновничьем мире, во-вторых, начавшиеся смуты в самом царском семействе. Низам-ал-мульк когда то действовал вместе с Афзаль-ад-дином, но теперь не был, повидимому, расположен делиться властью; вернувшийся к власти брат Афзаль-ад-дина Амин-ад-дин Махмуд навлек на себя гнев Низам-ал-мулька, был подвергнут заключению и только „после одного или двух лет“ мог бежать из тюрьмы в женской одежде; после этого он до возвращения своего брата скрывался.³

Смуты в царской семье начались с ничтожного повода. Во время возобновившейся бесцельной войны с Гиссаром Бади'-аз-заман по желанию отца пришел на театр войны с отрядом из Астрабада, оставив там своего сына Мухаммед-Мумина. После окончания войны Бади'-аз-заман был назначен правителем Балха, но против его ожидания его сын не был оставлен правителем Астрабада; Султан-Хусейн пожаловал Астрабад другому сыну, которого любил больше других,⁴ Музаффар-Хусейну. Это вызвало разрыв между султаном и его старшим сыном, давшим своему сыну приказ препятствовать, хотя бы силой, вступлению в Астрабад Музаффар-Хусейна. В 1497 г. Мир-Али-Шир ездил в Балх к Бади'-аз-заману уговаривать его подчиниться отцу; миссия потерпела неудачу вследствие проявленного султаном коварства: одновременно с ведением переговоров он послал в Балх тайный приказ схватить царевича, и этот приказ попал в руки Бади'-

¹ Rieu, Pers. Man., 206. ² حبيب السير 253. ³ Ibid., 333 наверху.

⁴ Так о нем говорит Бабур (GMS, I, 166), прибавляющий, что у самого царевича не было ни качеств, ни поступков, которые заслуживали бы любви.

аз-замана. Мир-Али-Шир вернулся в Герат. Царевич выступил против отца и 2 мая 1497 г.¹ был разбит; по случайному совпадению его сын Мухаммед-Мумин на следующий день был взят в плен в Астрабаде Музаффар-Хусейном и отправлен в Герат, где в сафаре 903 г.² (с 29 сентября 1497) был заключен в цитадель Ихтияр-ад-дин. Мать Музаффар-Хусейна Хадиджа-бики в лагере на Мургабе, при участии Низам-ал-мулька и его сыновей, вырвала у султана в пьяную ночь приказ убить внука; на другое утро султан опомнился и отправил в Герат гонца с новым приказом, в отмену первого, но оказалось слишком поздно. Мир-Али-Шир в то время совершал паломничество в Мешхед и только после возвращения узнал о случившемся. Хондемир³ уверяет, что несколько раз слышал в эти дни от Мир-Али-Шира предсказание, что убийство царевича будет иметь такие же последствия, как в свое время убийство Меджд-ад-дина Багдади, с которым, как известно, связывали нашествие Чингиз-хана.⁴ Предсказание Мир-Али-Шира было потом отнесено к нашествию узбеков.

В мае 1498 г.⁵ неожиданно вернулся в Герат ходжа Афзаль-ад-дин или, как его называли, ходжа Афзаль, слышавший в западной Персии, что о нем милостиво вспоминает султан и тоскует Мир-Али-Шир. Султан очень обрадовался его приезду, тем более, что со времени убийства внука охладил к Низам-ал-мульку (об охлаждении к Хадидже-бики ничего не говорится). Афзаль тотчас показал себя врагом Низам-ал-мулька. В воскресенье 13 мая⁶ был подвергнут заключению Имад-ал-ислам, брат жены Низам-ал-мулька („дядя его сыновей со стороны матери“), занимавший должность везира в течение 20 лет (следовательно, и при Меджд-ад-дине). Это было первым признаком утраты Низам-ал-мульком расположения султана. В начале шавваля (с 23 мая) ходжа Афзаль уже был назначен везиром. Султан находился в лагере Уланг-нишин, ожидая нового нападения Бади'-аз-замана (он занимал в то время южную часть Авганистана и собирался отомстить за сына); против него был послан отряд в Исфизар, при отряде находился и „военный“ сын Низам-ал-мулька,

¹ 29 ша'бана 902, во вторник (حبيب السير, 262).

² Ibid., 264. ³ Ibid., 265.

⁴ Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, 403 и сл.

⁵ В середине рамазана 903 (حبيب السير 267). ⁶ 21 рамазана (ibid.).

Амид-ал-мулька; везир и Мир-Али-Шир оставались с султаном в лагере. Султан по поводу все более обнаруживавшихся преступлений Низам-ал-мулька посоветовался с Мир-Али-Широм; было решено подвергнуть аресту с конфискацией имущества всю семью Низам-ал-мулька. В начале июня¹ Низам-ал-мулька и его родственник Низам-ад-дин Курд были арестованы в Уланг-нишине, в Исфизар был послан гонец с приказом арестовать и привезти в Герат Амид-ал-мулька, сам Мир-Али-Шир отвез в Герат и передал начальствовавшему там мирзе Ахмеду приказ арестовать другого сына Низам-ал-мулька, Кемаль-ад-дина, и сыновей Низам-ад-дина Курда, также сына сестры Низам-ал-мулька, придворного летописца (وقایع نویسی) Абд-ал-Азиза. В связи с Низам-ал-мульком упоминается еще другой придворный летописец, повидимому, избежавший ареста, Кемаль-ад-дин Абд-ал-Вāси' ан-Низами,² о котором сам Мир-Али-Шир еще в своем сочинении о Джами говорит с большим уважением; Мир-Али-Шир называет его среди лиц, записывавших чудеса Джами.³ По рассказу Хондемира, Абд-ал-Вāси' в начале царствования Султан-Хусейна подобно многим другим (Мир-Али-Шир⁴ называет из них ходжу Мас'уда Куми, написавшего на эту тему 12000 стихов), задумал написать историю султана, но султан не одобрил его сочинения за слишком большую подражательность слога. Меджд-ад-дин любил его за веселый характер и остроумный разговор, потом он пользовался таким же расположением Низам-ал-мулька и его двух сыновей и в честь их сочинял стихи.

Арестованные были заключены в цитадель Ихтияр-ад-дин. В одну из ночей сыновьям Низам-ал-мулька удалось бежать, но на другое утро они были схвачены и снова отведены в тюрьму. В середине зу-л-ка'да (в начале июля) на имя мирзы Ахмеда и тоже находившегося в Герате эмира Абд-ал-Халика был получен приказ султана, тотчас приведенный в исполнение; в цитадель был впущен палач и отрубил голову сыновьям Низам-ал-мулька на глазах отца, потом самого Низам-ал-мулька подвели к воротам цитадели и содрали с него кожу. В тот же день были

¹ В средине шавваля (ibid.).

² О нем حبيب السیر, 338.

³ Перевод у Белена, Notice, 344.

⁴ مجالس 22 б. Ср. также حبيب السیر 336, где о нем говорится только как о поэте и как о человеке, близком к Мир-Али-Ширу.

постигнуты гневом султана (т.-е., вероятно, были казнены) считавшиеся приверженцами Бади'-аз-замана ходжа Имад-ал-ислам, ходжа Абд-ал-Азиз, Низам-ад-дин Курд и Махмуд-шах Ферахи.¹

Полновластным министром сделался „устранивший всех своих врагов“² ходжа Афзаль; для него была придумана формула обращения, столь же сложная, как формула обращения к Мир-Али-Ширу: *ناظم اعظم قواعد السلطنة والخلافة معتمد الملك صلاح اندیش*. Высшего отличия он удостоился уже после смерти Мир-Али-Шира, когда он был причислен к эмирам и нойонам, с оставлением везиром, т.-е. соединил гражданскую власть с военной; по словам Бабур, это произошло тогда, когда Бабур прибыл в Кабул, т.-е. в 1504 г.³ Прямых известий о том, остались ли отношения между ним и Мир-Али-Широм дружественными, повидимому, нет, косвенные указания говорят против этого. Среди сановников, бывших сначала друзьями, потом врагами Афзаль, был эмир Мубариз-ад-дин Мухаммед Вели-бек, часто упоминаемый вместе с Мир-Али-Широм. По словам Хондемира, ходжа Афзаль одержал полную победу над эмиром и лишил его всякого значения.

Султан оставался летом 1498 г. в Уланг-нишине. Еще до решения судьбы Низам-ал-мулька, в пятницу 24 шавваля (15 июня)⁴ пришло известие о приближении Бади'-аз-замана; Мир-Али-Шир вместе с Мубариз-ад-дином и некоторыми другими по приказу султана собрал силы, стоявшие в Герате, и в тот же вечер выступил с ними по направлению к лагерю султана. Нападение Бади'-аз-замана последовало, повидимому, на другой день⁵ и было отбито. Султан после этого оставался в Уланг-нишине, между ним и Бади'-аз-заманом велись переговоры, причем один раз, во вторник 28 августа,⁶ Мир-Али-Шир ездил из Герата в лагерь, куда прибыл на следующий день, и уговорил султана согласиться на такие условия, которыми мог бы удовлетвориться и Бади'-аз-заман. Султан в пятницу 31 августа выступил из лагеря и в понедельник 3 сентября⁷ вернулся в Герат.

¹ حبيب السير, 268. ² بعد از دفع معاندان (ibid.).

³ GMS, I, 177. ⁴ حبيب السير 269. Белен, Notice, 207.

⁵ В тексте حبيب السير 270 указано 25 ша'бана, также в روضة الصفا, но это, очевидно, ошибка вместо شوال.

⁶ 10 мухаррема 904 (حبيب السير 279).

⁷ 13 и 16 мухаррема.

Осенью 1498 г. произошло восстание двух сыновей Султан-Хусейна в Мерве и Абиверде; 19 декабря¹ султан выступил против Мерва, оставив в Герате своего сына Мухаммед-Касима, Мир-Али-Шира и эмира Абд-ал-Халика. Осада Мерва продолжалась 3—4 месяца, после чего между отцом и сыном (его имя было Абу-л-Мухсин) было заключено „нечто в роде мира“. Во время этой осады Мир-Али-Шир отправился в Мешхед и оттуда послал упомянутого выше придворного врача Абд-ал-Хайя к Султан-Хусейну с просьбой разрешить ему совершить паломничество в Мекку. В Мешхеде раньше находился другой сын султана, Хайдер-Мухаммед-мирза; по поручению отца он должен был идти с эмиром Шейх-Ахмедом Сухейли на Абиверд; отряд был разбит и вернулся в Мешхед уже во время пребывания там Мир-Али-Шира, который оказал поддержку царевичу и эмиру. Абд-ал-Хай привез из лагеря под Мервом ответ, где говорилось в милостивых выражениях о намерении Мир-Али-Шира, но давался совет отложить паломничество до окончания беспорядков, происходивших тогда в туркменских владениях, а пока прибыть в лагерь султана. Мир-Али-Шир посоветовался с мешхедскими сейидами; все единогласно решили, что ему надо ехать и постараться устроить примирение между отцом и сыном. Мир-Али-Шир поехал ранней весной 1499 г.; на пути в Мерв, в пределах Серахса, он узнал, что мир уже заключен, причем в этом принимал участие его брат Дервиш-Али, ездивший от султана в Мерв по просьбе самого царевича. Вскоре в Серахс прибыл сам Султан-Хусейн; свидание с ним Мир-Али-Шира произошло в месте Базиргантюбе („холм торговцев“). Через 2—3 дня Мир-Али-Шир получил разрешение вернуться в Герат, причем ему было сказано, что пока он останется во владениях султана, все его просьбы будут исполняться. Прибыв в Герат, Мир-Али-Шир собрал около мазара Казергах² главных сейидов, казиев, шейхов и ученых, щедро угостил их и просил оказать ему содействие на пути дервишства и отшельничества.³

Из всего этого видно, что Мир-Али-Шир не считал своего

¹ В среду 5-го джумада I (ibid., 280).

² Название объяснено в „Историко-географическом обзоре Ирана“, 40.

³ حبيب السير, 281. У Белена (Notice, 209) только „fut accueilli avec enthousiasme par les savants et les ulémas, auxquels il donna un magnifique banquet“.

положения прочным и собирался покинуть не только службу, но и владения султана. В том же 1499 г. султан нанес ему еще более тяжкий удар, предав смерти его двоюродного брата.

Хайдер после своей опалы в 1488 г. сделался дервишем не только на словах, как Мир-Али-Шир, устроил обитель в месте Чешме-и-махиян („рыбий источник“), около гератского намазгаха; раз или два (в день) он проходил по гератским базарам в одежде странствующего отшельника (календара),¹ собирая деньги и припасы для своей обители. Впоследствии он ушел в Балх, где ему оказал покровительство правивший там с 1497 г. сын султана Ибрагим-Хусейн. Хайдер поселился в обители Сияхийе (может быть Сипахийе), приняв на себя все расходы по ее содержанию. Однажды некий Дервиш-Вели, пользовавшийся расположением царевича, вошел в обитель, не испросив разрешения Хайдера; Хайдер велел дать виновному 200 ударов² и заставить его служить в кухне. Царевич, конечно, пришел в гнев; Хайдер бежал в Кундуз к Хусрау-шаху, принявшему его с большим почетом. В 1499 г. Хусрау-шах вторгся во владения Султан-Хусейна и осадил Балх, Султан-Хусейн двинулся из Серакса на помощь сыну, Хусрау-шах снял осаду и вернулся в Кундуз, откуда послал к Султан-Хусейну для переговоров Хайдера. В лагере Султан-Хусейна Хайдер был обвинен в том, что подстрекал Хусрау-шаха к войне с султаном, арестован и через несколько дней убит. Когда весть об этом пришла в Герат к Мир-Али-Шир, он был очень огорчен; посланные им люди привезли тело Хайдера из стоянки Баба-Хаки, где он был убит, в Герат и похоронили его в построенной им обители. Мир-Али-Шир оказал поддержку детям и родственникам убитого.³

Огорчение Мир-Али-Шира не доходило до такой степени, чтобы отказаться служить султану и не являться на его зов, когда требовался его совет.⁴ Война с сыновьями стала принимать опасный для султана оборот. Из Баба-Хаки ему пришлось опять идти на Мерв и Абиверд; мервский царевич ушел в Аби-

¹ Хондемир его так и называет: حيدر قلندر. ² دويست کف پائی.

³ حبيب السير, 282. Этот эпизод, столь характерный для отношений между султаном и Мир-Али-Широм, у Белена опущен совсем.

⁴ Около того же времени, в джумада I 905 (декабрь 1499) Мир-Али-Шир написал свой последний труд (محاكمة اللغتين); о Султан-Хусейне в этом труде говорится в таких же восторженных выражениях, как в других.

верд, оба царевича вместе отступили, потом разбили преследовавший их отряд, потом сами были разбиты, мервский царевич вернулся в свой город, абивердский отправился в Астрабад, где правил другой мятежный сын Султан-Хусейна Мухаммед-Хусейн, султан пошел на Астрабад, занял и этот город и провел там 15 дней. В Герате был оставлен начальником эмир Мубариз-аддин, именно в то время, как уверяет Хондемир,¹ находившийся на вершине могущества; от него пришло в Астрабад известие о новом восстании Бади'-аз-замана, заставившее султана быстро вернуться на восток, возвратив власть в Астрабаде Мухаммед-Хусейну. Меры для защиты Герата вместе с Мубариз-аддином принимал и Мир-Али-Шир, он же, когда пришла весть о приближении войска султана, отправил послов к Бади'-аз-заману и убедил его отказаться от войны с отцом. У султана, однако, оказалось гораздо меньше сил, чем у его сына; посовetовавший с Мир-Али-Широм, султан согласился уступить Бади'-аз-заману Балх и область от Аму-дарьи до Мургаба, причем в хутбе рядом с именем Султан-Хусейна должно было произноситься имя Бади'-аз-замана. Даже Хусрау-шах признал верховную власть Бади'-аз-замана и согласился ввести его имя в хутбу и в надпись на монетах в Кундузе, Баглане, Термезе, Гиссаре, Кабадиане, Хутталяне и Бадахшане.²

В мухарреме 906 г. (с 28 июля 1500) Султан-Хусейн выступил в поход на Астрабад против вновь восставшего Мухаммед-Хусейна; Герат и на этот раз был поручен Мир-Али-Ширю и эмиру Мубариз-аддину. На этот раз осень и зима прошли для Герата спокойно, но именно в это время происходила решительная борьба за Самарканд с узбеками; Шейбани сначала захватил Самарканд и умертвил владетеля Султан-Али, потом временно должен был уступить город молодому Бабуру и только в 1501 г., уже после смерти Мир-Али-Шира, окончательно присоединил Самарканд к своим владениям. Вполне естественно удивление Бабура,³ что такой опытный царь, как Султан-Хусейн, лучше всех других знавший действия Шейбани, не принял участия в этой борьбе и не оказал Бабуру никакой помощи; казалось, что поход на Самарканд был бы естественнее, чем бесцельный поход на Астрабад, скоро кончившийся примирением; Белен на-

¹ حبيب السیر 283.² Ibid., 286.³ GMS, I, 88.

зывает этот поход „военной прогулкой“.¹ От Бади-аз-замана тоже не пришло никакой помощи. О Мир-Али-Шире Бабур только говорит, что получил от него в Самарканде письмо и сам написал ему, потом послал еще турецкое стихотворение, на которое уже не успел получить ответ.²

В понедельник 28 декабря³ пришло известие о возвращении султана; встретить его и его войско, как часто бывало и прежде, поехал Мир-Али-Шир, но на этот раз встреча имела для него роковые последствия. Оба, султан и его приближенный, тогда уже дошли до полной дряхлости, хотя Мир-Али-Ширу было всего 60 лет, султану 62; сравнительно с султаном Мир-Али-Шир мог считаться более крепким: он мог садиться на коня, тогда как султан передвигался только на носилках. В четверг 31 декабря произошла встреча; когда Мир-Али-Шир сошел с коня, чтобы подойти к носилкам султана, он не мог идти один и опирался на плечи двух спутников. Он мог подойти и поцеловать руку султана, но тут же присел и не мог ни встать, ни ответить на слова государя. Приблизительно в таком же виде это происшествие стало известным Бабуру, по словам которого Мир-Али-Шир мог поздороваться с султаном, но не мог встать.⁴ Его положили на носилки; между врачами произошел спор, в который вмешался и молодой тогда историк Хондемир, находившийся при Мир-Али-Шире в последние дни его жизни. Одни хотели оставить больного на месте и только после выздоровления везти его в Герат (такого мнения, видимо, был и Хондемир), другие, в том числе и первый медицинский авторитет, Абд-ал-Хай Туни (Хондемир, здесь несколько презрительно говорит о нем, что он „тоже имел притязания на медицинские познания“),⁵ настаивали на том, чтобы отправиться в Герат немедленно и там созвать врачей на консилиум. Остановились на втором решении, но по дороге больному стало хуже, по настоянию Хондемира было решено принять меры немедленно, но, пока пришло разрешение от султана, успели пройти еще три фарсаха, и „случай был упущен“; попробовали пустить кровь, но безуспешно, и в воскресенье 3 января 1501 г. последовала смерть.

¹ Notice, 211. ² GMS, I, 866 и сл. ³ 5 джумада II (حبيب السير, 288).

⁴ GMS, I, 171 6. ⁵ که او نیز دم از طبابت میزد.

Похороны¹ были совершены с большой торжественностью. В них приняли участие государь и (с другими женами его) царица Хадиджа-бики, та самая, которую называли виновницей несчастного события в царской семье, так резко осуждавшегося Мир-Али-Широм. Султан провел три дня в трауре в доме покойного; для погребения было избрано место к северу от построенной Мир-Али-Широм соборной мечети; торжественные поминки состоялись на седьмой день к северу от гератского намазгаха, в месте Хауз-и-махиян („рыбий бассейн“); вероятно, имеется в виду тот же „рыбий источник“ (Чешме-и-махиян), где были обитель и могила Хайдера. Поминки представляли картину невиданного стечения народа. Для султана был устроен шатер с семью ступенями, куда потом были подозваны многие из присутствовавших (конечно, более знатные), и султан обратился к ним с ласковыми словами, уговаривая их терпеливо переносить общую утрату. Белен² представляет себе это в виде торжественно произнесенной султаном речи; более вероятно, что имеется в виду обращение „с милостивыми словами“ к отдельным лицам.

Историческое значение Мир-Али-Шира, помимо его собственной литературной деятельности, заключается в его постройках (вопрос о том, представляют ли они, как целое, какие-нибудь особенности, например, сравнительно с постройками эпохи Шах-руха, кажется, специалистами еще не ставился) и в особенности в его меценатстве. В этом отношении не может быть сомнения в заслугах вельможи, с именем которого связаны имена историков Мирхонда (умер в 1498 г. в возрасте 66 лет; Мир-Али-Шир сам говорит,³ что Мирхонд приступил к своему большому историческому труду по его просьбе) и Хондемира (родился около 1475 г., умер в 941 г. х., т.-е. в 1534 или 1535 г.), художника Бехзада и многих других. Разумеется, не всякая просьба встречала отклик со стороны мецената, не всем удавалось до конца сохранить его расположение. Броун в предисловии к своему изданию антологии Даулетшаха приводит характерные слова автора о той нужде, которую ему приходилось терпеть, и столь же характерные слова о Даулетшахе Мир-Али-Шира, которому Даулетшах, очевидно в надежде приобрести его расположение, посвятил

¹ О них *حبيب السیر*, 289. Белен, Notice, 215 и сл.

² Notice, 217. ³ *بوفقیّر التماسی بیلہ*, 56 a: *مجالس*.

длинную касиду. Мир-Али-Шир хвалит Даулетшаха за то, что он, несмотря на свое знатное происхождение (он был племянником некогда полновластного бека Фирузшаха, т.-е. двоюродным дядей одного из знатных беков царствования Султан-Хусейна, Абд-ал-Халика), довольствуется небольшим доходом и живет в уединении, предаваясь книжным занятиям; тут же говорится о дошедшем до Мир-Али-Шира известии о смерти Даулетшаха, как о непроверенном слухе.

Интересы Мир-Али-Шира были разносторонни; он занимался, кроме поэзии, музыкой и каллиграфией и в своем сочинении говорит не только о поэтах, но и о художниках. Особое место отводится как у Мир-Али-Шира,¹ так отчасти у историков, каллиграфам, составлявшим надписи для больших построек. Среди мастеров, находившихся на службе у Мир-Али-Шира и оставшихся им недовольными, упоминается живописец (наккаш) Хаджи-Мухаммед — может быть, тот самый красивый любимец Мир-Али-Шира, „ангел в человеческом образе“, бывший ему „вместо сына, даже еще дороже“.² Он достиг большого совершенства в выделке фигур и в позолоте; некоторое время он занимался приготовлением фарфора и после долгих опытов стал изготовлять сосуды, очень похожие на китайские, хотя всетаки несколько менее чистого цвета. При Мир-Али-Шире он был библиотекарем и поставил в библиотеке часы в виде ящика (صندوق), в котором была фигура с палкой в руке, дававшая знать по числу ударов, который час (в два часа раздавалось два удара и т. п.). Недовольный Мир-Али-Широм, Хаджи-Мухаммед в 904 г. (1498—1499; дата, вероятно, не вполне точна, должно быть 905) во время осады Герата Бади'-аз-заманом ушел от Мир-Али-Шира к царевичу, занял при нем ту же должность библиотекаря и умер в первые годы после узбекского завоевания.³

Особенно недоволен Мир-Али-Широм был поэт и историк Бенаи,⁴ которому было суждено погибнуть в 918 г. (1512) при взятии города Карши и избиении жителей. Поссорившись с Мир-

¹ مچالسی 15 а о надписи на крепости 'Имād (ср. Улугбек, 123); л. 236 о надписях на каком-то здании Аксарай, построенном при Абу-Са'иде.

² مچالسی 57 б; ср. выше стр. 127. ³ حبیب السیر 342 и сл.

⁴ О нем А. Н. Самойлович, ЗВО, XIX, 0164 и сл.

Али-Широм, Бенаи ушел в Ирак к султану Я'кубу, после этого „любовь к родине“ (он был уроженцем Герата) привлекла его вновь в Хорасан, где он опять не ужился с Мир-Али-Широм и ушел в Самарканд; там его хорошо принял Султан-Али; после крушения владычества тимуридов в Туркестане он присоединился к узбекам.¹ Мир-Али-Шир² говорит о Бенаи как о человеке необыкновенно способном и знающем, даже „несравненном во всех науках“, но надменном и мнительном; поэтому³ (sic) он вступил на путь бедности, но не выбрал себе наставника, а предавался этому делу, как ему приходило в голову, и не извлек из него никакой пользы. Не имея возможности остаться в Герате вследствие ссор с жителями, он ушел в Ирак (очевидно, эти слова написаны до возвращения Бенаи в Хорасан), но, так как он — способный человек, то есть надежда, что бедствия научат его душевному сокрушению и скромности. К этому надо прибавить, что Бенаи был из людей среднего сословия (اوساط الناس), чем, может быть, тоже были склонны объяснять его повышенное самолюбие в сношениях с вельможами. Однако, рассказ Бабура⁴ о поводе второй размолвки с Мир-Али-Широм, когда Бенаи ушел из Герата в Самарканд, заставляет предполагать, что Бенаи только был виновен в резком ответе на едва ли уместную шутку вельможи. Мир-Али-Шир однажды играл в шахматы, протянул ногу, случайно коснулся зада Бенаи и заметил (по-персидски)! „Не беда; в Герате, если протянуть ногу, непременно коснешься зада какого-нибудь поэта“. Ответ Бенаи (тоже по-персидски) не поддается переводу и, повидимому, содержит намек на половое извращение у Мир-Али-Шира.

Когда Шейбани взял Герат, он, очевидно, имел преувеличенное представление о меценатстве хорасанских правителей и вельмож и о богатствах, будто бы накопившихся вследствие этого у поэтов; поэтому Бенаи было поручено добыть у них денег. Стремление Бенаи найти золото у никогда не выдававших золота поэтов вызвало по его адресу злой стих, тоже не вполне приличный.⁵

¹ حبیب السیر 343.

² مجالس 346 и сл. (имя Бенаи в рукописи пропущено).

³ بوجہتدین. ⁴ GMS, I, 180. ⁵ Ibid., 206.

Характерен тоже рассказ¹ о столкновении между Мир-Али-Широм и ходжей Ала-ад-дином Али Сәни'и, поэтом и в то же время одним из чиновников Султан-Хусейна. Он считался способным человеком; как чиновника, его называли притеснителем простого народа; вельможи, в том числе Мир-Али-Шир, ненавидели его за интриги. Однажды он по адресу Мир-Али-Шира произнес персидский стих, в котором видели издевательство: „Завтра, когда на ристалище ударят мечи, станет известной сила руки Али-Шира“. Наконец, против Сәни'и удалось восстановить султана, и по его приказанию однажды есаул сбил с головы Сәни'и его высокую чалму; Мир-Али-Шир, обратясь к султану, произнес по-персидски стих: „Ношу головы ты облегчил, облегчи тоже ношу шеи“. Сәни'и подвергся заключению, в котором провел шесть лет и написал много сочинений. В это время он сочинил для Мир-Али-Шира газель, начинавшуюся стихом: „То, что никогда не доходит до тебя, это — моя жалоба, то, что никогда не проходит по твоему сердцу, это — воспоминание обо мне“. Но Мир-Али-Шир остался непреклонен.

Султан-Хусейн и его столица не надолго пережили Мир-Али-Шира. Победу узбеков облегчило безумие царских вельмож, отмечаемое и Бабуром,² после смерти Султан-Хусейна объявивших царями одновременно двух ненавидевших друг друга царевичей, Бади'-аз-замана и Музаффар-Хусейна. В 1507 г. Герат уже был в руках узбеков; в центре тимуридской культуры воцарился „не выдавший (света) деревенщина“, как называет его Бабур.³

Известны красноречивые слова Дози,⁴ по поводу испанских событий XI в., о том, как „сердце разрывается“ (*le coeur se fend*) при виде посрамления утонченной культуры варварами и наглыми выскочками. В наши дни эта чувствительная риторика отжила свой век, и можно говорить более спокойно о гибели того, что, как все в природе и в человеческой жизни, носит в себе самом задатки гибели. Лучшее в человеческой культуре не погибает, а передается следующим поколениям, в том числе и лучшие достижения утонченной городской культуры. Самому

¹ У Хондемира, *حبيب السیر* 332.

² GMS, I, 183.

³ Ibid., 206: *روستایی و نادیده کیشی*.

⁴ *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne* ³, I, 276.

Шейбани приписываются слова об истине, которая „яснее солнца и несомненное вчерашнего дня“, что со времени пророка „до наших дней“ не было царя более знающего, умного и утонченно-образованного, чем Султан-Хусейн.¹ Эти слова, если они вообще были сказаны, представляют дань уважения не столько к личности Султан-Хусейна, которого Шейбани, вероятно, мало знал, сколько к утонченной культуре созданного им и его сподвижниками Гэрата, города, которому, по убеждению Бабура, не было равного во всем мире.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абд-ар-Реззак — مطلع السعدين цитруется по рукописи Унив. № 157.

ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

Никитский — М. Никитский, Эмир-Низам-ад-дин-Али-Шир, в государственном и литературном его значении, СПб. 1856.

Улугбек — В. Бартольд, Улугбек и его время, Петроград, 1918 (Зап. Росс. Акад. Наук, 8-я серия, по Ист.-Фил. Отд., т. XIII, № 5).

Chrestomathie en turc oriental, contenant plusieurs ouvrages de l'Emir Ali-Schir, par M. Quatremère, 1-^r fascicule, Paris 1842.

Dawlatshāh — The Tadhkiratu sh-shu'arā etc., ed. by E. G. Browne, London-Leide 1901.

EI — Enzyklopaedie des Islām.

GMS — Gibb Memorial Series.

JA — Journal Asiatique.

Notice — Belin, Notice biographique et littéraire sur Mir-Ali-Chîr-Nevâ'î, JA XVII (1861), 175—256, 281—357. Цитуются страницы журнала, а не отдельного оттиска.

Siasset Namèh — Siasset Namèh, Traité de gouvernement, composé par le vizir Nizam oul-moulk, texte persan, éd. par Ch. Schefer, Paris 1891 (Publ. de l'Ecole des Langues orient. viv. III-e série, vol. VII).

Tarikh-i-Rashidi — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. An english version ed. by N. Elias, the translation by E. D. Ross, London 1895.

¹ Васыфи بدایع الوقایع рук. Az. Mya. 568 ba, л. 303 a и сл. خان شیبانی فرمودند که این سخن اظهار من الشمس وایین من الامس است که از زمان حضرت رسالت پناهی الی یومنا هذا پادشاهی بفعل ودانش و فراست و طبع کیاست و دقت و لطافت فطرت مثل سلطان حسین بای قرا بر تخت داریکه (sic) حشمت و شوکت ننشسته.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ZN — The Zafarnamah by Maulānā Sharfuddīn (sic) 'Alī of Yazd, ed. by Maulawī Muhammad Ishaqī, Calcutta 1887—8.

حبيب السير Хондемира, цитируется по индийскому (бомбейскому) изданию; смыслы на страницы все относятся к 3-му مجلد 3-го جزء.

روضۃ الصفا Мирхонда, т. VII; я пользовался тегеранским изданием 1270 г. х.

مجالس النفايس Мир-Али-Шира, цитируется по рукописи Унив. № 618.

المظفرية — Сборник статей учеников бар. Розена, СПб. 1897.

نوايس — Сборник ادبيات جمعيتى № 2, Баку 1926.

К стр. 103. С книгой Бува, выход которой в то время ожидался, я имел возможность ознакомиться только во время чтения последних корректур [L. Bouvat, *L'Empire Mongol* (2-ème phase), Paris, 1927 — *Histoire du Monde* publié sous la direction de M. E. Cavaignac, tome VIIIe]. Султан-Хусейну в этой книге посвящены стр. 162—180; о Мир-Али-Шире, кроме того, говорится в главе „La littérature turque“, стр. 205—207. Книга не представляет сколько-нибудь существенного шага вперед в науке; подобно своим предшественникам, автор не дает сколько-нибудь правильного представления ни о царствовании Султан-Хусейна, ни о жизни Мир-Али-Шира.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. А. А. Семенов. Персидская новелла о Мир-Али-Шире „Неваи“, Бюллетень Средне-Азиатского Государственного Университета. Вып. 13. Ташкент, 1926, стр. 177—185.

А. А. Семенову посчастливилось купить на базаре в Ташкенте рукопись части IV т. Мирхонда, в которой, как это бывает во многих средне-азиатских рукописях, помимо основного текста содержалось несколько других произведений, ничем между собой несвязанных. Среди этих отрывочных записей оказалась датированная 1251 г. х. (1835/6) небольшая повесть на персидском языке, излагающая легенду о начале карьеры Мир-‘Али-Шйра (под названием عنوان یافتن میر علی شیر), перевод которой А. А. Семенов и сообщает в своей статье. Содержание легенды в общих чертах сводится к следующему.

После краткого вступления, повествующего о том, как Мир-‘Али-Шйр путем остроумного ответа Султан-Хусейну из богатого помещика превращается в могущественного визиря, автор легенды рассказывает трогательное предание о трагической любви Невāи к молодой красавице Гуль. Невāи, случайно увидев ее на крыше дома, влюбился в нее и добился от красавицы и ее отца согласия на брак. Но на другой день мимо дома невесты проезжал на охоту сам Султан-Хусейн. Он увидел красавицу, вспыхнул к ней страстью и послал Невāи к ее отцу сватать ее для султана. Не смея ослушаться повелителя, Невāи выполнил возложенное на него поручение и добился согласия девушки. Однако, согласие это было дано ею только при том условии, что визирь выполнит все, что только потребует от него его бывшая невеста. Перед свадьбой она призвала к себе Невāи и приказала ему проглотить снадобье,

заказанное ею у аптекаря, причем сама она в то же мгновение проглотила какое-то другое зелье, заказанное одновременно с первым. При прощании Гуль объяснила Нев'аи, что приняла яд, который через сорок дней сведет ее в могилу, а ему дала лекарство, навсегда сделавшее его бездетным. Далее идет рассказ о свидании влюбленных на тридцать пятый день болезни красавицы. Султан-Хусейн случайно узнает, что визирь проник в его гарем, но не подает вида и ничего не предпринимает против нарушителя своих прав. Нев'аи же, страшась гнева султана, переодевается в рубище дервиша и бежит в Мекку. Узнав о бегстве визиря, султан посылает за ним скорохода, Нев'аи возвращается и оба соперника, объединенные общим горем, предадут земле прах любимой женщины.

Рассказ этот, по словам А. А. Семенова, написан простым и безыскусственным языком и наличием таджикских оборотов выдает свое средне-азиатское происхождение. А. А. Семенов предполагает, что он возник в народной среде — по его мнению, цель автора была оправдать бессемейную и бездетную жизнь Нев'аи, факт, который был отмечен еще Бабуром и, конечно, не мог не поражать мусульман своей необычностью. Предположение это следует признать весьма вероятным, но еще большего внимания заслуживает то обстоятельство, что, как весьма справедливо отметил А. А. Семенов, эта повесть доказывает необычайную популярность Нев'аи в Средней Азии. Несмотря на все попытки умалить значение Нев'аи для средне-азиатской литературы, делавшиеся последнее время на Западе, все же приходится признать, что стихи Нев'аи, хотя и являются типичным продуктом творчества подпавшей под влияние персидской культуры турецкой аристократии, но тем не менее они нашли широкое распространение среди всех слоев турецкого населения Средней Азии и ознаменовали собой эпоху в литературной жизни восточных турок. Новелла эта показывает, с какой любовью вспоминали Нев'аи в течение долгих лет после его смерти, и отсюда мы видим, что и широкие массы вполне сознавали значение Нев'аи, как национального поэта и общественного деятеля.

В прекрасном литературном переводе А. А. Семенова новелла, помимо своего историко-литературного значения, доставляет и чисто-художественное наслаждение и ознакомление

с нею должно быть настоятельно рекомендовано всем друзьям турецкой письменности.

Отмечу маленькую неточность, вкравшуюся в перевод стихов на 180 стр. Сообщаемые два бейта, как показывает различный размер, принадлежат двум разным стихотворениям и в одно целое соединены быть не могут. В первом полустишии первого бейта А. А. Семенов читает مُلْك, но размер допускает только чтение مَلِك и в соответствии с этим перевод должен быть исправлен так: „да наполнится от ангелов твой чертог светом...“ В первом полустишии *второго* бейта имеется один лишний слог против размера, а именно, вместо افلاكت должно читаться اخلاك, лишнее ت, повидимому, является опечаткой, ибо в переводе оно не передано.

В заключение нельзя не принести А. А. Семенову искренней благодарности за сообщение в печати этого крайне интересного документа.

Е. Бертельс.

2. نوايى — Сборник Азербайджанского Литературного Общества. Баку, 1926 г., стр. 107.

В ознаменование пятисотлетия от начала литературной деятельности Неваи Азербайджанское Литературное Общество в Баку издало под № 2 своих трудов и посвятило Первому Всесоюзному Туркологическому Съезду особый сборник статей на турецком языке о Неваи с приложением его портрета, найденного несколько лет тому назад в Туркестане.

За кратким редакционным вступлением (стр. 3—4), в котором указывается, что настоящий сборник является первым шагом в предпринимаемом Обществом исследовании чагатайской литературы, как части истории турецких литератур, следует самая крупная по объему статья проф. Исмаил Хикмета (стр. 5—71) „Эмир Али-Шир Неваи“. Первая половина этой статьи (стр. 5—42) посвящена жизнеописанию Неваи и составлена, как отмечает сам автор, по известной старинной работе о Неваи французского турколога Belin. Вторая половина статьи касается языка и творчества Неваи. Автор характеризует Неваи, как великого подражателя творениям таких корифеев персидской литературы, как Низами, Хосрев Дехлеви, Джамии; оста-

навливаются на взаимных влияниях Джами и Неваи; отмечает связь между творчеством чагатайского поэта Лютфи и Неваи, а также значение в жизни и литературной деятельности последнего Хусейна Байкара; касается вопроса о взаимном влиянии в XV в. османской и чагатайской литератур. Как и другие исследователи, И. Хикмет считает Неваи корифеем стихотворной формы, но по силе поэтического чувства ставит выше его Фузули, который также находился под влиянием стихотворного мастерства Мир-Али-Шира. В отношении силы поэтического чувства не ниже и даже несколько выше Неваи стоял, по мнению И. Хикмета, его школьный товарищ и впоследствии повелитель Султан Хусейн Байкара. Повторяя (стр. 58), что Неваи нельзя назвать оригинальным писателем, хотя он не был исключительно только переводчиком с персидского, автор подчеркивает заслугу Неваи в усовершенствовании чагатайского языка (стр. 48, 51) с оговоркой, что, конечно, и его язык не был чисто турецким, а отражал на себе влияние исламского воспитания и образования. В статью включены образцы стихотворного и прозаического языка Неваи. Следующая статья проф. Чобанзаде (стр. 73—80) „Неваи — лингвист“. Коснувшись сначала заслуг трех других „великих защитников турецкого языка в мире ислама“: Махмуда Кашгарского, Ашик-паши и Бергамалы Кадри, автор далее отмечает, что, во-первых, представители аристократии у турецких народов с древних времен (орхонские надписи) обнаруживали склонность к усвоению чужих культур и языков и, во-вторых, турецкий язык в прошлом, а местами и теперь не приобретал господства в городах, почему и задерживалось возникновение и развитие литературного турецкого языка у турецких племен (стр. 73—76). На страницах, посвященных собственно Неваи, как лингвисту (76—80), освещаются его теоретические и практические мысли о турецком языке по محاکمة اللغتين. Автор полагает, что недостатком у Неваи как и у предшествовавших ему защитников турецкого языка, было то, что он, призывая турок пользоваться родным языком, не выдвигал таких конкретных предложений, как введение турецкого языка в медресе и дервишеские обители или как необходимость знания турецкого языка для государственных людей (стр. 79). „Подобная защита языка осталась на Востоке вообще неизвестной и только в XIX веке при посред-

стве европейцев стала осуществляться в новых восточных государствах“.

Мирза Мухсин Ибрагими, владеющий западно-европейскими языками преподаватель персидского языка и литературы в Бакинском Университете, дал статью на турецком языке „Влияние на Али-Шир Неваи персидской литературы“ (стр. 83—101) с введением на тему „В каком положении находилась чагатайская литература до Али-Шир Неваи“. В начале статьи автор дает несоответствующие действительности сообщения о том, что за два века до нашей эры уйгуры имели письменность, что в V в. нашей эры они создали богатую и блестящую литературу, что ныне древнейшим из нам доступных произведений уйгурской литературы, написанных уйгурским алфавитом, является „Кутадгу-билиг“, что „Бахтиар-намэ“, „Мирадж-намэ“ и „Тевкере-и эвлия“ также являются памятниками уйгурской литературы. Для правильного представления обо всем этом достаточно обратиться к трудам на турецком языке проф. Кюпрюлюзаде. Далее автор касается вопроса о влиянии персидской культуры и на Александра Македонского, и на арабов, и на турков (стр. 86—88), а затем обращается к сравнительному изучению مخزن الاسرار Низами и حيرت الابزار Неваи, причем предвзвременно высказывает (стр. 88), пожалуй, несколько отличное от И. Хикмета мнение о творчестве Неваи: „Невозможно не видеть во всех произведениях Неваи персидского влияния, но это влияние проявлялось не столько в сухом подражании (تقليد), сколько в писании весьма живых параллельных произведений (نظيره); заимствованные им у персидских классиков вещи были им по настоящему переварены и появились на свет в оригинальном виде“.

Сравнив содержание вышеназванных произведений Низами и Неваи, автор (стр. 92) заключает: „В обоих произведениях после „бисмилля“, „хамд“, „мунаджат“, „на‘т“ и прочего мы видим 20 „мекале“, темы коих касаются веры и морали. Вопросы, разрешаемые Низами, в общем являются более высокими и глубокими; он старается осветить некоторые из важнейших вопросов мистическо-схоластической философии. Неваи, касаясь тех же вопросов только настолько, насколько это достаточно, чтобы показать свою в них осведомленность, освещает преимущественно религиозные и моральные вопросы, подходящие для

народных масс и более близкие их уму". Далее автор касается вопросов формы, метра и других, приводя для сравнения цитаты из مخزن الاسرار Низами, مطلع الانوار Хосрев Дехлеви, تحفة الاحرار Джами и حيرت الابرار Неваи. С тем, что Неваи писал для народных масс (خلق كتله له ري), конечно, согласиться нельзя.

Сборник заканчивается прозаическим и стихотворным переводом на турецкий язык, исполненным Мирзой Желаль Юсуфзаде, отзыва Джами о Неваи в заключительной части месневи первого „Искендернамэ“ (стр. 102—107).

Данные в сборнике отзывы о Неваи, как писателе, представляются мне, в общем, более близкими к истине, чем пренебрежительный отзыв, брошенный недавно французским ориенталистом Блоше.¹

А. Самойлович.

3. (باکو — 1926 — ارنشیر) وقفیه — علی شیر نوابی. стр. 55. Его же — منشآت (там же, 1926), стр. 88. Вакфийе. — Муншаат (произведения Неваи).

К юбилею Неваи и к Туркологическому Съезду Азербайджанское Государственное Издательство выпустило в двух томиках два прозаических, со стихотворными вставками, произведения Мир Али-Шира: его литературно обработанную вакуфную запись и его руководство по составлению частных и официальных документов. К первому тому приложено две статьи: одна — проф. И. Хикмета „Неваи“, другая — проф. Чобанзаде „О языке и языкознании Неваи“. Оба томика снабжены портретами Неваи. Проф. Чобанзаде пишет в своей статье (стр. 15), что о Неваи следует составить томы, но что это невозможно до критического издания его творений; сообщает, что в Узбекистане предполагается издать многие произведения из его „кюллиата“, и указывает, что настоящие два томика и статьи к ним следует рассматривать только как напоминание о стоящих пред нами в отношении Неваи обязанностях. Ни в той, ни в другой статье нет указаний на рукопись, по которой исполнено издание, но в статье И. Хикмета в сборнике, изданном Бакинским Литературным Обществом, сообщается, что рукопись сочинений

¹ Les enluminures des manuscrits orientaux de la Bibliothèque Nationale par E. Blochet. Paris, 1926, p. 95.

Неваи приобретена Азербайджанским Государственным Издательством. Авторы предисловия не отмечают также, что отрывки из обоих произведений Неваи были изданы в 1857 г. в Казани проф. Березиным, в т. I его „Турецкой хрестоматии“: отрывок из وقفیه на стр. 162—166 (соответствует стр. 37—40, строка 4 сверху бакинского издания) и отрывок из منشآت на стр. 180—201 (соотв. стр. 2—17, строка 7 сверху бак. изд.).

Не будучи, как и отрывки Березина, критическим, бакинское издание исполнено по хорошей рукописи и, несмотря на корректурные недочеты, должно быть признано в общем удовлетворительным.

А. С—ч.

4. ازنشیر — حسین بایقرا دیوانی 1926 стр. XV + 76. Диван Хусейна Байкара. Цена 60 к.

Выпущенный Азербайджанским Государственным Издательством к Туркологическому Съезду сборник стихотворений известного чагатайского поэта, Султана Хусейна Байкара, снабжен портретом автора по старой миниатюре и краткими вводными статьями профессоров И. Хикмета и Б. Чобанзаде. Как и в своей статье о Неваи, И. Хикмет и в данном введении признает превосходство Хусейна Байкара над его современником, другом и министром Неваи в отношении поэтического чувства, лиризма, вкуса и изящества (стр. VIII). В обеих вводных статьях указывается, что издание сборника было исполнено с большой торопливостью по плохой, спешно приготовленной новой копии с рукописи, которая принадлежит известному современному узбекскому писателю Фитрату (стр. VIII, XI). Проф. Чобанзаде приводит краткое сообщение о виденной им прекрасной рукописи дивана Хусейна Байкара в Азиатском Музее, № 292 (стр. XI—XII), а в конце своей статьи отмечает, что узбекская литература и по содержанию и по форме отделилась от чагатайской только к концу XIX века. Я считаю, что это отделение произошло даже еще позднее, причем местами в Средней Азии и поныне продолжает жить и старая чагатайская литература.

В сборнике стихотворений Хусейна из коллекции Фитрата 127 газелей и 3 мурейба. В моем не напечатанном указателе стихотворений того же поэта собрано 207 №№ по рукописям Азиатского Музея (№ 292), Государственной Публичной Библио-

теки (№ II—6—17, копия 1869 г. из Хивы) и бывшей библиотеки Учебн. Отд. Мин. Иностр. Дел, ныне принадлежащей Азиатскому Музею (№ 479, стр. 190—191 каталога В. Д. Смирнова), а также по VIII части *مجالس النفاثيس* Неваи. Сравнительно с моим указателем бакинское издание включает в себе только одно новое стихотворение, по моему счету № 24 (стр. 13): *منينك قتليم آنى* *قصدى وصلى كونكول مقصودى دور*. Подстрочные поправки к тексту, предлагаемые Фитратом, обычно по проверке оказываются правильными.

Сборник Фитрата дает стихотворения Хусейна в алфавитном порядке рифм. Как явствует из этого порядка, стихотворение по моему счету № 84 (стр. 48), начинающееся словами: *اى جفا*, *تيغى كيليب*, относится к числу рифмующих на *ارو* —, что подтверждается всеми ленинградскими рукописями, и издатели совершенно напрасно прибавили ненужное *ر* «*يارور*», и т. д. Рифма эта встречается и у Неваи. Имеются с другой стороны нарушения алфавитного порядка (стр. 24: *ق* после *ك*; стр. 27: *ك* после *ل*; стр. 59: *ا* после *ل*), причем неизвестно, были ли эти нарушения в рукописи Фитрата, или внесены позднее.

В общем все-же издание следует признать удовлетворительным. Азербайджанское Государственное Издательство заслуживает благодарности за популяризацию классических памятников чагатайской литературы среди турецких племен.

А. С—ч.

5. Эмир Али-Шир Наваи. Сравнительное изучение двух языков: Фарсидского и Тюркского. Собрал и переложил на Туркменский язык **А. Куль-Мухамедов.** Туркменское Государственное Издательство. Полторацк (Асхабад). 1925 г. Стр. 90 in 16°. Тираж 5000. Цена 40 коп.

Известное сочинение Неваи *محاكمة اللغتين*, имеющее целью доказать превосходство в некоторых отношениях турецкого языка над персидским и тем содействовать развитию литературной деятельности не на персидском, а на турецком языке среди турков, было одним из первых, изданных в Европе,¹

¹ *Chrestomathie en turc oriental*, contenant plusieurs ouvrages de l'Émir Ali-Schir, publiés par M. Quatremère. 1-er fascicule. Paris, 1841 (издание осталось незаконченным), р. 1—39.

и особенно привлекает к себе внимание современных нам представителей турецких племен. Кокандский литератор, узбек Ашура Али Загирия, выпустивший в 1917 г. литографированное издание اثر امير نظام الدين عيشير النوايى محاكمة اللغتين تورك لغتى بيلان فارسى نينك محاكمة سيدن عبارت دور (Коканд, без указания даты. Рукопись переписана 20 декабря 1916 г. рукою издателя, см. стр. 39), давая вместо предисловия узбекский перевод отрывка о Неваи из словаря Сами-бея قاموس الاعلام, повторяет и слова этого османского ученого о том, что محاكمة اللغتين „является для нас самым драгоценным, так как написано с целью доказать крайнее богатство и совершенство турецкого языка сравнительно с персидским“. Издатель газеты اقدام Ахмед Джевдет обнаружил в 1310 г. х. в Стамбуле османско-турецкий перевод محاكمة اللغتين известного турколога Велед Челеби вместе с биографией Неваи, составленной проф. Неджиб Асымом (этого издания я не видал). Накануне юбилейного года Неваи, в 1925 г. появляется, наконец, и туркменское переложение этого популярного среди турков произведения Али-Шира.

Приведенное выше русское заглавие туркменского издания помещено на левой стороне обложки, а на лицевой стороне читаем: امير آلى شير ناوايى · موحاكمه توللوقاتهدين · تورك وه پارس ديبللهرينى دهكده شدرتوب تورك ديلى نيك بايلغنى گوركدهزن بر كيتاب در. Обложка украшена орнаментом в красках, составной частью коего, естественно, является туркменский ковер.

Автор переложения, туркмен Куль-Мухаммедов, ныне заместитель редактора газеты „Туркменистан“, человек, не смотря на свой молодой возраст, со сложной и интересной биографией, будучи автодидактом, горячо интересуется культурным прошлым турецких племен и особенно туркменов и с увлечением собирает соответствующие материалы, в частности рукописи. В новейшее время (1926 г.) он издал, кроме сборника собственных стихотворений اوميت يالقملارى, сборники двух старых туркменских поэтов: Сеиди и Зелили.

В предисловии (стр. 3—17) кратко и популярно сообщается о судьбах турецкого литературного языка в Средней Азии и пересказывается биография Неваи, причем автор считает нужным, ради исторической правды, оговорить (стр. 7—8), что нельзя объявлять всетурецкого писателя из племени барляс Неваи ни узбеком, ни туркменом. В примечаниях на стр. 17—18

указывается, что при переложении некоторые арабские слова заменялись турецкими и витиеватые восхваления султанов и писателей сокращались, но переводчик не упоминает о том, что переложению на туркменский язык подвергались иногда и стихотворные вставки на чагатайском языке и при этом на метр внимания не обращалось. Пример (изд. Катремера, стр. 1; туркменское переложение, стр. 20):

по-чагатайски

یعنی که چو عالم نی یارتتی معبود
عالم ایلیکا قدرت ایله بیردی وجود
انسان ایدی مقصود که بولدی موجود
انسان دین هم حبیبی ایردی مقصود

по-туркменски

یاغенی کی الهمی یاراتدی مهغبود
الهم ایліна قودرهت بیله берді وجود
айнсанды меқсуд болды موجود
айнсандан да ҳабиби ади меқсуд

А. Самойлович.